

ИГАЛ АЛЛОН

ЩИТ ДАВИДА

ИГАЛ АЛЛОН • ЩИТ ДАВИДА

120

Игал Аллон
ЩИТ ДАВИДА

Игал Аллон
ЩИТ ДАВИДА

Библиотека-Алия
1985

Printed in Israel

Yigal Allon
Shield of David (1970)

יגאל אלון
קשת לוחמים (1972)

Перевел с английского Г. Бен.
Под общей редакцией И. Авидара.

©
All rights reserved

ספרית-עליה
ת.ד. 7422, ירושלים
היוצאת לאור בסיוע:
האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים
וקרן זכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק

ИГАЛ АЛЛОН (ПАЙКОВИЧ)

Земледелец, киббуцник, полководец, политический деятель, писатель и педагог — все соединились в одном человеке, Игале Аллоне. Самоотверженность и упорство, преданность делу при выполнении важнейших для страны заданий в любое время при любых обстоятельствах всегда ставили его в центр крупнейших событий в жизни ишува и независимого еврейского государства.

Игал Аллон родился в 1918 году в маленьком, отдаленном от центра поселении (мошава) Месха у подножия горы Тавор. Он рос в бедности, в атмосфере повседневных забот земледельца, к которым присоединялась необходимость отражать нападения со стороны арабских соседей. Мальчик учился в местной школе, работал в поле, пас мелкий скот, принадлежавший семье, привыкал владеть оружием, что было необходимо для защиты поселения.

В ранней юности вступил Аллон в ряды Хаганы, а затем стал одним из основателей Палмаха — ударных отрядов Хаганы. В 1941 он командовал подразделением, которое вместе с союзниками участвовало в боях на территории Сирии и Ливана. В 1942 году Аллон возглавил разведывательную и диверсионную сеть Хаганы в Сирии и Ливане, в 1943 стал помощником командира, а с 1945 — командиром Палмаха. Палмах сыграл решающую роль в обороне ишува и обеспечении его безопасности, в борьбе против англичан, в деле "нелегальной" иммиграции, а также в военных операциях Войны за Независимость, в результате которой образовалось суверенное Государство Израиль.

Во время Войны за Независимость И. Аллон зани-

мал центральные посты в армии и руководил рядом крупнейших и решающих операций на Севере, в центре страны и в Негеве вплоть до победы, внося в нее существенный вклад.

После окончания войны и роспуска Палмаха как отдельного подразделения Аллон продолжил свое образование в Оксфордском университете, а затем занялся общественной деятельностью. Он придавал особое значение вопросам образования и культуры в молодом государстве, его оборонной мощи, экономической базе, а также укреплению его политического положения и построению трудового, основанного на равенстве и справедливости демократического общества.

И. Аллон занимал, в разное время, ряд ответственных постов в правительствах Израиля. Он был министром труда (1961—68), с 1968 — заместителем премьер-министра и министром репатриации и абсорбции, после выборов 1969 и до 1974 министром просвещения и культуры, в 1974—77 министром иностранных дел, оставаясь на посту заместителя премьер-министра. На каждом из этих постов он проявлял талант, преданность своему делу и реалистический подход к решению насущных проблем, отличаясь широким кругозором, сознанием нужд и целей страны и умением вдохнуть жизнь в любое дело, за которое принимался. В июне 1967 года Аллон входил в правительственную комиссию, выработавшую стратегию Шестидневной войны, а вскоре после ее победоносного завершения разработал так называемый план Аллона, главное в котором — мирная программа, обеспечивающая нашему государству необходимые для его обороны границы за счет возвращения соседним странам определенных территорий. Этот план и в настоящее время имеет шансы стать основой мирного урегулирования и нормальных добрососедских отношений между нашей страной и арабскими государствами.

Игал Аллон излучал человечность и культуру, относясь с товарищеским пониманием к людям и их нуждам, к обществу и его проблемам. Благодаря этим

своим свойствам он повсюду пользовался любовью и уважением.

Игал Аллон многое не успел сделать, но другие продолжают идти по его стопам — по пути первопроходца и бойца, государственного деятеля и высоко-нравственного человека, поборника справедливости и мира.

Моше Кармел

Посвящается Рут

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора	1
1. От погромов — в Эрец-Исраэль.	3
Возрождение еврейской самообороны. Из черты оседлости — в Эрец-Исраэль. Бар-Гиора и Хашомер. Нили.	
2. Евреи в военных мундирах	35
Еврейский легион. Сионский корпус погонщиков мулов. Трумпельдор и Жаботинский. Тель-Хай. Хагана.	
3. Хагана пускает корни	70
В Палестине неспокойно. Садэ и Уингейт. Белая Книга и лорд Пиль. Сдержанность или возмездие? Ряды Хаганы ширятся.	
4. Палестина во время войны	111
Рождение Палмаха. За и против Великобритании. Катастрофа европейского еврейства. Палестинские евреи в тылу врага. Еврейская бригада.	
5. Борьба против Великобритании.	153
"Нелегальная" иммиграция. Подпольная железная дорога. Приобретение оружия. Собственная оружейная промышленность. Ответные меры Великобритании. Комиссия ООН в Палестине.	
6. Война за Независимость	208
Раздел. Силы арабов и евреев. Падение Эциона. Осада Иерусалима. Провозглашение независимости. Вторжение. Поворотный момент. Победа.	
7. Террор и возмездие	255
Хагана превращается в Армию Обороны Израиля. Фидаийун. Синайская кампания. Оккупация Синая и отвод войск. Конец второго раунда.	
8. Третий раунд	275
"Ал-Фатх". У Тан и Чрезвычайные вооруженные силы ООН. Насер блокирует Тиранский пролив. Мобилизация. Шестидневная война. Колесо делает полный оборот.	

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В последние годы, особенно после Шестидневной войны 1967 года, люди во всем мире стали задаваться вопросом, как могло случиться, что Армия Обороны Израиля одержала столь блистательную победу над армиями арабских стран. Что помогло еврейскому народу, традиционно столь далекому от воинственности, достичь таких высот воинского искусства? В чем секрет доблести израильских солдат, летчиков и моряков?

Можно, конечно, сказать, что ничто и никогда не возникает "вдруг"; что история еврейской самообороны в Эрец-Исраэль насчитывает уже около восьмидесяти лет и зиждется на самоотверженности тысяч мужчин и женщин, не стремившихся к славе, а лишь беззаветно преданных делу национального самоутверждения еврейского народа, решившего во что бы то ни стало выжить.

В этой книге я попытался рассказать о некоторых эпизодах истории, которые мало кто знает, и сделать это по возможности просто, кратко и доступно широкому читателю. Мое повествование вовсе не претендует на исчерпывающее исследование становления израильских вооруженных сил или на исторический анализ разработанных ими военных доктрин. Это скорее краткий набросок, очерк о событиях и людях, стоявших у истоков еврейского сопротивления, а затем создавших армию Государства Израиль.

Я был непосредственным участником многих из описанных здесь событий — вначале как молодой, неопытный новобранец, затем как кадровый офицер и командир и, наконец, как министр, в чьи обязанности входило принимать ответственные решения. Некото-

рые из замечательных людей, о которых рассказывается в этой книге, были моими наставниками, другие уже успели стать легендой — легендой, на которой я был воспитан; одни были кумирами моего детства, другие — современниками и товарищами по оружию. Однако то, о чем я пишу, ни в коей мере не автобиография. О себе я старался не писать, я хотел лишь объективно рассказать, как все происходило, с тем, чтобы легче можно было разобраться в вопросах, возникших после 1967 года. Я хотел отдать должное истории и познакомить зарубежных читателей с теми, чье мужество и стойкость были неотъемлемой частью великой традиции, почитаемой в государстве, за существование которого они сражались и отдавали свою жизнь.

Я хотел бы выразить глубокую благодарность Рине Самуэль за неоценимую помощь в работе над этой книгой; Ашеру Вайлю за редакторские советы; бывшему заведующему историческим отделом Армии Обороны Израиля Нетаниэлю Лорху, внимательно прочитавшему рукопись; Алексу Берлайну, художнику-графику, чье оформление столь украсило книгу. Я должен также добавить, что ответственность за все погрешности или неверные суждения целиком ложится на автора.

Игал Аллон

Август 1970,
Гинносар

1. ОТ ПОГРОМОВ — В ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ САМООБОРОНЫ. ИЗ ЧЕРТЫ ОСЕДЛОСТИ — В ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. БАР-ГИОРА И ХАШОМЕР. НИЛИ

О тех мужчинах и женщинах, которые в начале двадцатого века прибыли в Эрец-Исраэль, взяли в руки оружие и создали первые в современной еврейской истории военизированные отряды Бар-Гиоры и Хашомер, став, таким образом, основателями сил обороны Израиля, — об этих людях в первую очередь нужно сказать следующее: они понимали, что участник самообороны должен во всем рассчитывать прежде всего на самого себя. Но, кроме этого, о них можно сказать еще многое: что они были евреями из Восточной Европы, преисполненными решимости возродить еврейское государство на Святой земле; что они были социалистами, признававшими и утверждавшими право каждого народа на национальное самоопределение; что они были революционерами, посвятившими жизнь двум целям: с одной стороны, достижению социального и экономического равенства и братства людей, а с другой — осуществлению давней романтической мечты, которая не имела никакого отношения к классовой борьбе.

Еврейская самооборона

Но самое главное — это были люди, убежденные в том, что истинный смысл сионизма — в непосредственном личном участии в любых начинаниях, которые могут способствовать возвращению евреев в Сион. И среди всего многообразия этих дел основное внимание

уделялось самообороне. Однако вдохновение они черпали не в сознании того, что являются преемниками воителей библейских времен (как можно было бы предположить), и не в мифологии, повествующей о битвах давно минувших дней. Напротив, эти люди были продуктом своего времени и стран, в которых они родились. Они были детьми обитателей местечковых гетто России, Румынии, Польши и Литвы. Тем не менее взгляды их формировались под влиянием либеральных веяний, характерных для Европы конца девятнадцатого столетия. Они были евреями, отвергшими мученичество и не желавшими оставаться пассивными перед лицом воинствующего антисемитизма.

В отличие от своих дедов и даже отцов, они порвали с традиционным местечковым бытом. Это не были ортодоксальные евреи: они говорили по-русски, получили некоторое светское образование, ощущали себя участниками общечеловеческой борьбы за усовершенствование общества. И поэтому, когда в 1903—1904 годах по России прокатилась волна погромов, они повели себя тоже далеко не ортодоксально.

Погромы и самооборона

Если прежде в минуту опасности евреи собирались вместе, молились, чтобы буря пронеслась мимо, и находили утешение в собственной духовной жизни и вере, то эта молодежь не желала больше безропотно терпеть насилие. Весной 1903, когда царские чиновники натравили банду погромщиков-антисемитов на еврейскую общину в Кишиневе (Бессарабия), члены крохотной сионистской социалистической партии в белорусском городе Гомель решили подготовиться к защите. Было совершенно очевидно, что Россия стоит перед новой волной погромов; но на сей раз — по крайней мере, в одном городе, — погромщики получают отпор. Казалось бы, нечего было и думать, что в Гомеле удастся организовать сколько-нибудь эффективное сопротивление. Но молодые гомельские сионисты тща-

тельно разработали план действий. Организовать настоящую оборону было бы абсурдной затеей. Тем не менее они закупили оружие; они создали специальную службу по сбору разведывательной информации, чтобы не оказаться захваченными врасплох (для этого они иногда даже переодевались в русских крестьян); они узнавали о настроениях и действиях погромщиков; затем они разделили еврейские улицы Гомеля на небольшие кварталы самообороны. И когда погром в Гомеле наконец разразился, евреи были готовы дать отпор мучителям. Впервые за сотни лет они вышли на улицы с оружием в руках. Сначала пришлось драться с пьяным хулиганьем, но позднее, когда на помощь погромщикам пришли царские войска, гомельским евреям пришлось вести перестрелку с солдатами регулярной армии.

Гомельский погром продолжался три дня. За границей о нем даже не узнали, да и в самой России он не привлек к себе особого внимания. И все же он предшествовал важному историческому событию. Дело в том, что первыми революционерами-переселенцами из России в Палестину в 1904 году были те самые молодые гомельцы, которые несколькими месяцами ранее совершили неслыханное: вступили в бой с царскими войсками.

Встреча с Палестиной их в некотором смысле разочаровала. Они грезили о прекрасной плодородной земле, текущей молоком и медом, о вечном рае, а нашли запущенную провинцию, глухую окраину гниющей Османской империи. Управляли Палестиной продажные турецкие чиновники и делали это из рук вон плохо, ибо служба в Святой земле не сулила ни престижа, ни денег. Молодым гомельским идеалистам было от чего прийти в отчаяние. Все еврейское население тогдашней Палестины составляло примерно пятьдесят тысяч человек. Разумеется, евреи жили в Палестине всегда; веками селились они в основном в четырех святых городах: Иерусалиме, Тверии, Хевроне и Цфате, и там посвящали себя изучению Торы, существуя

главным образом за счет добровольных пожертвований, которые собирали для них набожные евреи всего мира. В средние века было сделано несколько попыток организовать массовое возвращение евреев в Эрец-Исраэль, но ни одна из них успехом не увенчалась. И вот к концу девятнадцатого века среди евреев воцарился новый дух, и возникновению его в значительной мере способствовало резкое ухудшение условий жизни русского еврейства.

Зарождение еврейского ишува

В 1870 году неподалеку от городка Яффы, населенного в то время арабами, была основана сельскохозяйственная школа Микве-Исраэль. А в 1878 году появилась первая еврейская деревня Петах-Тиква ("Врата надежды"). Она занимала приблизительно восемьсот акров земли, на которой свирепствовала малярия, и в конце концов из этих начинаний ничего не вышло. Деревню забросили на многие годы, но, тем не менее, первый шаг был сделан. В Петах-Тикве горстка людей, непривычных к жаркому климату и не имевших ни малейшего понятия о сельском хозяйстве, вновь, после более чем тысячелетнего перерыва, обратилась к земледельческому труду.

В 1882 году группа переселенцев из Румынии основала в Верхней Галилее деревню Рош-Пина. У истоков первой волны новой алии стояли переселенцы, называвшие себя билуцями — название БИЛУ составлено из первых букв четырех слов библейского стиха; "Дом Иакова! Вставайте и пойдем!". Под влиянием идей сионизма, усвоенных в сионистских клубах, билуццы решили, не откладывая дела в долгий ящик, переехать в Палестину. Такие клубы возникли тогда по всей Восточной Европе, и лозунгом своим они провозгласили "Любовь к Сиону". Из них вышли первые еврейские поселенцы, осевшие на земле и посвятившие себя сельскохозяйственному труду.

К 1900 году в Палестине существовала уже целая

сеть поселений. Даты основания этих поселений, а зачастую и их названия, столь же показательны, сколь и их географическое расположение: на прибрежной равнине появились в 1882 году Ришон-ле-Цион ("Первый в Сионе"), в 1884 — Нес-Циона ("Знамя Сиона"), в 1890 — Гедера ("Загон") и Реховот ("Просторы"); на севере в 1882 году возник Зихрон-Яаков ("Память о Иакове") и в 1883 — Иесуд Хамаала ("Начало подьема").

В 1904 году ни одно из этих поселений нельзя было назвать процветающим: все они в той или иной степени зависели от филантропической деятельности барона Эдмона де Ротшильда и других членов этой богатой и влиятельной семьи. Жизнь поселений была во многих отношениях организована по "плантационному" принципу: большую часть тяжелой работы выполняли арабские батраки, да и охрану поселения тоже иногда вверяли не слишком надежным арабским рукам. Однако, купив землю и осев на ней, первые поселенцы создали, можно сказать, плацдарм. И сделали они это сознательно, чтобы заново обрести и освоить эту страну, которую они твердо считали страной своих предков, которая была заповедана им и их потомкам союзом между Богом и Авраамом. Они уже отчаялись получить какую-то поддержку извне; жизнь их постоянно была в опасности; они были оторваны не только от жизни европейских евреев, но и никак не соприкасались с враждебным им турецким режимом. Но для этих людей сельское хозяйство впервые стало не только источником хлеба насущного, но и способом обрести право на свою землю, а, возможно, когда-нибудь — и на политическую независимость. Они говорили, думали и писали категориями своего народа. Созданные ими ничем не примечательные поселения были для них как аванпосты без штаба, без центра и без тыла, которым предстояло определить границы будущего еврейского государства. Да, они были первопроходцами, но в масштабе всей тысячелетней еврейской истории их можно рассматривать как продолжателей древних тра-

дий, которым удалось воплотить в жизнь многовековые чаяния своего народа.

Первые поселенцы были в определенном смысле стратегами — первыми стратегами возвращения, хотя более энергичные их последователи, приехавшие в 1904 году из Гомеля с куда более радикальными идеями, и относились к ним с некоторым недоверием. Если бы они предвидели, что им придется отстаивать свои завоевания с оружием в руках (а такие мысли тогда мало кому приходили в голову), и если бы они думали о том, как лучше всего расселить евреев на земле, находившейся по сути дела во вражеском тылу, они бы сделали именно то, что сделали, то есть строили бы свои деревни как крепости, обнося их высокими стенами, и строили бы их по всей стране — на севере, на прибрежной равнине и на юге. Они создали бы своеобразные "коридоры", чтобы связать в единое целое все еврейские поселения, положив тем самым начало процессу постепенного перехода земли в руки евреев и создания современной еврейской экономики. Именно это и делалось на практике.

Через дневники и письма этих людей проходит единый восторженный мотив, единое ощущение причастности к процессу, который приведет к историческому повороту в судьбах народа по пути, начертанному на Первом сионистском конгрессе в Базеле, собравшемся по инициативе Теодора Герцля.

Однако гомельские евреи, более искушенные, проницательные и самокритичные, чем первые поселенцы, взирали на эти начинания весьма скептически. Они видели вокруг сухую, растрескавшуюся на солнце землю, поросшую колючим кустарником; местами встречались одиночные эвкалипты или оливковые деревья, апельсиновая рощица или миндальная плантация, и все это — исключительно благодаря стараниям благотворительных организаций, учрежденных бароном де Ротшильдом. Это, конечно, свидетельствовало о том, что евреи наконец начинают овладевать сельскохозяйст-

венной премудростью. Но непосредственную работу почти везде выполняли арабы.

Гомельским евреям пришлось иметь дело с турецкой жандармерией, и они видели, в каких грандиозных размерах развито здесь взяточничество. Они ездили из Яффы в Петах-Тикву и убеждались, что страну терроризируют бандиты, которые чувствуют себя в ней как нельзя более вольготно. Они искали работу на полях Петах-Тиквы и узнавали, что для евреев работы нет: как бы само собой разумелось, что евреи призваны быть надсмотрщиками, а не трудиться на пашне. Все необходимые сельскохозяйственные работы — пахота, прополка, уборка урожая и так далее — выполнялись арабами. Это считалось более чем справедливым и воспринималось как само собой разумеющееся, ибо, говорили поселенцы, во-первых, арабский труд дешевле, а, во-вторых, у арабов больше опыта в сельском хозяйстве.

Яркое описание тогдашней Петах-Тиквы с ее типично феодальным способом ведения хозяйства оставил нам Исраэль Шохат, молодой еврей из России, который впоследствии стал одним из создателей сначала Бар-Гиоры и затем Хашомера. Исраэль Шохат был типичным поселенцем периода Второй алии, второй волны сионистской иммиграции в Палестину в 1904—1914 годах.

”Петах-Тиква, — пишет Шохат, — по виду ничем не отличается от любой другой деревни: небольшие каменные дома или деревянные избы, немощеные улицы, крестьяне в рабочей одежде. Вокруг деревни — апельсиновые рощи, виноградники, обработанные поля и эвкалипты. Нет ни малейших признаков того, что хотя бы молодежь принимает какое-то участие в предприятии национального масштаба. Она мало чем отличается от обычных детей фермеров, за тем лишь исключением, что основная ее задача — следить за тем, чтобы арабы работали как следует. После того как я пробыл в Петах-Тикве неделю-другую, мое восхищение самым фактом еврейского сельскохозяйственного поселения

в Палестине начало улетучиваться. Ощущение чуда развеялось. В центре деревни, на рынке: все, что я там видел, произведено арабами из окрестных деревень и ими же продается. Каждый день чуть свет сотни арабов стекаются в Петах-Тикву в поисках работы и обычно находят ее. Что касается языка, то все поселенцы говорят на идише. Говорить на иврите считается нелепостью, каким-то сионистским чудачеством. Но самое серьезное то, что евреев здесь на работу, как правило, не берут”.

Когда Шохат и его друзья возмутились таким положением, жители Петах-Тиквы быстро нашли ответ: ”Поезжайте в Америку, — говорили они, — заработайте там побольше денег, а потом возвращайтесь и купите себе апельсиновую рощу!” Другие называли Канаду или Австралию. Но молодежь Второй алии решила не сдаваться. Уж как-нибудь они найдут себе работу. И нашли!

Всего за несколько месяцев число работников-евреев в Петах-Тикве значительно возросло. Новоприбывших встречали в Яффе и сообщали, что работа для евреев есть, хотя получить ее и нелегко.

По вечерам они собирались в крошечной комнатенке, где негде было повернуться, пили чай, часами говорили о социализме и спорили, как и когда они смогут изменить жизнь в еврейских поселениях, сделать ее лучше и чище. Что для этого необходимо? Просвещение народа? Освобождение древней родины? Всеобщее равенство? Повышение производительности труда и независимость? Что осталось от их светлой мечты, которую они лелеяли, когда плыли на жалких переполненных суденышках к берегам Палестины? Неужели эта мечта останется всего лишь высоким, но неосуществимым идеалом, который в Сионе лишен какого бы то ни было смысла? Что произошло с идеалистами-билуйцами, переселившимися в Палестину до них? Что сковало их энергию и помешало продолжать борьбу за осуществление первоначальных целей? Почему жители Петах-Тиквы, осушившие болота, от-

стоявшие свою деревню от бандитских набегов и ставшие символом мужества и упорства, теперь так пассивны и не желают, а может быть, и не могут что-либо изменить? Не потому ли, что барон де Ротшильд своей щедростью снял с них бремя борьбы за существование? А может, они устали бороться и слишком быстро приспособились к этой тусклой жизни.

*Исраэль Шохат разрабатывает принципы
еврейской самообороны*

Но не сошелся же свет клином на Петах-Тикве: может быть, эта деревня — исключение. В надежде увидеть что-то лучшее, они решили посмотреть, что делается в других поселениях. Когда они приехали в Ришон-ле-Цион, основанный в 1882 году поселенцами Первой алии и славящийся своими винными погребками, построенными на средства барона, их изумленному взору предстало нечто совершенно пародийное, какая-то буколическая оперетка: большие прохладные виллы, хорошо, даже модно одетые "крестьяне", болтавшие по-французски, по-арабски и на идише, но почти не знавшие иврита, девицы в платьях с оборочками. И здесь вся рабочая сила состояла из арабов. На вопрос, где же работники-евреи, поселенцы отвечали, что евреи работают в Ришон-ле-Ционе только сезонно, на уборке урожая, да и то не так уж их много. Исраэлю Шохату все же удалось найти себе в Ришон-ле-Ционе работу и даже жилье. По субботам он часами бродил по окрестностям Ришон-ле-Циона, практикуясь в иврите с местной молодежью, когда кто-нибудь соглашался составить ему компанию.

Во время одной из таких прогулок Шохат столкнулся с одной стороной жизни в Эрец-Исраэль, которая произвела на него глубокое впечатление и побудила его во время долгих разговоров с друзьями из Гомеля вновь поднять вопрос о необходимости организации еврейской самообороны. Проходя мимо одной арабской деревни, Шохат увидел людей, которые своим

видом и одеждой никак не были похожи на других арабов. Оказалось, что это вовсе не арабы, а черкесы — остатки гордого и воинственного кавказского мусульманского племени, — переселившиеся в Палестину с Абдул-Хамидом во второй половине девятнадцатого столетия.

Черкесские дозоры

Шохат заинтересовался этими людьми и внимательно выслушал рассказ одного старожилы об особом положении черкесов в стране. Хотя они здесь очень малочисленны — всего несколько сот человек — арабы относятся к ним с большим уважением. Не то чтобы арабы их любили, но они стараются черкесов не трогать и вообще держаться от них подальше. А что касается бедуинов, так те черкесов определенно боялись. Черкесы умеют делать все то же, что и арабы, но еще лучше, чем те. Они непревзойденные стрелки, искуснейшие наездники и, что самое главное, необычайно смелы и выносливы. Жители некоторых арабских деревень неподалеку от Ришон-ле-Циона даже просили черкесов защищать их от бандитов. И во многих еврейских поселениях черкесы пользовались полнейшим доверием как самые надежные часовые.

Шохат долго размышлял, в чем же по сути дела разница между положением черкесов и евреев? Дело даже не в том, что арабы наметили себе евреев в качестве жертв, а в том, что они презирали евреев, считая их слабыми и беззащитными. Арабы дали евреям прозвище "дети смерти" и не упускали возможности подчеркнуть свое глубокое презрение к еврейским иммигрантам. Много лет спустя, вспоминая о том субботнем утре, когда он впервые столкнулся с черкесами, Шохат писал: "У черкесов многому можно поучиться. Они составляли лишь очень незначительное меньшинство среди океана арабов, и тем не менее завоевали почет. Они прочно закрепились на этой земле и создали свои деревни. Так, может быть, и для нас еще

не все потеряно? Может быть, и нам еще не поздно доказать свою силу, утвердиться и обосноваться на этой земле и заставить наших арабских соседей относиться к нам с уважением? Но для этого необходимы отвага и стойкость”.

Поселенцы Второй алии были социалистами, провозвестниками нового мира, противниками эксплуатации и неравенства, и поэтому сама мысль о возникновении в Палестине еврейской элиты была для них кощунственной. Но как, пусть даже в Палестине, может выжить и утвердиться общество, зависящее от милости враждебного большинства? Евреи должны добиться того же, что и черкесы. Делом первостепенной важности была борьба за ”трудовой рынок”: не может быть Еврейского государства без еврейских трудящихся. Но частью этой борьбы были право и обязанность евреев защищать свои дома и фермы.

Несколько месяцев колесил Исраэль Шохат по стране, споря с друзьями и с новыми поселенцами. Он умолял их: дайте нам хоть попытаться организовать собственную охрану, даже если мы наделаем ошибок, дело того стоит. Но имя сомневающимся было легион. Еврейские фермеры и мысли такой не допускали, чтобы свою жизнь и собственность доверить кучке зеленых юнцов, которые и мест-то здешних не знают и ментальности шейхов, которые управляют арабскими деревнями, не понимают, и даже с арабскими караульными объясниться не могут. Кроме того, говорили управляющие хозяйствами, это вконец рассорит евреев с арабами: арабы затаят злобу и станут еще опаснее. Нет, лучше уж продолжать по старинке платить бакшиш и не нарушать установленные традиции. Воодушевление и богатое воображение — это, конечно, очень хорошо, но нелепо же евреям превращаться в ”туземцев”. Евреям в Палестине отведена одна роль, арабам — другая, и тут уж ничего не поделаешь.

Но члены гомельской группы твердо стояли на своем. Десятки раз собирались они, вновь и вновь обсуждая и внося изменения в свою программу Тайно-

го общества еврейских стражей. Эта программа включала семь пунктов, была сугубо практической, простой и без всякого намека на риторику. Эта группа, которая пока еще не придумала для себя названия, отвергала халукку — благотворительный фонд, на средства которого все еще существовало большинство евреев в Иерусалиме и других святых городах. Она ставила превыше всего добровольный труд, стремление выискивать новые способы организации труда и перехода к новому образу жизни. Эта группа выступала за создание еврейской самообороны и еврейской милиции. Она призывала евреев активно участвовать в сионистско-социалистическом просвещении и объединении трудящихся.

В сентябре 1907 года, сидя на перевернутых ящиках из-под апельсинов на верхнем этаже старого дома в Яффе при свете одной-единственной свечи, члены гомельской группы с полным сознанием важности своего начинания основали общество. Они назвали его Бар-Гиора в честь прославленного еврейского воина, возглавившего последнее еврейское восстание против римлян в 70 году н.э., закончившееся разрушением Второго Храма. Несмотря на драматизм события, обстановка была нисколько не театральной. Десять человек встали, дали присягу верности национальному делу еврейского народа, поклялись быть преданными друг другу и безоговорочно подчиняться уставу, а затем развернули бело-голубой флаг, на котором был вышит девиз Бар-Гиоры: "В крови и огне пала Иудея; в крови и огне воспрянет она". Руководителем нового общества был избран Исраэль Шохат.

У участников этой десятки было много общего, но в то же время они были очень разными. Даже на фотографиях, таких холодных и официальных, ярко выделялись эти различия. Мозгом Общества, его неоспоримым вождем был Исраэль Шохат. На одной ранней фотографии, в широкополой шляпе, придающей ему романтический вид, в развевающемся галстуке и с бородой, он выглядит как типичный русский интеллигент

того времени или просто как образованный, романтически настроенный юноша периода, предшествовавшего Первой мировой войне. Затем, судя по другим фотографиям, черты его лица заострились, стали мужественнее, глаза утратили мечтательное выражение, а бороду он сбрил. Теперь сбоку у него ружье, через грудь небрежно переброшен патронташ, а с плеч свисает, словно Шохат носил ее всю жизнь, неизменная *абайя*, арабская накидка. Шохат стал типичным еврейским дозорным, главой конспиративной организации, которой суждено было изменить историю страны.

Светловолосый и голубоглазый Александр Зайд был в Бар-Гиоре своим "Буффало Биллом"* — охотником, разведчиком и отличным ботаником-любителем. Он приехал в Эрец-Исраэль из сибирской деревни. Может быть, не увлекись он сионизмом, он оставался бы русским революционером и, глядишь, стал бы героем социалистической революции. Зайд тоже выглядит вполне естественно в арабской одежде, принятой у членов Бар-Гиоры. Ему явно по душе выбранная им полная приключений и опасностей жизнь. Еще один из основателей Бар-Гиоры — Цви Бекер. На одной фотографии его можно принять за молодого помещика, отдыхающего после утомительной охоты: он лежит у ручья или пруда, одной рукой поглаживая собаку, а в другой сжимая кобуру; так может выглядеть представитель знати в любой стране. Он высокий и широкоплечий, и его называют Цви-великан. В нем есть что-то детское, что-то располагающее к себе. На фотографиях у него каждый раз другой головной убор.

А вот еще один дозорный — Менделе Португали: горячий, с добрым сердцем, уверенный в себе, *enfant terrible* Бар-Гиоры. Беспокойный и прямой, он нетер-

* Буффало Билл, т.е. Билл-Бизон — прозвище знаменитого американского пионера Дикого Запада, охотника, траппера и военного разведчика Уильяма Фредерика Коди (1846–1917), в переносном смысле — отчаянный человек, который осваивает необжитые места и чья жизнь изобилует опасностями и приключениями.

ним к глупости и порой склонен вести себя чересчур властно, но его физическая сила и отвага вскоре делают его главным героем местных легенд.

И, наконец, франтоватый на вид, уравновешенный Исраэль Гилади. Подобно Шохату, он с самого начала был признанным лидером. Его одежда — рубашка и брюки — говорят о простоте и опрятности. И, подобно Шохату, он выглядит как человек очень обыкновенный, знающий, чего он хочет, и умеющий добиваться своего.

Жены их в некотором отношении напоминали жен американских пионеров Дикого Запада. Когда требовалось, они без лишних разговоров переезжали с места на место. Они вели хозяйство, растили детей, занимались сельскохозяйственным трудом, ходили в дозор. И все это без излишней суеты и без ожидания вознаграждения. Для них достаточно было сознания выполняемого долга. В беде они не жаловались и не плакали, они успокаивали мужей в минуты тревоги и вели себя спокойно и мужественно в минуты опасности, а таких минут было немало.

Но в отличие от тех женщин, которые со своими мужьями пересекали прерии молодой Америки, еврейские жены играли в жизни своей страны далеко не пассивную роль. Многие из них на равных правах принимали участие в деятельности Бар-Гиоры и позднее — Хашомера. Многие приобрели известность как внутри этих организаций, так и по всей стране.

Фотографии того времени, к сожалению, не смогли передать характера этих женщин: в тогдашних фотоальбомах женщины Хашомера выглядят как учительницы, домохозяйки средних лет или фельдшерицы. На самом же деле Рахель Янаит Бен-Цви, Маня Шохат, Кейла Гилади и Эстер Бекер были героическими женщинами, и вклад их в историю Хашомера весьма и весьма значителен.

Создатели Бар-Гиоры были новоселами в древней стране, первопроходцами, которым предстояло совершить великое открытие. Один из них, Ицхак Бен-Цви,

которому суждено было почти через полвека стать президентом Еврейского государства, писал о той ночи в Яффе: "Мы чувствовали себя так, будто стояли перед горой Синай в момент вручения Торы, и каждый из нас готов был пожертвовать свою жизнь. Мы знали, что не словами, а только делом можно заново объединить наш народ".

План действий предусматривал решение трех невероятно трудных задач: во-первых, полностью взять на себя охрану еврейских поселений, и сделать это как можно скорее; во-вторых, отказаться от привычного русского языка и от такого удобного и понятного языка идиш и перейти исключительно на иврит; в-третьих, жить по возможности вместе, коммуной, жить так, чтобы явить собой образец братства и взаимопомощи. К тому времени члены организации уже научились пользоваться оружием и полностью освоили верховую езду. Посещая арабские деревни, они начали овладевать основами разговорного арабского языка. Пару раз ночью они даже ходили в дозор, патрулируя за стенами, окружающими деревню, наравне с арабскими сторожами. Палестинские евреи о них уже знали, и хотя большинство все еще смотрело на них как на безумцев, одержимых наивной мечтой, они уже начали доказывать, что все же чего-то стоят. Теперь настало время взять на себя всю полноту ответственности.

Бар-Гиора в Галилее

Члены Бар-Гиоры надеялись, что более радушный прием и более дружественное отношение они встретят на севере Палестины, в Галилее, где еврейские поселенцы были людьми менее ограниченными и менее чопорными. К тому же, в Галилее еврейские фермеры гораздо больше трудились своими руками. Итак — в Галилею. И вот, у подножья горы Тавор, в Седжере, на крошечной ферме, где когда-то предполагалось основать сельскохозяйственную школу, члены Бар-Гиоры впервые получили возможность по-настоящему трудиться

на земле и охранять ее. Сейчас о Седжере и о ее роли в истории государства Израиль знает каждый школьник. Но в те осенние дни 1907 года, когда в Седжере обосновались члены Бар-Гиоры, этот эксперимент большинству евреев в Палестине казался безрассудством, обреченным на верный провал. Но молодые люди были уверены в себе. Галилея — земля с прекрасной дикой природой и довольно мягким климатом, где многое ассоциировалось с великими событиями библейских времен, вдохновляла молодых энтузиастов-дозорных, вселяла в них веру в правильность поставленной цели.

Седжера

Все, что они делали, переполняло их гордостью. Они чистили и любовно полировали свое личное оружие, они приучались видеть в темноте, они вставляли чуть свет, чтобы сеять или пахать, и вели между собой нескончаемые разговоры. Некоторых из дозорных начали одолевать сомнения: а вдруг они делают не то; разумнее было бы заняться разведением скота, жить в палатках, перенять более легкий и естественный бедуинский образ жизни, о котором они постепенно узнавали все новые подробности. Другие утверждали, что в качестве образца нужно принять казацкие станицы, откуда казаки уходят, когда нужно сражаться, а потом возвращаются и обрабатывают свою землю как свободные люди.

Одно было ясно: хозяйство их будет коллективное, и трудиться они будут своими руками. И вот, наконец, в Седжере используется только еврейский труд. Прошло всего лишь несколько месяцев после того, как Шохат и его друзья появились в Седжере, и охрану еврейского хозяйства взяли на себя еврейские ребята. Черкесских и арабских дозорных рассчитали. Те всячески выражали свое недовольство, грозили отомстить, несколько раз нападали на Седжеру и клялись расквитаться с еврейскими дозорными. Но те стояли на сво-

ем, и в конце концов арабы, сначала с недоверием, а затем с удивлением, начали убеждаться в том, что евреи не шутят, и что защита жизни и собственности еврейских поселенцев стали делом самих евреев. Весной 1908 года Седжера пожинала плоды своих успехов. В этом году на Песах эта деревня была избрана местом съезда партии Авода, и туда съехались евреи со всей Палестины.

Яркое описание этого события оставил нам Давид Бен-Гурион:

”Мы собрались в доме, где находилась раньше арабская харчевня. Большой зал, где когда-то помещался коровник, а теперь — рабочее общежитие, был украшен в ”галилейском стиле”: две продольные стены были увешаны ветками эвкалипта и перца, и зал выглядел как аллея. На поперечной стене висели сельскохозяйственные орудия: плуги, лопаты, мотыги и серпы, перевитые яркими весенними цветами, а над окнами висело оружие: пистолеты, ружья, сабли и кинжалы. По лицам молодых людей, которые сидели вокруг стола и пели, ясно было, что весь этот арсенал далеко не просто украшение”.

Смерть в Седжере

Этот весенний праздник закончился трагически. На еврея, ехавшего в Седжеру, напали грабители-арабы. В схватке один из них был тяжело ранен и позднее умер от ран. Теперь дозорным предстояло столкнуться с кровной мстью. По обычаям Ближнего Востока, родственники убитого араба обязаны отомстить за его гибель. Седжера ждала первого удара. Как и следовало ожидать, арабы напали на деревню, и в сражении были убиты двое седжерских работников. Жители похоронили убитых в одной могиле, совершили над ними заупокойную службу без всяких речей и вернулись к своей работе. Они уверяли друг друга, что постепенно, в процессе повседневного общения с арабами, нормальные отношения восстановятся сами собой. Дозорным пред-

стояло научиться обороняться, по возможности избегая кровопролития: только проявив достаточную осторожность, они могли предотвратить кровную месть.

Но не только в арабах было дело. Отсутствие денег стало не менее серьезной проблемой. Нужно было на что-то покупать оружие. Исраэль Шохат начал переписку с сионистскими лидерами за границей: он предложил создать специальный фонд для приобретения оружия и лошадей. В конце концов Всемирная Сионистская Организация пожертвовала Бар-Гиоре небольшую сумму, из которой дозорные создали особый фонд для покупки оружия и даже отложили часть денег на помощь семьям погибших товарищей.

Месха

В 1908 году Бар-Гиора добились еще одного значительного успеха. Убедившись в умении и преданности еврейских дозорных, их наняли для охраны жителей еще одной еврейской деревни. Деревня эта называлась Месха (ее нынешнее название — Кфар-Тавор). У жителей Месхи возник конфликт с арабами из соседней деревни, где до того Месха нанимала сторожей. Месха обратилась к седжерской коммуне за помощью. Охрану Месхи продумали в мельчайших деталях. Со всех концов Галилеи съехались еврейские работники, и члены Бар-Гиоры взяли на себя руководство. Штаб обороны расположился в Месхе, в крохотном здании школы. Было собрано и проверено оружие, организовано посменное дежурство в дозоре. Днем "войска" до полного изнеможения тренировались: они маршировали взад и вперед под палящим солнцем и ходили в изнурительные походы. И снова изумленные арабы, глазам своим не веря, смотрели на фермеров, превратившихся в воинов; в конце концов, убедившись, что евреи достаточно поднаторели в воинском искусстве, чтобы за себя постоять, арабы присмирели.

После этого отряды самообороны были распущены,

добровольцы вернулись по домам, а Месха заключила с Бар-Гиорой контракт по всей установленной форме. Отныне оборона Месхи официально вменялась в обязанность членам Бар-Гиоры. Любопытно отметить некоторые особенности этого контракта. В нем, в частности, оговаривается, что Бар-Гиора берет на себя защиту деревни только при условии и только до тех пор, пока вся рабочая сила Месхи будет состоять исключительно из евреев. Другие пункты контракта предусматривают, например, что на фермеров, которые по небрежности оставят незапертой свою собственность, будет налагаться штраф. Оговаривалась также зарплата дозорных. Поселение, со своей стороны, обязывалось снабдить дозорных одним ружьем системы Мартини, ста шестьюдесятью двумя пулями и четырьмя патронташами. Для защиты Месхи было выделено четверо наиболее опытных дозорных, среди них Цви Бекер и Менделе Португали. Кроме того, в Месху мобилизовали еврейских рабочих: дозорные знали, что в минуту опасности они составят надежное подкрепление.

Год спустя, весной 1909 года, в Месхе было устроено тайное совещание. Дозорные Бар-Гиоры собрались в кухне, которая служила одновременно и столовой, чтобы подытожить результаты сделанного и наметить план на будущее. Маленького тайного общества было уже недостаточно. Необходима была реорганизация, с тем, чтобы дозорные могли распространить свою деятельность на другие уголки страны и составить ядро будущих сил национальной самообороны. Так была создана новая организация, получившая название "Хашомер" (страж); программа Хашомера включала более широкий круг задач. Хашомер должен был действовать более открыто и по сути дела стать официальным прикрытием Бар-Гиоры, по крайней мере, в глазах турецких властей. Хашомеру предстояло уделять больше внимания национальным аспектам самообороны, чем профессиональным. Он должен был быть авангардом, в задачи которого входило довести

до сознания еврейского населения смысл самообороны. Хашомер призван был всячески подчеркивать важность динамики самообороны и разъяснять ее роль в формировании новых общественных и национальных ценностей.

Опыт самообороны в Гомеле и Житомире, военная закалка некоторых членов Бар-Гиоры, которым довелось служить в иностранных армиях, и суровые уроки недавних стычек с арабами в Палестине легли в основу кредо, принятого Хашомером: осознание личной ответственности и неустанная бдительность и готовность к самопожертвованию, сочетание боевой подготовки с производительным трудом, боеготовности — с высокими нравственными качествами. Хашомеру предстояло продолжить традиции Бар-Гиоры, в которые входили оборона, дальнейшее заселение Палестины евреями, освоение земель и возрождение Еврейского государства. И, наконец, Хашомер должен был делать все возможное, чтобы содействовать установлению дружеских, основанных на взаимном уважении отношений с арабами.

Приняв программу, в которой идеология самообороны сочетались с социализмом, в которой подчеркивалась ценность каждого элемента создаваемой армии, Хашомер по праву стал предшественником той армии, которая была создана четыре десятилетия спустя.

В Хашомер стали поступать предложения о заключении контрактов на организацию обороны. Бывало, то или иное еврейское поселение, соглашаясь на условия Хашомера и действительно желая, чтобы Хашомер его защищал, особо оговаривало, чтобы еврейские дозорные не пускали в ход оружия. То и дело между дозорными и поселенцами вспыхивали ссоры: поселенцев пугал экстремизм Хашомера и беспокоили его радикальные взгляды. Однако пример Седжеры оказался заразительным. В 1910 году члены Хашомера приняли участие в создании первого в Палестине цветущего поселения — киббуца Дгания на берегу Тивериадского

озера. Образ жизни, при котором поселенцы всем владели сообща, при котором труд был добровольным и все члены кооператива равны, был прямым результатом седжерского эксперимента, проведенного каким-то десятком дозорных.

Со временем Хашомер выработал четкую структуру. В нем сохранялся принятый еще Бар-Гиорой принцип отбора. В Хашомер мог вступить далеко не всякий желающий, а только тот, кого члены этой организации соглашались принять в свои ряды. Чтобы стать полноправным членом Хашомера, нужно было выдержать годичный испытательный срок, который нередко продлевали до двух лет. Существовали специальные испытания для проверки выносливости кандидатов, а также их способности быстро принимать самостоятельные решения в неожиданных обстоятельствах. Торжественные церемонии принятия новых членов устраивались обычно в определенных местах во время ежегодных тайных совещаний. Иногда новые члены Хашомера приносили присягу в поле, иногда в лесу, иногда в пещере. Но церемония эта всегда устраивалась ночью: два всадника молча эскортировали кандидата в члены Хашомера к условленному месту. Там при свете факелов нового члена окружали вооруженные дозорные, повторявшие вместе с ним скупые слова присяги: "Клянусь хранить верность принципам Хашомера и его организации". Затем в темноту давалось четыре залпа, и на этом церемония завершалась.

Хашомер искал также пути как смягчить подозрение арабов. На членов Хашомера произвело впечатление традиционное арабское гостеприимство. Зная, что в каждой арабской деревне обязательно есть своя *мадфия* — палатка для гостей, члены Хашомера стали устраивать свои мадфии, где проезжие арабы могли отдохнуть и выпить чашечку кофе. В такой мадфии велись обоюдодружелюбные и цветистые беседы, в которых арабам нет равных, или же обсуждались житейские дела, скажем, о лошадях, о скоте или о достоинствах тех или иных видов оружия.

Однако Хашомер существовал не в вакууме: он был частью общества, которое изо дня в день вынуждено было бороться с коррупцией и лицемерием загнивающей Османской империи. Хашомеру недостаточно было добывать средства для существования, расширять свои ряды или приобретать оружие. Были и другие заботы. Так, ему необходима была и юридическая помощь, когда членам этой организации приходилось сталкиваться с турецкими судебными инстанциями, где процветало взяточничество и дела велись нерадиво и медленно. В Палестине в те годы было всего-навсего два или три еврейских адвоката, да и те особой одаренностью не отличались и не были слишком привержены сионизму. Поэтому Хашомер собрал деньги, чтобы послать нескольких своих членов в Константинополь изучать юриспруденцию. Руководители Хашомера были уверены, что Палестине нужно побольше еврейской интеллигенции, и старались убедить поселенцев в том, что образование отнюдь не противоречит работе на земле.

Кроме того, члены Хашомера были убеждены, что евреи должны играть более активную роль в турецком обществе, проникать в правящие круги и быть готовыми, если в Турции вспыхнет революция, принять в ней участие в качестве турецких граждан, социалистов и сознательных евреев. Поэтому Хашомер всячески поощрял желание евреев стать врачами, инженерами или экономистами и помогал им поступать в турецкие университеты с тем, чтобы они, получив высшее образование, возвращались в Палестину. Сам Исраэль Шохат был послан в Константинополь, где он вместе с Бен-Цви и Бен-Гурионом организовал Союз еврейских студентов и разработал дальнейшие конкретные планы расширения деятельности Хашомера, с целью превратить его во всепалестинскую организацию самообороны.

Первая мировая война

К весне 1914 года вопрос о создании общепалестинских сил еврейской самообороны стал весьма и весьма насущным. На Османскую империю упала тень Первой мировой войны. В руководстве сионистского движения возникла новая расстановка сил. Многое изменилось после 1904 года. В Эрец-Исраэль теперь уже было около восьмидесяти тысяч евреев. Они жили в небольших городах и в примерно пятидесяти разбросанных по стране сельскохозяйственных поселениях. Пять лет назад на песчаных дюнах к северу от Яффы был основан город Тель-Авив. Теодор Герцль, основатель Всемирной Сионистской Организации, считающийся отцом современного сионизма, умер, отчаявшийся и измученный многолетними безуспешными попытками убедить международную общественность или хотя бы турецких правителей оказать поддержку идее создания в Палестине еврейского национального очага. Признанным лидером сионистского движения предстояло стать Хаиму Вейцману, уроженцу России, жившему в Англии.

Отношение сионистов к Первой мировой войне

Политические симпатии сионистов во всем мире разделились: одни надеялись, что войну выиграет Германия и после этого ее союзница Турция изменит свое отношение к евреям; другие же, среди них и Вейцман, верили в победу Великобритании и Франции и считали, что, хотя Великобритания — союзница ненавистной России, все же не исключено, что после войны англичане, давно проявлявшие интерес к сионизму, выступят с открытой и активной поддержкой сионистских чаяний в Палестине.

В Палестине обстановка тоже была напряженная. Подозрительные турецкие власти усилили меры ограничения против евреев; арабы, почувствовав это, участвовали в набегах на еврейские поселения. Члены Хашо-

мера собирались на нескончаемые тайные совещания, где обсуждали ухудшающееся положение в стране. Не было никакого сомнения в том, что еврейская община Палестины (*ишув*) должна готовиться к самообороне, убедить турецкие власти в своей лояльности, но в то же время продолжать бороться со все растущей угрозой арабского бандитизма.

И, кроме всего прочего, нужно было стараться не поставить под угрозу попытку Хашомера как можно быстрее взять в руки оружие.

Покупать оружие за границей становилось все труднее; еще труднее было покупать его в Палестине. В конце концов хашомерские оружейники своими руками смастерили машину, которая начиняла патроны порохом. Так, по сути дела, было положено начало местному производству оружия. Эта бесценная машина, а также все ружья и револьверы, которые Хашомеру удавалось скупить в Бейруте и Дамаске, хранились в тайных складах, местонахождение которых было известно лишь нескольким членам организации.

Хашомер объявлен вне закона

Но, несмотря на все попытки Хашомера успокоить турок и даже сотрудничать с ними, власти продолжали относиться к евреям с подозрительностью. Все местные организации были распущены, и Хашомер, который на протяжении нескольких лет пользовался полулегальным статусом, был объявлен вне закона. Организации было запрещено заключать контракты с поселениями; в тех контрактах, которые все же были заключены во время войны, фигурировали лишь подписи частных лиц. Турок никак не удавалось убедить, что ишув искренне желает им победы в надежде, что после этого Турция согласится создать в Палестине еврейский национальный очаг.

Помимо постоянной угрозы арабского бандитизма,

резко ухудшилось экономическое положение в Палестине. Турки расквартировали здесь огромный гарнизон, с помощью которого они рассчитывали захватить Суэцкий канал. Они конфисковывали мулов, лошадей, верблюдов и скот; взимали с населения — особенно с евреев — огромные военные поборы деньгами и пищевыми продуктами. Остро стала ощущаться нехватка продовольствия, а аппетиты турецких чиновников все разгорались. Во всяком случае, турки явно намеревались раз и навсегда покончить с еврейским национальным движением.

На своих тайных совещаниях Хашомер выработал план действий, составил перечень первоочередных задач и твердо решил не отступать и не сдаваться. Как бы ни обернулось положение, евреи в Палестине должны были выстоять, пережить войну и не понести человеческих жертв. Поэтому важнейшая задача состояла в том, чтобы помешать туркам выселить из Палестины все еврейское население. В еврейской истории было достаточно случаев массового изгнания, и память о них еще свежа. Но на этот раз евреев из Эрец-Исраэль выселить не удастся. Хашомер начал призывать всех палестинских евреев принять турецкое гражданство. Кроме того, он обнародовал особую программу действий, если возникнет чрезвычайное положение. Всем членам Хашомера было предписано оставаться на своих постах, что бы ни произошло. Но их долг, как объявил центральный комитет Хашомера, заключается не только в этом. Они должны взять на себя руководство молодежью и общими силами защищать поселения от нападений как арабов, так и отчаявшихся турецких дезертиров, которые бродили по стране и терроризировали население. Кроме того, продолжая агитировать за принятие османского подданства, Хашомер решил одновременно еще раз попытаться убедить турок дать согласие на создание еврейской милиции — боевых подразделений, в которых могли бы участвовать и арабы. В задачи такой милиции, как объяснял Хашомер, входила защита самой Святой земли.

Отношения между Хашомером и турецкими властями

Едва ли приходилось рассчитывать на то, что турки хотя бы обсудят это предложение, но стоило сделать попытку. Хашомер считал, что создание такой милиции может устроить и многих арабских лидеров, и надеялся, что в неразберихе, царившей в то время в Палестине, какой-нибудь турецкий чиновник может принять предложение даже без ведома остальных.

Тогда же было принято одно из наиболее отчаянных и наиболее секретных решений за всю историю Хашомера — были разработаны планы завоевания Иерусалима евреями. К тому времени чаша весов в войне начинала уже склоняться на сторону Великобритании, и можно было предположить, что если Великобритания действительно выиграет войну, она, среди прочего, захватит и Иерусалим. Турки, конечно, отступят, и в панике и хаосе отступления хорошо вооруженные и обученные бойцы Хашомера возьмут власть в Иерусалиме в свои руки и будут ее удерживать до прихода англичан. Руководство Хашомера несколько наивно полагало, что в таком случае англичане оценят вклад евреев в дело победы Великобритании и примут его во внимание при решении вопроса о будущем Палестины. Тщательно подобранная группа разведчиков была послана в Иерусалим: изучить топографию города, его оборонительные сооружения, расположение турецких казарм и их размеры.

Хашомер открыто выступает против турок

Сперва, ко всеобщему удивлению, турки, вроде бы, стали склоняться к тому, чтобы разрешить создание такой милиции. Они предложили создать два соединения: еврейское и арабское. Разумеется, в милицию могли вступить только те, кто имел турецкое гражданство, а командовать милицией должен был турецкий офицер. Однако в последний момент власти передумали. Они

решили, что дать евреям в руки оружие было бы преступной глупостью. Идея создания милиции была отвергнута, а против евреев были пущены в ход новые ограничения. Самым серьезным из них был приказ незамедлительно сдать властям все имеющееся у евреев оружие. Опасаясь репрессий в случае неповиновения, некоторые поселения выполнили приказ властей и, несмотря на уговоры Хашомера, сдали все оружие. Увидев, что их уговоры не действуют, члены Хашомера напали на арсеналы ряда деревень и захватили все находившееся там оружие, чтобы оно не попало в руки турок. Некоторые фермеры, вне себя от страха при мысли о том, что им придется объясняться с турками, стали специально закупать оружие, чтобы сдать его властям. Они заплатили арабам огромные суммы денег за несколько браунингов и маузеров, которые они потом передали туркам.

Сильные и бесстрашные юноши и девушки — члены Хашомера, те, что лихо гарцевали на конях, играли на флейтах и по ночам пели "Есть у меня три друга: ружье, конь и мой народ", добровольцы, взявшие на себя трудное бремя защиты своего народа, те, кому предстояло создать новый общественный порядок, напрягли сейчас все силы, чтобы то, чего они добились, не пошло прахом. Они трудились весь день, а по ночам шли в дозор. Они чувствовали, что на их плечи легла защита всего ишува — на них и только на них. С тяжелым сердцем размышляли они о том, что едва ли долго еще удастся им пополнять свои скудные арсеналы, избегать призыва в турецкую армию или высылки из Палестины. Канули в прошлое времена, когда они ружьями поддерживали свадебные балдахины или стояли в почетном карауле, встречая приехавшего в Палестину барона де Ротшильда. Теперь на смену романтической новизне пришла пора тревог. Не постигнет ли евреев судьба армян, живших под властью Турции, — не будет ли уничтожен еврейский ишув в Палестине?

А с такой возможностью приходилось считаться: преследования и высылки из страны продолжались,

Палестина была на грани голода, свирепствовали болезни. Тель-Авив постепенно пустел: одну семью за другой либо высылали, либо бросали в тюрьму. Вполне возможно, что жизнь евреев в Палестине станет невыносимой, ишув будет изолирован от всего остального мира и люди начнут умирать от голода.

А войне все не было конца, и она предъявляла Палестине свой счет. Руководство Хашомера — точнее, то, что от него осталось (к 1916 году Шохат, Бен-Цви, Бен-Гурион и многие другие были высланы из страны), — все силы бросило на создание небольших партизанских отрядов, которые должны были сражаться до конца, какая бы судьба ни постигла остальных евреев. Чтобы понять, какое это было тяжелое время, стоит прочесть дневник Рахели Янаит: "Даже если произойдет самое ужасное, пусть хоть некоторые из нас выживут, хоть горсточка палестинских евреев, и в конце концов они постоят за честь нации. Это поддержит веру в сердцах будущих репатриантов, которые вернутся из диаспоры и восстановят все разрушенное".

Семья Ааронсонов и НИЛИ

Но не только членов Хашомера тревожило будущее Палестины, и не все евреи в Палестине разделяли их взгляды. Неподалеку от Хайфы, в процветающей деревне Зихрон-Яков, которую, между прочим, в 1906 году охраняли дозорные-евреи вместе с арабами, состоятельная, приятная и образованная семья Ааронсонов по собственной инициативе стала вести разведывательную деятельность в пользу англичан. Главой этой семейной разведывательной организации был старший сын Ааронсонов, Аарон, выдающийся ученый-ботаник: его имя и его опытная станция в Атлите, на средиземноморском побережье, были известны далеко за пределами Палестины.

Аарон, его брат Александр, сестра Сара и несколько верных друзей (среди них Авшалом Файнберг из Хадеры и Нааман Белкинд из Ришон-ле-Циона) вызва-

лись поставлять британскому штабу в Египте сведения о передвижении турецких войск и численности боевых подразделений. Сперва англичане отнеслись к группе довольно скептически: шпионы, которые отказываются принимать плату за свои услуги и руководствуются чисто альтруистическими мотивами, вещь не слишком надежная. Тем не менее, Аарон Ааронсон был убежден, что англичане и их союзники выиграют войну, и горел желанием приблизить час победы. Кроме того, он считал, что на мирных переговорах, которые начнутся после того, как Турция потерпит поражение, к голосу евреев Палестины прислушаются с гораздо большей готовностью, если евреи докажут, что внесли ощутимый вклад в дело победы Великобритании.

Группа назвала себя НИЛИ, по первым буквам слов "Всевышний не обманет"*. Ааронсоны разработали хитроумный шифр, в основу которого легли слова нескольких языков (иврита, английского, французского и арамейского) и наладили регулярную связь с британским командованием. Помимо того, что группа снабжала англичан разведывательной информацией, она, благодаря опытной станции в Атлите, в течение долгого времени была единственным каналом, по которому в Палестину поступали деньги, собираемые за границей.

Сначала очень мало кто в Палестине знал об этой разведывательной группе. Однако постепенно, как это всегда бывает, слухи о ней начали распространяться. Постоянные отъезды и приезды членов семьи Ааронсонов стали привлекать внимание. Надо было как-то объяснить, откуда на счет экспериментальной станции в Атлите поступают деньги, которые передаются Чрезвычайному комитету ишува для помощи сотням голодающих и бездомных семей. Как ни старались Ааронсоны сохранить все в тайне, евреи начали шепотом передавать друг другу, что среди них есть шпионы. Дело было даже не только в том, что сама идея шпионажа бы-

* Книга 1 Самуила 15:29.

ла для евреев неприемлема; они смертельно боялись, что, если турки узнают о деятельности НИЛИ, репрессии обрушатся на все еврейское население Палестины. Те, кто знал об Ааронсонах, считали их опасными людьми, которые совершенно не разбираются в политической обстановке. Члены Хашомера, например, резко противостояли НИЛИ. Аарон Ааронсон демонстративно не пользовался еврейским трудом. Когда руководители Хашомера стали на него нажимать, он ответил: "Дайте мне евреев, которые будут работать так же хорошо, как мои арабы, и я их с радостью найму. А до тех пор я буду делать то, что считаю нужным". Поселенцы были возмущены его ответом. Они считали его чужаком, которому наплевать на еврейский народ и на судьбу страны. Для них он был олицетворением той самой буржуазии, против которой они так долго боролись. Хашомер отвергал позицию Ааронсонов, отвергал НИЛИ, отвергал все, за что Ааронсоны ратовали, и отвратительнее всего казался членам Хашомера шпионаж, которым занимались Ааронсоны.

В один прекрасный день, — рассуждали руководители Хашомера, — шпионская деятельность Ааронсонов будет раскрыта, и тогда ярости турок не будет границ. Ничто не могло лучше убедить турок в том, что евреи — народ ненадежный и склонный к предательству, как опасная деятельность, центром которой был Атлит. И, действительно, настал день, когда турки обнаружили, что евреи занимаются шпионажем. Почтовый голубь, специально обученный доставлять секретную переписку из Атлита и в Атлит, сбился с пути и попал в руки турок. Турки не сразу сообразили, в чем дело, но через несколько дней они все же разобрались, что к чему, и тогда последовал приказ: поймать еврейских шпионов, взять их живыми или мертвыми.

*Членов НИЛИ разоблачают, пытаются и приговаривают
к смертной казни*

По всей Палестине были проведены массовые обла-

вы и проверки документов. Не было деревни, киббуца или города, где не был бы проведен тщательнейший обыск; мужчин держали в наручниках, непрерывно допрашивали и пытали, немногим лучше была участь женщин и детей. По Палестине прокатилась волна репрессий, сотни людей были брошены в тюрьмы или убиты, руководители НИЛИ были казнены, Белкинд повешен в Дамаске, Сара Ааронсон покончила с собой, чтобы не выдать туркам секретов организации, — и на многие недели жизнь в еврейском ишuve практически замерла.

Во время облав был схвачен один из лидеров НИЛИ — Иосеф Лишанский; его били палками по пяткам (традиционная турецкая форма пытки и наказания), и перед смертью он отомстил Хашомеру. Когда дело уже шло к концу, Хашомер пытался пресечь разведывательную деятельность НИЛИ. На многочисленных тайных совещаниях Хашомера выдвигались предложения активно вмешаться. Может быть, следовало захватить членов НИЛИ и держать их в плену, ради их же спасения, до конца войны? В конце концов, на одной чаше весов была жизнь нескольких человек, на другой — жизнь многих тысяч евреев, освоение Палестины евреями и будущее сионизма. Спорам не было конца. Но решение так и не было принято, поскольку туркам удалось раскрыть деятельность НИЛИ и начались облавы. Иосефа Лишанского подвергли нечеловеческим пыткам, и в результате имена нескольких десятков членов Хашомера попали в руки турок.

Турецкие репрессии

Хашомер ушел в глубокое подполье. Однако туркам удалось арестовать многих дозорных. Одни были посажены в тюрьмы, другие — высланы из Палестины. Оказавшись практически без руководства, поредевший и голодающий ишув, казалось, уже не оправится от нанесенного удара. Но с юга уже доносились залпы артиллерийских орудий, возвещавших скорый приход бри-

танских войск, и до Палестины донеслась весть о провозглашении Декларации Бальфура.

Декларация Бальфура, названная так по имени подписавшего ее Артура Джеймса Бальфура, министра иностранных дел Великобритании, была обнародована в Лондоне в ноябре 1917 года. Этому предшествовали долгие переговоры с сионистскими лидерами в Англии. Декларации Бальфура предстояло сделаться одним из наиболее важных документов, касающихся Святой земли. В ней заявлялось, что британское правительство "относится благожелательно к вопросу образования в Палестине национального очага еврейского народа" и предпримет "все, что в его силах, дабы содействовать достижению этой цели". Декларация была выпущена в форме письма, адресованного лорду Ротшильду. Хаим Вейцман, один из тех, кто так много сделал для появления Декларации, назвал ее "великим актом восстановления попранной справедливости". Несмотря на несколько двусмысленную формулировку, основной смысл Декларации был в то время совершенно ясен всем, кого он касался. Декларация закладывала основу Еврейского государства в Палестине.

Радости и подъему среди сионистов диаспоры не было границ, да и в самой Палестине евреи, еще не вполне поверившие в возможность такого поворота событий, возликовали. Однако к зиме 1917 года голод, высылки и казни значительно сократили еврейское население Палестины. В стране теперь оставалось около пятидесяти шести тысяч евреев. Но они сплывались, зализывали свои раны и начали снова всерьез думать о создании Еврейского легиона, который поможет англичанам завоевать Святую землю и освободить ее от турок.

2. ЕВРЕИ В ВОЕННЫХ МУНДИРАХ

ЕВРЕЙСКИЙ ЛЕГИОН. СИОНСКИЙ КОРПУС ПОГОНЩИКОВ МУЛОВ. ТРУМПЕЛЬДОР И ЖАБОТИНСКИЙ. ТЕЛЬ-ХАЙ. ХАГАНА

Рождение идеи создания Еврейского легиона

Стремление евреев Эрец-Исраэль создать свою армию, чтобы сражаться против турок на стороне Великобритании, совпало, как это нередко бывает, с благоприятствующими этому историческими обстоятельствами, — с подобным же стремлением, возникшим за много тысяч миль от Палестины и в гораздо более благоприятной обстановке. К 1917 году в Британской армии уже было сформировано два еврейских батальона — хотя ишув, страдающий от турецкого гнета и от голода и почти наглухо отрезанный от остального мира, узнал о создании Еврейского легиона лишь несколькими месяцами позже. Эти еврейские батальоны, каждый под двумя знаменами — своим и британским, — проходили военную подготовку в учебном лагере в Англии и готовились принять участие в завоевании и оккупации Палестины. Не позднее, чем через год, к ним присоединился еще и третий — Палестинский батальон. Создание этих трех воинских подразделений — 38-го, 39-го и 40-го королевских стрелковых батальонов, после войны названных иудейскими батальонами, — должно было стать первым практическим свидетельством поддержки Великобританией сионистского движения. Роспуск же этих батальонов позднее ознаменует первую серьезную трещину в отношениях меж-

ду палестинскими евреями и новыми властями Палестины. Этим батальонам предстояло оказать глубокое и продолжительное влияние на тактику и размах еврейской самообороны в Палестине.

Идея создания Еврейского легиона родилась в переполненных казарменных бараках Габбари и Мафрузы в Египте, где нашли приют более тысячи отчаявшихся, не имеющих работы беженцев из турецкой Палестины. Британское командование дало этим людям пристанище, и они создали там свою автономную общину, которая жила в основном за счет благотворительности египетских евреев. И вот в этих казармах встретились двое людей, обладавших недюжинными способностями и беззаветно преданных одной и той же идее. И там-то у них родилась мысль о создании чисто еврейского воинского подразделения. Таким образом еврейский народ провозгласит свой отказ от традиционного нейтралитета в европейской войне и объявит о своем желании бороться с оружием в руках за победу западных союзников.

Если бы даже эти двое людей — Владимир Жаботинский и Иосеф Трумпельдор — не встретились в Египте, весьма возможно, что каждый из них и самостоятельно боролся бы за то же дело. Но вместе они стали силой, которую было практически невозможно преодолеть, ибо в этих людях в самой высокой степени сочетались смелость воображения, сила воли и личное мужество, и оба в равной степени обладали политическим чутьем и ощущением "самоочевидной судьбы"* еврейского народа, призванного вернуться на родину предков. Подобно основателям Бар-Гиоры и Хашомера, Жаботинский и Трумпельдор понимали, что евреи должны отказаться от ставшей традиционной пассивности, что пришла пора действовать, ибо без решительных дейст-

* Доктрина "самоочевидной судьбы", распространенная в США в годы освоения Дикого Запада, гласила, что американский народ самоочевидно призван судьбой утвердиться на территории Северной Америки между Атлантическим и Тихим океанами.

вий — даже военных — невозможна успешная борьба за национальную независимость. Короче говоря, Жаботинский и Трумпельдор были убеждены, что только если евреи будут открыто сражаться за Палестину с оружием в руках, завербовавшись в армию по доброй воле и под собственными именами, — только в этом случае еврейский народ сможет претендовать на землю Палестины, когда наступит мир.

Зеев (Владимир) Жаботинский

При всем сходстве их характеров и подхода к вопросам борьбы за Палестину, Жаботинский и Трумпельдор были во многом очень разными людьми. Жаботинский в 1914 году был корреспондентом одной русской газеты; в его задачи входило писать о "настроениях и чувствах, порожденных войной". В качестве корреспондента он колесил по Европе и составлял блестящие репортажи о высказываниях и мыслях людей в разных европейских столицах. И вот в одно промозглое, ветреное утро он остановился перед афишной доской в Бордо. На доске трепыхался по ветру промокший плакат, гласивший, что в войну в качестве одной из главных воюющих сторон только что вступила Турция. Жаботинский, которому было тогда тридцать шесть лет, давно уже был сионистом. До войны он несколько лет жил в Константинополе. Ему было совершенно ясно, что войну Турция проиграет: он отлично знал, как скверно внутреннее состояние этого "больного европейца". Если пока еще трудно было предсказать судьбу Германии, то что касается Турции, Жаботинский даже не сомневался, что она не только проиграет войну, но, возможно, еще и подвергнется разделу. А уж раздел Турции, думал Жаботинский, впервые создаст для палестинских евреев реальную возможность добиться независимости. И в этот момент Жаботинского словно осенило: он понял, что именно теперь евреи должны немедленно сделать все возможное, чтобы принять участие в неизбежной борьбе за Па-

лестину, и что бороться за Палестину следует под британским флагом.

Иосеф Трумпельдор

Приняв решение действовать, Жаботинский тут же отправился в Египет, в лагеря беженцев. В Габбари он впервые встретился с Трумпельдором. Иосеф Трумпельдор был редким примером еврейского профессионального военного. Во время русско-японской войны он сражался в Порт-Артуре и лишился там руки, а после падения Порт-Артура был несколько месяцев в плену у японцев. За свою отвагу он получил орден, и ему было разрешено, несмотря на увечье, оставаться офицером резерва в русской армии. Не исключено, что тогда он был единственным офицером-евреем в царской армии. Как и Жаботинский, он давно уже был сионистом (даже в японском лагере для военнопленных он организовывал сионистские группы и собирал деньги для ишува). Поэтому не было ничего удивительного, что через некоторое время после русско-японской войны Трумпельдор и сам переехал в Палестину и обосновался в поселении на берегу Тивериадского озера. К 1914 году он, среди многих других палестинских евреев, был выслан и попал в Габбари. Трумпельдор был пацифистом, социалистом, вегетарианцем — и беженцем. В отличие от Жаботинского, это был красивый мужчина, нордического типа, высокий, стройный и весьма несловоохотливый. Наиболее яркой чертой Трумпельдора (и над ней нередко подтрунивали) была его привычка повторять кстати и некстати свое любимое выражение — "эйн давар", — что на иврите, на котором Трумпельдор говорил с трудом, означает "неважно", "все равно"; Трумпельдор употреблял это выражение всегда, когда что-нибудь не клеилось — и когда через пять лет он получил смертельное ранение, защищая небольшое поселение в Галилее от арабов, последнее, что он сказал перед смертью, было: "Эйн давар".

*Англичанам делается предложение
создать еврейское боевое подразделение*

И вот, встретившись в казарме в Египте, Жаботинский и Трумпельдор обнаружили, что их взгляды на то, как надо действовать, полностью совпадают. И они решили, не откладывая дела в долгий ящик, тотчас же обратиться к британскому командованию с предложением создать еврейское боевое подразделение. Но сначала они собрали всех обитателей казарм и поставили свое предложение на голосование. На листке бумаги, вырванном из школьной тетрадки, примерно сто человек подписались под следующей краткой резолюцией: "Постановлено: создать Еврейский легион и предложить Англии использовать его в Палестинской кампании". Когда все формальности были выполнены, собравшиеся выбрали делегацию, которой было поручено отправиться в Каир для встречи с британскими властями. Трумпельдор надел свой боевой мундир со всеми четырьмя Георгиевскими крестами, которыми его наградила за героизм русская императорская армия.

На англичан все это произвело впечатление, однако они заявили, что никаких планов наступления в Палестине пока нет. Тем не менее, они сделали обескураженной делегации встречное предложение: давайте, сказали они, создадим воинское транспортное подразделение погонщиков мулов, и оно будет служить где-то на турецком фронте. Такого предложения делегация ожидала меньше всего. Жаботинский был оскорблен до глубины души. Стать "ослиным батальоном"? Нет, не так должен еврейский народ впервые проявить себя на поле сражения! А что потом? Евреи войдут в Сион, погоняя мулов? Так размышлял Жаботинский. А вот Трумпельдора меньше всего заботили театральные эффекты, ему было наплевать на внешние атрибуты, главное — суть; и он стал убеждать своих товарищей согласиться на предложение англичан. В конце концов, рассуждал он, все дороги ведут в Сион. А кроме того —

разве не завоевал боевую славу и разве не был овеян романтическим ореолом, например, французский корпус погонщиков верблюдов? Так неужели же мы откажемся от возможности принять участие в борьбе только потому, что предлагаемое нам задание кажется на первый взгляд не слишком импозантным?

Сионский отряд погонщиков мулов

Трумпельдор одержал верх. И вот из палестинских добровольцев, завербовавшихся в египетских казармах, был сформирован Сионский отряд погонщиков мулов, состоявший из шестисот пятидесяти человек и семисот пятидесяти мулов. К апрелю 1915 года этот корпус был отправлен в Галлиполи. Добровольцы разработали для повседневного употребления небольшой словарь военной терминологии на иврите, сшили себе бело-голубой сионистский флаг, и, хотя задачи их отряда были, в основном, транспортные, все они прошли боевую подготовку и получили полное вооружение.

Не прошло и месяца как погонщики мулов оказались в окопах в Галлиполи, на передовой, где они, наконец-то, впервые встретились с турками на поле сражения. Ночами, под сильным турецким обстрелом, они водили своих нагруженных мулов на линию огня и обратно. Некоторые из погонщиков были убиты, другие ранены. Несколько человек получили награды. Те, кто погиб в Галлиполи, стали первыми палестинскими евреями, погребенными впоследствии на тихом британском военном кладбище на горе Скопус в Иерусалиме. Звезда Давида на их надгробных плитах свидетельствует о том, что эти люди были предшественниками солдат и офицеров Армии Израиля.

Галлипольская кампания, закончившаяся поражением англичан, длилась девять месяцев и стоила британской армии почти четверть миллиона человеческих жертв. Еврейские погонщики мулов освятили могилы своих погибших товарищей, помолились над ними, пе-

перезаляли горло их мулам и удалились. Те, кто вернулся в Англию, получили назначение в Ирландию — усмирять вспыхнувшие там антибританские волнения. Погонщики мулов — все как один — отправиться в Ирландию отказались, и в мае 1916 года отряд был распущен.

Однако существование отряда сделало свое дело. Прежде всего, он привлек к себе внимание. Он показал озабоченному союзному командованию, что сионисты могут принести пользу, что они стали объективной реальностью и что они еще на многое способны. Галлиполийская кампания никому не принесла славы. Однако во время отступления покрытая с головы до ног грязью кучка набранных в Мафрузе и Габбари палестинских евреев со звездой Давида на погонах обратила на себя внимание репортеров, а командующий британскими войсками при Галлиполи сэр Иан Гамильтон высоко оценил службу погонщиков, сказав, что они "проявили мужество, которое дается гораздо труднее, чем мужество солдата на передовой линии, которого вдохновляет сам ход сражения".

Сто двадцать участников Сионского отряда погонщиков мулов снова завербовались в Британскую армию. Они тогда не знали, что им суждено стать ядром "настоящего" Еврейского легиона, который вскоре будет создан. Но, может быть, самой главной ценностью отряда был его командир, подполковник Джон Генри Паттерсон: позднее ему предстояло стать командиром 38-го батальона королевских стрелков и сыграть наиболее значительную роль в создании Еврейского легиона. Паттерсон — стройный, элегантный ирландец с задумчивыми глазами — относился к евреям, служившим под его началом, с большим интересом. До войны Паттерсон приобрел известность как автор популярной книги об африканских львах. Он был профессиональный военный, сделавший научную карьеру и явно шедший на повышение. Командование Сионским отрядом погонщиков мулов было для него не бог весть каким почетным заданием, но он принял его спокойно, а по-

степенно его даже заразило воодушевление и глубокое национальное чувство, которое владело его солдатами и поддерживало их в трудные минуты. Перед Галлиполийской кампанией Паттерсон заболел, и Трумпельдор — следующий по чину офицер в отряде — принял на себя командование. Поэтому было более чем естественно, что когда Трумпельдор и Жаботинский снова стали добиваться согласия английского командования на создание еще одного, на этот раз более крупного еврейского соединения, они, среди прочих, обратились за содействием к Паттерсону. Трумпельдор, раздосадованный тем, что англичане отказались подождать с роспуском отряда погонщиков мулов, да еще, к тому же, не позволили ему снова завербоваться в армию, решил, что, может быть, легче всего добиться создания крупного еврейского соединения на территории России. Позднее он сделал попытку мобилизовать сотысячную армию, которую, по его мнению, могли послать на кавказский фронт, а там она, он надеялся, сумела бы пробиться через Армению и Месопотамию в восточную Палестину. Пока же Трумпельдор оставался в Лондоне и вместе с Жаботинским старался найти "ход" к британскому правительству. Но когда оказалось, что все двери закрыты и что британские высшие офицеры во главе с главнокомандующим лордом Китченером, который был резко против какого бы то ни было наступления на восточном фронте, вовсе не склонны вести переговоры с этими не понятными им русскими евреями про какой-то фантастический полк, Жаботинский, как когда-то Герцль, стал разъезжать по Западной Европе, пытаясь заинтересовать в создании Еврейского легиона глав других европейских правительств.

Но его повсюду встречали в штыки; даже евреи Англии были против его планов. Они говорили, что Еврейский легион — это сепаратистская идея, что она помешает евреям интегрироваться в странах, где они живут, что это — вызов, и что это очень рискованно. А что, если евреи не сумеют отличиться в бою? Кто тогда

будет платить дудочнику?* Жаботинский получил поддержку только у небольшой группы британских евреев, которые сами были сионистами и, в значительной мере под влиянием доктора Вейцмана, одобрили проект создания еврейских вооруженных сил. Полковник Паттерсон устроил Жаботинскому встречу с членами секретариата кабинета Ллойд Джорджа, и Жаботинский придал вес своим аргументам тем, что сам записался добровольцем в армию. Он стал рядовым 20-го батальона Лондонского полка, где он собрал вокруг себя 16-й взвод — сто двадцать человек, прежде служивших в Сионском отряде погонщиков мулов.

В конце концов Жаботинский — уже в форме рядового британской армии — был вызван вместе с Трумпельдором в британское военное министерство. Лорд Дерби, тогдашний британский военный министр, с изумлением разглядывал этих самозванных посланцев еврейского народа, но выслушал их внимательно. Затем он задал несколько вопросов. Прежде всего, он желал знать, может ли британское командование рассчитывать на достаточно большое число добровольцев. Трумпельдор ответил на английском языке с сильным акцентом: "Милорд, если это будет всего лишь еврейский полк, то весьма возможно. Если он будет послан на палестинский фронт, то наверняка. А если при этом правительство широковещательно объявит о своей поддержке идей сионизма, то от добровольцев отбоя не будет".

Вначале военное министерство согласилось с тем, чтобы новые воинские соединения были отчетливо еврейскими — то есть, имели еврейское название и еврейские знаки отличия. Однако к лету 1917 года, когда официально было объявлено о создании 38-го и

* Аллюзия к немецкой сказке про пестрого дудочника из Хамельна: по просьбе горожан, страдавших от нашествия крыс, дудочник заморозил крыс игрой на дудке и отвел их к реке, где они и утонули, но после этого городские власти отказались заплатить дудочнику за услугу.

39-го батальонов королевских стрелков, англичане передумали. Тем не менее, над призывным пунктом в Лондоне висела еврейская эмблема, и на рукаве у еврейских солдат была шестиконечная звезда Давида. Командовать 38-м батальоном должен был сам Паттерсон, а 39-м — полковник Элизер Марголин, еврей, некогда живший в Палестине и эмигрировавший оттуда в Австралию.

Большинство добровольцев из Англии были еврейскими иммигрантами из России, жившими главным образом в Уайтчепле; они не были британскими гражданами и поэтому не подлежали воинскому призыву. Потребовалась не одна неделя уговоров и разъяснений, чтобы заинтересовать их легионом. Это были люди, для которых и сама Великобритания была еще чужой, которые говорили на идиш и занимались большей частью сидячим трудом — чаще всего портняжным ремеслом. Бледные, узкоплечие, все еще травмированные воспоминаниями о насильственном рекрутском наборе в России и, как большинство иммигрантов, отовсюду ждущие напастей и всегда готовые к отпору, — эти люди были не очень-то подходящим людским материалом для легиона, о котором мечтали Трумпельдор и Жаботинский. Однако впоследствии легионные "портняжки", как их стали называть, оказались первоклассными солдатами. Сказались и долгие часы изнурительной военно-полевой подготовки, и строгая регламентация жизни в армии, и осознание их собственной роли в войне и собственной значимости, а также доверие, с которым относились к ним офицеры. Ряды легиона ширились со дня на день: вскоре вербовочный отдел британского военного министерства представил списки тридцати пяти тысяч иммигрантов и подготовил тридцать пять тысяч конвертов. Десять чиновников писали адреса на конвертах. А Жаботинский и его товарищи неоднократно лично обращались к уайтчеплским евреям, которые постепенно смягчались в своем отношении к идее легиона.

Набор в Еврейский легион в Америке

Тем временем начался набор в Еврейский легион в США и в Канаде; агитационную кампанию там проводили Давид Бен-Гурион и Ицхак Бен-Цви. Именно из американских новобранцев был в основном сформирован 39-й батальон королевских стрелков. К концу Первой мировой войны всего под ружьем в Еврейском легионе было пять тысяч человек под руководством трех подполковников и ряда младших офицеров — евреев и неевреев. Жаботинский был одним из двадцати лейтенантов.

Захват Иерусалима британской армией

Важнее всего было то, что в уже освобожденных англичанами районах Палестины сотни евреев — мужчин и женщин — ожидали, когда же им позволят вступить в армию. Еще и понятия не имея о рекрутских наборах в Англии и США, палестинские евреи составляли планы создания добровольного Еврейского легиона, и тысячи людей подписались под петицией, посланной командованию британской армии, которая к тому времени уже пересекла Синайский полуостров и готовилась к решающему наступлению на Газу. Через шесть недель после обнародования Декларации Бальфура британские войска захватили Иерусалим. Алленби, скромно войдя в Старый город пешком через Яффские ворота, принял ключи от города. Евреи во всех южных поселениях были уверены, что теперь-то, наконец, им разрешат принять участие в завершающем броске союзных войск на северную Палестину. Пришли освободители, и можно было с надеждой смотреть в будущее: наконец-то дело сионизма получило поддержку одной из крупнейших мировых держав. Им — первым поселенцам, которые выжили под турецким игом, которые выстояли, несмотря на все трудности и препятствия, и теперь горели желанием получить право сражаться за Эрец-Исраэль, — теперь-то, наконец,

это право будет им дано. Измученный, но счастливый и полный надежд ишув с нетерпением ожидал прихода англичан.

Легион отправляется на фронт

А в Англии между тем шла подготовка легиона к отправке на фронт. И вот 2 февраля 1918 года легион был вызван в Лондон, откуда ему надлежало проследовать в Саутгемптон, чтобы погрузиться там на транспортные суда и плыть в Палестину. Легион прошел маршем через Ист-Энд, откуда были набраны многие его солдаты, и на ночь разместился в лондонском Тауэре. Наутро, под звуки оркестра, в полном обмундировании и — как особая честь для солдат — с примкнутыми штыками еврейские добровольцы прошли через Лондон; знаменосцы несли государственный флаг Соединенного Королевства и еврейский национальный флаг. Лорд-мэр Лондона в традиционном парадном облачении принял воинское приветствие еврейских солдат. В Уайтчепле десятки тысяч евреев стояли на всем пути следования легиона, размахивая своими миниатюрными флажками, плача и распевая песни. Полковник Паттерсон, верхом на лошади, махал им рукой и улыбался. Так, стройными рядами, сомкнув штыки, высоко подняв головы, "портняжки" прошагали в историю. Как писал впоследствии Паттерсон, "это был уникальный случай в истории британской армии".

В Александрии и Каире легиону был оказан восторженный прием. Британский Верховный комиссар лично принял воинское приветствие. И все еврейское население высыпало на улицы, чтобы приветствовать войска. Но больше всего подняло дух солдат легиона то, что к ним из Тель-Авива приехал специальный представитель палестинских евреев, который сообщил, что в Иерусалиме, Тель-Авиве, Яффо и даже на севере, находившемся еще под властью турок, тысячи добровольцев с нетерпением ждут минуты, когда они смогут присоединиться к армии. Все говорило за то, что британ-

ское военное командование скоро приступит к формированию третьего полка.

О существовании легиона ишув узнал совершенно случайно. Рахель Янаит Бен-Цви была в гостях в Ришон-ле-Ционе и нашла там газету на идиш из Нью-Йорка. Там была напечатана небольшая заметка под мало-выразительным заголовком: в этой заметке говорилось о деятельности Бен-Цви и Бен-Гуриона, которые вербовали "пионеров" в Палестину. Внезапно Рахель Янаит припомнила свои разговоры и с тем, и с другим, рассуждения о том, что надо бы евреям принять участие в войне и помочь выбросить турок из Палестины; она догадалась, что под "пионерами" имеются в виду солдаты. В Палестине давно уже ходили слухи о еврейских боевых частях, но ничего определенного известно не было. Теперь Рахель Янаит поняла, что ждать появления Еврейского легиона уже недолго; весть об этом разнеслась по Палестине и приободрила евреев, горящих желанием сражаться.

Вскоре в Палестину приехал Жаботинский и подтвердил бродившие среди ишува слухи. Члены Хашомера считали, что Жаботинский уделяет чрезмерное внимание политическим аспектам факта существования легиона — в частности, тому, как это может отразиться на будущем и как может гарантировать независимость евреев. Членов Хашомера раздражала склонность Жаботинского к риторике, тогда как им нужна была от него прежде всего информация и обещание, что им как можно скорее будет дана возможность сражаться. Рахель Янаит решила добиться свидания с Алленби, и ей удалось встретиться с ним в Иерусалиме. Она передала ему петицию ишува и объяснила, кто она такая и зачем к нему явилась. Она также сказала ему, что женщины Хашомера желают сражаться бок о бок со своими мужьями.

Вскоре в Египет прибыл 39-й батальон полковника Марголина, сформированный главным образом из евреев Соединенных Штатов и Канады. Теперь не хватало только палестинских евреев. "Странно! — заявил один

британский высший офицер. — Чего ради эти люди так рвутся в армию? Идет четвертый год войны; и как их много!”. В генеральном штабе британской армии царяла некоторая растерянность; казалось, он вообще противится мобилизации среди евреев Палестины.

В конце концов из Лондона пришло долгожданное разрешение. Батальон из палестинских евреев будет сформирован. Принять участие в наступлении на Галилею они уже не успели: пока 40-й батальон проходил военную подготовку, война с Турцией закончилась. Однако этот батальон, в котором довелось служить многим будущим руководителям Еврейского государства, не только помог в оккупации Палестины британскими войсками, но также, что, может быть, еще важнее, сыграл значительную роль в событиях, которые последовали за этим. Палестинские евреи долго жаждали лично принять участие в освобождении северных областей страны, и поэтому их глубоко разочаровало решение британского генерального штаба послать их для военно-полевого обучения в Египет. Однако палестинским добровольцам были устроены торжественные проводы, надолго всем запомнившиеся. Напротив небольшой синагоги на главной улице Тель-Авива, — синагоги, столь памятной многим, — было развернуто огромное багрово-белое знамя, на котором были вышиты слова: ”В крови и огне воспрянет Иудея”; и при полном молчании собравшихся вокруг сотен людей флаг Хашомера был торжественно вручен знаменосцам 40-го британского батальона королевских стрелков.

Доктор Вейцман, прибывший в Палестину в составе недавно образованной сионистской комиссии, в обязанности которой входило сообщать британским властям о положении в стране и составлять планы будущих действий, обратился к добровольцам с речью и со слезами на глазах пожелал им успеха. ”В вас, — сказал он, — воплощены сокровенные чаяния ишува, и вы внесете свой вклад в освобождение Сиона от турок, ибо вы — солдаты еврейского батальона в армии могу-

щественной державы, которая дала обязательство восстановить еврейский национальный очаг”.

Один из батальонных врачей в своем письме домой в Лондон так описал прибытие третьего батальона Еврейского легиона в лагерь:

”Приехали палестинцы, — писал он. — Их тут человек семьсот неорганизованных добровольцев, и они с необыкновенной военной точностью сами разбились на взводы и отделения, и засверкали эмблемы со скрещенными треугольниками и стоящими на задних лапах львами. Вы в жизни не видывали такой толпы. Одеты они были в какие-то невообразимые лохмотья, обувь у всех разная, да такая, что диву даешься, а иные и вообще босиком, или же обернули ноги бумагой и тряпками, и мало на ком сапоги. Но боевой дух у них на высоте... Евреи готовы драться и умереть за свои идеалы. Может быть, они и дети рабов, но кровь в них течет королевская”.

Тем временем первые два батальона Еврейского легиона, плечом к плечу с англичанами, принимали участие в крупном летнем наступлении 1918 года. Они закончили военную подготовку к маю и 5 июня отбыли из Египта на Святую землю. Полковник Паттерсон считал, что это событие следует как-то отметить; он приказал прочесть короткую молитву и протрубить в горны. Много позднее он вспоминал переезд на поезде из Египта в Святую землю:

”Всю ночь, что поезд шел через Синайскую пустыню, мы смотрели вперед, на паровозную трубу, из которой извергались снопы искр, и думали о том, как предки этих людей скитались некогда в этой самой пустыне и их тоже вел в ночи огненный столб”.

Свои первые дни на фронте Еврейский легион провел в долине между Иерусалимом и Шхемом. Затем, когда началось душное палестинское лето, батальону был дан приказ передислоцироваться в долину Иордана, к северу от Мертвого моря — самую низкую точку на земном шаре, — место, где в августе жара почти невыносима. Долина Иордана, в основном плоская, пе-

ресекается тут и там огромными каменистыми ущельями (вади), порой до нескольких сот футов шириной. В одном из этих вади, носившем название Эль-Меллах, на крайнем правом фланге северного фронта британской армии в Палестине, расположился штаб легиона: с трех сторон от него были турецкие войска. Перед штабом стояли две задачи: во-первых, организовать наблюдение за турками, чтобы сразу же предупредить о возможной турецкой атаке, и, во-вторых, организовать переправу вброд через реку Иордан, чтобы блокировать турок на другом берегу. В то время это был самый слабый и самый опасный участок на всем британском фронте. Если бы турки атаковали его, чего британский штаб ожидал, легион оказался бы, наверно, в смертельной опасности. Но легиону грозили не только турецкие пушки — его ряды косила малярия, солнечные удары и жажда. Днем нещадно пекло солнце, а по ночам духота была невыносимая. Тем не менее, к концу сентября легион переправился через Иордан, используя брод около Умм-аш-Шарта, пересек долину и подошел к горам, позднее отошедшим к Трансиордании, и разбил привал в Гиладе, где солдаты, наконец-то, смогли отдохнуть.

Легион переходит через Иордан

”Любопытно, — писал впоследствии полковник Паттерсон, оценивая итоги палестинской кампании, — что во всем наступлении Британской армии в Палестине, в результате которого турки были изгнаны из страны, главной силой были сыны Израиля, которые снова сражались с врагом — неподалеку от того места, где древние евреи перешли через реку Иордан под предводительством Иошуа”.

Под руководством генерала Алленби, который с июня 1917 года командовал Египетскими экспедиционными силами, британские войска одержали на палестинском фронте две решающие победы: одну в Газе и другую — почти год спустя — под Мегиддо. Там, возле биб-

лейского Армагеддона, англичане прорвали турецкие линии и стали обходить вражеские войска с флангов. Бросив в бой кавалерию, которая помогла закрепить успех, Алленби окружил турок и погнал их на север. В октябре 1918 года он взял Дамаск, Бейрут и Алеппо. Хотя численность Еврейского легиона в лучшие времена не превышала пяти тысяч человек и он был только небольшой частью Египетских экспедиционных сил, 38-й и 39-й батальоны королевских стрелков внесли значительный вклад в дело изгнания турок из Палестины.

Поражение Турции было полным. Турецкая армия, полумертвая от усталости, страдающая от жажды и запуганная, распалась. И 31 октября 1918 года, всего через несколько недель после начала британского наступления, Османская империя признала себя побежденной.

Победа в Палестине

Еврейский легион лишь частично участвовал в Первой мировой войне. Сформирован он был поздно — после долгих проволочек; четвертый батальон, состоявший из английских и американских евреев, по сути дела, не успел даже закончить военно-полевые учения, как война закончилась. Англичане не выполнили многих своих первоначальных обещаний, данных легиону, а другие обещания они выполнили с таким опозданием, что это уже потеряло всякий смысл. Прошел целый год после окончания военных действий, когда наконец легион получил долгожданное новое название: три еврейских батальона были официально слиты в один, названный Первым иудейским батальоном. Было немало и всяческих других, хотя и менее существенных, случаев обмана и чиновничьей волокиты. Большинство солдат и офицеров легиона относило все это просто за счет неизбежных бюрократических издержек. Однако не так уж это было легко — подвести рациональную подоплеку под нередко откровенно враждебное отношение

к еврейским военнослужащим со стороны штаба Египетских экспедиционных сил. Вопрос об антисемитизме затрагивается почти во всех мемуарах, написанных после войны офицерами Еврейского легиона. Между полковником Паттерсоном и генеральным штабом шла непрерывная борьба по поводу явно несправедливого отношения британского командования к Еврейскому легиону. Но, тем не менее, когда война закончилась, у у всего личного состава легиона настроение было приподнятое.

Какие бы там ни были у еврейских солдат обиды, как бы несправедливо к ним ни относились, как бы ни ущемлялись их права, одно было несомненно: союзники выиграли войну, легион находился в Палестине, начиналась новая эра — эра передышки с точки зрения целей сионизма. И поэтому офицеры и солдаты Еврейского легиона с чувством огромного удовлетворения обнаружили в 1919 году, что они составляют ни много ни мало, как четверть всех британских пехотных сил, расквартированных в Палестине. В то время, когда подавляющее большинство британских солдат с нетерпением ожидали демобилизации и были очень недовольны, если их посылали в Сирию или Египет, где начались серьезные антибританские волнения и даже бунты, легион рассматривал выполнение им своих гарнизонных обязанностей в Палестине как достигнутую важную цель. Разумеется, и многие английские евреи — паттерсоновские "портняжки" — тоже дожидаться не могли, когда их отпустят домой, а в 38-м и 39-м батальонах американские евреи, которые не могли и не желали терпеть несправедливого, по их мнению, отношения к ним британского командования и некоторых собственных сержантов, подняли даже бунт, который закончился двумя заседаниями военного трибунала, приговорившего зачинщиков к длительным срокам тюремного заключения. И все же, в целом, Еврейский легион хотел во что бы то ни стало остаться в Палестине на действительной службе. Многие из иностранных добровольцев собирались здесь поселиться: они бывали в поселениях,

оставляли там пищу, оружие и нередко даже собственную одежду, и они в какой-то мере стали отождествлять себя с этими людьми, которые столько выстрадали и для которых их присутствие в Палестине столько значило.

Солдаты-палестинцы, с другой стороны, чуть ли не все свое свободное время посвящали спорам о будущем страны, которое их очень тревожило. Их палатки превратились в учреждения, куда что ни день приходили бесчисленные делегации не только от других батальонов, но и от всего ишува. Один из офицеров, в подчинении которого был капрал Бен-Гурион, подсчитал, что в первые месяцы 1919 года 40-й батальон получил больше писем, чем весь генеральный штаб. Полковник Марголин обращался с палестинцами вежливо, но твердо. Время от времени Бен-Гурион, Бен-Цви, Берл Кацнельсон (один из главных духовных вождей рабочего движения в ишуве) и Леви Эшкол (будущий третий глава правительства Еврейского государства) уходили в самовольную отлучку, чтобы присутствовать на каком-нибудь чрезвычайном заседании Сионистской комиссии или побеседовать с доктором Вейцманом. Марголин их ругал, при необходимости наказывал, но и он отлично понимал, что в палатках в Сарафенде некоторые из его подчиненных разрабатывают структуру будущего еврейского национального очага.

Отношение британских властей к Палестине после окончания войны

Первое серьезное подтверждение того, что военная администрация не просто недружелюбно относится к евреям, но и замышляет постепенный отход от принципов Декларации Бальфура, появилось весной этого года. В Палестине было неспокойно — хотя, конечно, и не так, как в Египте или Сирии. Арабы, которые припрятали огромные количества оружия, выкраденного из турецких складов и арсеналов, стали объектом упорной агитации со стороны остального арабского мира,

возмущенного каскадом заверений и контр-заверений англичан и французов и евреям, и самим арабам, и друг другу. Хотя арабское националистическое движение еще только зарождалось, а многим арабским государствам только предстояло возникнуть из осколков Османской империи, арабские лидеры, которые во время Первой мировой войны были на стороне Англии, все не собирались без всякой борьбы позволить англичанам и французам управлять собой.

Британская военная администрация в Палестине, которая была частью военной администрации оккупированных вражеских территорий, была практически создана в 1917 году, причем создана в очень трудных условиях. Ее козырем была благодарность евреев англичанам за Декларацию Бальфура и радость, вызванная разгромом Турции. Основной ее проблемой была нищета палестинского населения: не хватало воды, почти не было продуктов питания, совсем не было дерева. Турецких земельных архивов практически не существовало, весь скот был реквизирован, леса вырублены на топливо. В валютных делах царил полный хаос, и количество официально признанных языков, на которых говорило население Палестины, достигало ни много ни мало — сорока! И, что было хуже всего, большинство высших чинов военной администрации считало, что с евреями очень трудно иметь дело: в отличие от арабов, евреи ужасно упрямы, никакие оскорбления на них не действуют, и во всем, что касается их прав, они проявляют абсолютную непреклонность. Первая перепись, проведенная в Палестине, показала, что в стране с населением семьсот пятьдесят пять тысяч человек евреи составляют всего восемьдесят три тысячи человек. Военная администрация рассуждала так: если арабы сочтут, что их предали и начнут бунтовать, с ними гораздо труднее будет сладить, чем если начнут бунтовать евреи.

Опасения, что арабы могут открыто взбунтоваться, побудили англичан принять весной 1919 года решение, которое полковник Паттерсон назвал "немыслимой

провокацией". В апреле этого года солдатам и офицерам Еврейского легиона было официально сообщено, что на все время еврейского праздника Пасхи Иерусалим будет "закрыт для всех еврейских солдат". Этот указ, касавшийся военнотружущих британской армии, то есть людей, главная задача которых в то время заключалась в охране жизненно важных для Великобритании железных дорог, как громом поразил и солдат легиона и весь ишув. Поднявшаяся буря протестов вынудила британское правительство сделать внушение военной администрации и напомнить ей, какую политику по отношению к евреям торжественно обязалось проводить правительство Его Величества. Казалось, что все уладилось и что — по крайней мере, некоторое время — легиону не грозят дальнейшие притеснения.

Неприязненность генерального штаба по отношению к Еврейскому легиону, брожение среди арабов, а также неуверенность в том, что англичане останутся в Палестине — все это вновь поставило на повестку дня вопрос о еврейской самообороне. Немало было в Палестине евреев, которые доказывали, что британской армии можно доверять, что она защитит еврейское население, и поэтому какие бы то ни было разговоры и споры о самообороне совершенно беспредметны. Другие же считали, что легион, само присутствие которого в Палестине оказывает на арабов успокаивающее влияние, должен быть сохранен, и сотни солдат и офицеров легиона — особенно жителей Палестины — ратовали за это. В то же время небольшая группа, а именно члены Хашомера, настаивала на том, что следует снова создать отряды еврейской самообороны, которые будут подчиняться только собственному руководству. Только таким отрядам, говорили хашомерцы, можно полностью доверять, ибо, во-первых, эти отряды будут состоять из местных жителей, которым дороги интересы ишува, и, во-вторых, эти отряды не будут подвержены никакому внешнему влиянию.

В разгар этих споров, шедших по всему ишуву, пришло известие о том, что арабы напали на четыре ма-

леньких, изолированных поселения на севере и захватили их. Во время защиты одного из этих поселений, Тель-Хая, погиб Трумпельдор. Это известие подкрепило аргументы тех, кто ратовал за необходимость срочного, немедленного создания организации еврейской самообороны. На севере Палестины с самого конца войны было очень тревожно. Были основания полагать, что арабы собираются выступить против французов, оккупировавших территории нынешних Сирии и Ливана. Четыре еврейских поселения на крайнем севере — Тель-Хай, Кфар-Гилади (это поселение собирались сперва назвать Бар-Гиора, но потом назвали в честь Исраэля Гилади, умершего в 1918 году), Хамара и Метулла — находились в постоянной опасности: жители были там из рук вон плохо вооружены, людей было мало, и находились эти поселения в районе, на который претендовали многие и который превратился в поле сражения между арабами и французами.

Арабы нападают на отдаленные поселения

В начале 1920 года арабы совершили целый ряд нападений на небольшие поселения. Первой пала Хамара, и ее жители переселились в Метуллу. После этого в Метуллу вдруг заявился арабский шейх и потребовал, чтобы его людям дали разместиться в деревне и чтобы над деревней был поднят арабский флаг. Французы, заявил он, должны понять, что арабов им никогда не подчинить, и евреи должны помочь довести это до сведения французов. Жители Метуллы отказались выполнить его требования, и разъяренные арабы стали тут же угрожать евреям, что сотрут поселение с лица земли. Метулльские хашомерцы попросили подкреплений, и в Метуллу прибыло тридцать солдат Еврейского легиона и с ними вместе медицинская сестра с набором лекарств и хирургических инструментов.

Через некоторое время арабы вернулись и выдвинули новое требование: они должны провести в Тель-Хае обыск — проверить, не прячутся ли там французы. Же-

лая доказать дружелюбие поселенцев, Трумпельдор, скрепя сердце, разрешил арабам войти в деревню. Это была, в буквальном смысле слова, роковая ошибка: оказавшись внутри поселения, арабы открыли огонь и выпустили дожидавшуюся снаружи толпу. Тель-Хай был захвачен арабами, и одним из первых смертельно раненных его защитников оказался сам Трумпельдор — он умер по пути в Кфар-Гилади. Было много убитых и раненых, закончились боеприпасы, а в нападении участвовало несколько сот арабов. Поселенцы решили отступить от Тель-Хая и продолжать оборону Кфар-Гилади и Метуллы. Оставшиеся в живых погрузили свои самые ценные вещи в повозку, подожгли поселение и ушли. За их спинами полыхал Тель-Хай. В Метулле был устроен пункт скорой помощи раненым, а в Кфар-Гилади похоронили убитых. Кого-то отправили на юг просить подмоги у Еврейского легиона и Хашомера.

На следующее утро нападение возобновилось: на этот раз арабы выбрали для атаки Кфар-Гилади. Для обстрела они притащили две французские пушки. На сей раз предстояло принять решение об отступлении. Теперь дело было уже не только в создавшемся чрезвычайном положении; все чувствовали, что здесь решается вопрос общенациональной политики. Часть поселенцев, а также некоторые из тех, кто откликнулся на призыв Трумпельдора защищать еврейские поселения, считали, что нет смысла держаться за отдельные клочки земли, так как это может еще более усугубить и без того трудное положение, и в результате ишув может оказаться втянутым в борьбу между арабами и французами — борьбу, до которой ишуву нет никакого дела. Но многие выдвинули совершенно иные доводы: ни в коем случае не следует уступать, говорили они, ни единого клочка земли, обработанной еврейскими руками, все поселения в Верхней Галилее, если не во всей Палестине, — должны оставаться в наших руках. "Мы не можем назвать своим то, за что мы не можем или не хотим бороться", — говорили люди, убежденные, что нужно стоять до конца, невзирая ни на какие жертвы.

Наиболее убежденным и красноречивым защитником этой точки зрения был молодой социалист Ицхак Табенкин.

”Нет никаких границ, — заявил он. — Дело здесь не в местной самообороне. Если мы уступим в Галилее, мы уступим и в пустыне. Если мы уйдем из Тель-Хая и из Кфар-Гилади, в истории это будет отмечено как наше первое отступление”.

Мнения разделились примерно поровну, но сторонники отступления все-таки небольшим большинством голосов взяли верх: тут сказались, видимо, нервное напряжение, страх, и прежде всего — просто ужасная усталость. Под дождем и ветром поселенцы бросили свои дома и мрачно двинулись на юг. Тель-Хай стал символом сопротивления: как много лет спустя Дюнкерк, он вошел в историю как место, где была одержана победа, хотя евреи и потерпели здесь временное поражение. Не будь этих нескольких недель сопротивления арабским ордам, большая часть севера, возможно, не была бы включена в территорию еврейского национального очага. Как показало будущее, игра стоила свеч: последующие события подтвердили, насколько правы были жители Тель-Хая, когда не пожелали покидать свое поселение. До сих пор в Израиле ежегодно отмечается день обороны Тель-Хая. Эта оборона имела важные последствия: она показала, какое преимущество с точки зрения самообороны имеют кооперативные поселения, подчеркнула необходимость организации сил обороны в общенациональных масштабах, зажгла воображение многих будущих иммигрантов, поселенцев Третьей алии, и укрепила их в намерении обосноваться в Палестине.

В северной Галилее восстанавливается мир

За несколько месяцев французы подавили арабский мятеж на севере Палестины, овладели положением в Сирии и восстановили в этом беспокойном районе мир. Когда военные действия прекратились, к разрушенным

еврейским поселениям потянулся караван повозок, груженных сельскохозяйственными орудиями и семенами. Тель-Хай так и не был восстановлен, но уже к зиме 1920 года вовсю обрабатывались поля в Кфар-Гиладии и в Метулле.

В дневнике Трумпельдора есть запись об осаде северных поселений:

”Близится час испытания. Здесь, в прикордонной полосе, новое поколение готово отдать свою жизнь, а там, в тылу, ведутся нескончаемые словопрения... о том, сохранять или нет в стране отряды ее защитников”
”Защитниками” Трумпельдор называет солдат Еврейского легиона и членов Хашомера. Правда, их присутствие не спасло Тель-Хай, но ведь там их была всего лишь жалкая горстка. Однако оборона Тель-Хая вновь всколыхнула ишув и заставила его всерьез задуматься о необходимости создания находящейся всегда в боевой готовности, мобильной, хорошо обученной и вооруженной милиции. А ”нескончаемые словопрения”, которые в Палестине никогда ведь не были чисто теоретическими умствованиями, всего лишь через несколько недель после тель-хайских событий приобрели вдруг особую остроту: это случилось, когда трагические события разыгрались уже в Иерусалиме и евреи при этом оказались и недостаточно подготовлены и почти беззащитны.

Антиеврейские волнения

В Иерусалиме жили люди самых разных вероисповеданий, и, поскольку еврейские, христианские и мусульманские праздники нередко совпадают по времени и справляются параллельно, период еврейской и христианской Пасхи в Иерусалиме всегда был очень напряженным. Когда Палестиной правили турки, они всегда ранней весной на несколько недель посылали в Святой город особые войска. Поэтому было вполне естественно, что евреи разработали план самообороны. Наверное, в случае какой-нибудь неприятной неожиданности анг-

лийским войскам не трудно было бы быстро навести в городе порядок; но в том-то и дело, что те из членов иерусалимского корпуса самообороны, которым прежде довелось служить в Еврейском легионе, весьма сомневались в готовности англичан защищать евреев; а те члены корпуса, что вышли из рядов Хашомера, считали, что евреи в принципе должны сами о себе заботиться. И вот наступило 4 апреля 1920 года. Стояла отличная погода, типичная для короткой палестинской весны: было свежо и солнечно, и в городе господствовало приподнятое предпраздничное настроение.

В тот день в Иерусалиме собрались сотни арабов на празднование Неби Муса — дня поклонения Моисею, которого мусульмане считают одним из главных своих пророков. Через Старый город прошла праздничная процессия арабов с английским военным оркестром во главе, а военный губернатор Иерусалима со своей свитой сначала с интересом наблюдал все это с балкона, а затем присоединился к шествию до мечети Омара. Здесь толпа остановилась, и к ней обратился с пламенной речью один из арабских националистических лидеров; в этой речи он обрушился с яростными нападками на евреев. На следующий день началась еврейская Пасха — она должна была продолжаться неделю. Старый город был запружен евреями, направлявшимися к Стене Плача. Вдруг на них набросились толпы арабов: выхватив кинжалы и потрясая плакатами с лозунгами о независимости арабской нации, они орали: "Будем пить еврейскую кровь!" Почти мгновенно бунт распространился на весь город. На древних иерусалимских камнях лежали, истекая кровью, десятки евреев — убитых и раненых. Толпы арабов кинулись грабить и жечь еврейские дома и лавки. Полетели камни. Погромщики, с которыми никто не пытался, да, пожалуй, и не мог совладать, вошли в раж и не знали никакого удержу. Арабы не пощадили даже немногочисленных британских солдат, которым случилось оказаться в Старом городе: многие из них были ранены, а один убит. Обязанность охранять закон и порядок в Иеру-

салиме лежала, как это ни парадоксально, на арабских полицейских; но эти блюстители порядка либо предпочли укрыться от опасности, либо попросту присоединились к погромщикам.

Иерусалимская группа еврейской самообороны совершила непоправимую ошибку: свои патрульные посты она расставила за стенами Старого города — в частности, на крышах домов, откуда хорошо просматривался еврейский квартал. И пока до отряда самообороны дошло, что арабы вдруг взбесились, уже невозможно было что-либо предпринять для спасения евреев. Англичане закрыли все ворота, ведущие в Старый город: никто не мог туда войти, никто не мог оттуда выйти. И пока внутри погромщики убивали мужчин и насиловали женщин, англичане снаружи арестовывали членов отряда еврейской самообороны. Среди арестованных был и Жаботинский, которого незадолго до того вынудили уйти из Еврейского легиона — за то, что он, недовольный отношением военной администрации к легиону, пожаловался непосредственно генералу Алленби, минуя официальные каналы.

Евреи, потрясенные отказом англичан открыть ворота Старого города, подали петицию военному губернатору, требуя, чтобы он обязал английских солдат взять на себя защиту города, запретил дальнейшие арабские демонстрации и сместил арабских полицейских. И прежде всего, они просили как-то официально признать еврейские отряды самообороны. В конце концов губернатор удовлетворил одно из этих требований: в Старый город были введены английские войска, и когда на третий день стало ясно, что беспорядки прекратить не удастся, в городе было объявлено военное положение. Членов Еврейского легиона, которые попытались прийти на помощь иерусалимским евреям, англичане схватили и разоружили на глазах у вооруженных арабов. Жаботинский и его товарищи были арестованы. Выдвинутые против них обвинения потрясли ишув. Фразеология обвинительного заключения была неприкрыто заимствована из турецкого уголов-

ного кодекса: двадцати членам отряда еврейской самообороны инкриминировались "бандитизм, подстрекательство подданных Османской империи ко взаимной ненависти, грабежи, изнасилования, разорение страны и убийства в разных местах".

Жаботинский в тюремном заключении

Британский военный суд, официально указав, что он не считает себя связанным какими бы то ни было процедурными формальностями, приговорил Жаботинского к пятнадцати годам тюремного заключения и его товарищей — к почти столь же длительным срокам. Жаботинский, в кандалах, скованный одной цепью с двумя арабами, осужденными за изнасилование, был проведен вместе со своими девятнадцатью товарищами через Иерусалим. День вынесения им приговора ишув объявил днем поста и протеста. Когда тюремный поезд с заключенными пришел в Лод, его встретили там тысячи евреев: они прощались со своими защитниками и клялись не забывать их. Четыреста солдат Еврейского легиона и впереди них полковник Марголин стояли в скорбном и почтительном почетном карауле вдоль железнодорожного полотна, по которому поезд увозил их товарищей по оружию в египетскую тюрьму. Несколько недель спустя заключенных перевезли из Египта в центральную тюрьму Палестины — крепость в Акко.

В тот же самый день за тысячи миль от Палестины, на утопающей в цветах вилле под названием "Парадиз" в итальянском городе Сан-Ремо, главные союзные державы торжественно подтвердили Декларацию Бальфура и приняли решение передать Великобритании мандат Лиги Наций на управление Палестиной.

В 1920 году военная администрация в Палестине завершила последний срок своих полномочий и передала власть гражданской администрации. Британское правительство, явно желая оздоровить атмосферу и восстановить веру ишува в искренность англичан, сделало

жест доброй воли: оно назначило Верховным комиссаром Палестины видного английского еврея сэра Герберта Сэмюэла. Сэр Герберт Сэмюэл, один из наиболее влиятельных приверженцев Декларации Бальфура, прибыл в Иерусалим весной 1920 года. Ишув встретил его с ликованием. Назначение сэра Герберта на пост Верховного комиссара было воспринято как начало новой главы в истории сотрудничества между англичанами и евреями, как благоприятнейшая прелюдия к британскому управлению Палестиной, которое было закреплено официальным решением Лиги Наций о Мандате несколько позднее — в 1923 году.

Британский Мандат на управление Палестиной

Первые годы Мандата ознаменовались улучшением отношений между ишувом и британскими властями: евреи начали больше верить в то, что англичане могут и искренне желают обеспечить в Сионе закон и порядок и положить конец арабским погромам. Правда, было бы преувеличением сказать, что ишув позволил себе надолго почить на лаврах и ослабить бдительность или что он перестал заботиться о вопросах безопасности; однако в целом все-таки большинству населения казалось, что положение медленно, но верно нормализуется. Были, впрочем, в Палестине люди, настроенные менее оптимистично. Несмотря на многие месяцы затишья, они продолжали убеждать ишув, что проблема самообороны отнюдь не перестала быть актуальной.

Хашомер был официально распущен. Вместо него — согласно резолюции, принятой Гистадрутом (Всеобщая федерация труда), — был создан руководящий комитет, которому было поручено создать в Палестине всеохватывающую организацию самообороны: позднее эта организация получит название *Хагана* (что на иврите означает "оборона"). Хашомерцы не очень-то верили в эффективность такой не основанной на принципе строгой выборочности организации; оглядываясь на

прошное, они утверждали, что излишняя демократия в вопросах обороны — дело, чреватое опасностями. Гораздо лучше было бы, считали они, сохранить в Палестине тайную организацию типа Бар-Гиоры или Хашомера и полагаться на преданность и маневренность небольших специальных отрядов и на подпольную элиту. Однако мнение большинства в ишуве было против такой точки зрения. "Времена теперь другие, — говорили Элияху Голомб, Дов Хоз и другие члены руководящего комитета. — Теперь уже речь идет не о том, чтобы защищать какой-то аванпост здесь и какую-то деревню там, чтобы ставить дозоры на винограднике и патрулировать верхом вокруг киббуца, — нет, сейчас нам нужна уже не кучка людей, а армия, и значение будет иметь не столько храбрость одиночек, сколько коллективная ответственность и преданность всего населения общему делу".

Хагана, едва еще оперившись, стала сразу же действовать во многих направлениях. Поскольку после каждого крупного арабского бунта в Палестине британские власти принимали решение временно приостановить еврейскую иммиграцию в страну, Хагана решила взять на себя задачу следить за тем, чтобы поток евреев, переселяющихся в Палестину, не ослабевал. Начав руководить нелегальной алией, Хагана за тридцать лет переправила в Палестину десятки тысяч людей. В числе первых таких нелегальных иммигрантов была группа молодых евреев из Крыма, которые весной 1920 года, когда вспыхнул иерусалимский погром, были уже в пути. Хагана связалась с ливанскими контрабандистами, и те согласились за определенную мзду перевезти крымчан в Палестину. Однажды вечером иммигранты погрузились в Ливане на небольшое суденышко, которое после четырех дней пути доставило их в Хайфу. Из Хайфы их отвезли в небольшое еврейское поселение, где они оделись, как все остальные поселенцы, и теперь уже их было практически невозможно обнаружить. Использование киббуцов в качестве промежуточных пунктов на пути "нелегальных" иммигрантов стало

одной из главных традиций Хаганы на многие годы вперед.

Крымчане — сильные и добродушные люди — создали летом 1920 года организацию *Гдуд Хаавода* (Оборонительно-трудовой батальон имени Трумпельдора). В этом батальоне были претворены в жизнь идеи, выдвинутые еще членами Хашомера. Но кроме того, батальон участвовал во многих других секторах жизни ишува и существенно облегчил абсорбцию многих сотен репатриантов, которые поселились в Палестине в двадцатые годы. Среди групп, особо отличившихся в Трудовом батальоне, были выпускники единственного в Палестине высшего учебного заведения, находившегося в Тель-Авиве и носившего имя Герцля, — гимназии "Герцлия": этому учебному заведению предстояло сыграть особую, совершенно уникальную роль в истории страны. Выпускниками "Герцлии" стали многие палестинские евреи, прежде служившие в турецкой армии, а затем вступившие в Еврейский легион. Во многих отношениях "Герцлия" была кузницей кадров и первой опытной лабораторией еврейской интеллигенции в Палестине. В ее классах с высокими сводчатыми потолками овладевали науками многие будущие основатели и руководители молодежного поселенческого движения, командиры Хаганы и вооруженных сил Израиля, политические и общественные лидеры ишува.

В Трудовой батальон входили также репатрианты из Литвы, Польши, России, молодые специалисты, опасавшиеся, что им не найдется места в послереволюционной Восточной Европе, или изгнанные из родных мест волной антисемитизма, захлестнувшего Россию во время гражданской войны. В батальоне были также бывшие участники Еврейского легиона, которые не знали, что им теперь делать, и все еще надеялись, что демобилизованный ныне легион будет сформирован заново или же вместо него будут созданы какие-либо другие еврейские вооруженные силы. До и после работы в Трудовом батальоне проводились военно-полевые

учения: батальон готовился к тому, чтобы стать, если необходимо, военным резервом ишува. Бойцы батальона ходили в тренировочные походы, выполняли изнурительные физические упражнения, учились стрелять. Батальон делился на отряды, у каждого отряда был свой начальник-командир. Деятельность батальона была продолжением и обогащением военных и общественных традиций, родившихся и закрепившихся еще в Хашомере и Еврейском легионе.

Работал батальон, в основном, на строительстве дорог, которыми новая администрация намеревалась покрыть всю страну. Жили рабочие в палаточных городках вдоль дорог; жизнь в этих городках строилась и хозяйство велось по киббуцному образцу. Те, кому не удавалось получить работу на строительстве дорог, занимались в портовые грузчики, в рыбаки, в каменотесы. Все шло так, как предсказывал когда-то Трумпельдор: "После войны еврейский народ, освобожденный и независимый, исполнит желания сам защищать себя. Для этого необходимо будет создать армию, то есть, несколько батальонов дисциплинированных, хорошо обученных бойцов из рядов еврейских рабочих". Трудовой батальон отлично сознавал, что он воплощает в жизнь предвидение Трумпельдора. По вечерам в своих палатках рабочие строили планы дальнейшей обороны ишува, они сочиняли страстные, часто сентиментальные стихи и песни о своей связи с землей, и пели эти песни под аккомпанемент губных гармошек, или же с жадностью слушали рассказы об обороне Тель-Хая. У батальона появилось даже что-то вроде формы; на фотографиях того времени его бойцов легко распознать с первого взгляда: мужчины в кепках или широкополых шляпах, в шортах цвета хаки, в хлопчатобумажных рубашках, сандалиях и широких военного покроя куртках (такие куртки многие репатрианты привезли из Европы). Нельзя сказать, что такая одежда была особенно изящна, но зато она была очень практична, да к тому же, что еще важнее, подчеркивала, что бойцы батальона — плоть от плоти рабочего люда: эта одежда

как бы отличала членов Трудового батальона от репатриантов-”капиталистов”, которые открывали в Палестине магазины и небольшие фабрики.

Первый курс Хаганы для инструкторов военного дела

Именно из рядов Трудового батальона выбрала Хагана своих первых слушателей курса инструкторов военного дела. Среди этих слушателей было трое молодых крымчан. Старостой курса был выбран Ицхак Садэ, командир батальона — дородный еврей из России, ставший в Палестине искусным каменотесом. Курс этот проводился либо в помещении гимназии ”Герцлия”, либо на песчаных дюнах возле Тель-Авива. Почти все его тридцать слушателей были ветеранами Первой мировой войны или гражданской войны в России. Прозанимавшись несколько недель в Тель-Авиве, курс переехал в Кфар-Гилад. Жители Кфар-Гилады — в прошлом члены Хашомера — никак не могли принять всерьез молодых инструкторов. Они презрительно относились к попыткам выработать у курсантов военную выправку, им претило, что курсанты вытягиваются в струнку по команде ”смирно”, они не видели смысла в создании официального воинского соединения. Никакие взводы или роты, рассуждали они, не заменят храбрости одиночек. Жители Кфар-Гилады малопочтительно окрестили курсантов ”комиками”, и эта кличка им так пристала, что за ними и осталась. Но ”комики” стали первыми офицерами Хаганы.

Хагана и приобретение оружия

Самой, пожалуй, главной проблемой, с которой с самого начала своего существования столкнулась Хагана и с которой ей пришлось сталкиваться еще несколько десятилетий, была нехватка оружия. Еще до создания организационного комитета Хаганы, чуть ли не первое, что сделал ишув после войны, была попытка приобре-

ти оружие и боеприпасы из арсеналов союзных держав. В начале двадцатых годов запасы оружия ишува совершенно истощились. В большинстве поселений, разбросанных по стране, была одна винтовка на трех мужчин, хотя иногда случалось, что на каждого мужчину приходилось по винтовке плюс сотни две патронов. Во всем Тель-Авиве насчитывалось пятьдесят пистолетов всевозможных калибров, запас небольших самодельных бомб, представлявших собою консервные банки, начиненные гелигнитом и гвоздями, да еще немного винтовок. Коль скоро вся деятельность по самообороне носила, в основном, пассивный характер, укрепления в большинстве еврейских поселений имели довольно жалкий вид: траншеи, мешки с песком да ограда из колючей проволоки.

Было ясно, что ишуву позарез необходимо оружие. Когда был распущен Еврейский легион, его бойцы ухитрились передать ишуву большую часть своего личного оружия. А после этого была организована небольшая "закупочная миссия" в Европу. В те годы торговцы оружием открыли массу торговых центров в Вене и других городах бывшей Австро-Венгерской империи, и там шла бойкая купля-продажа оружия. Несмотря на то, что власти всячески пытались прикрыть эту коммерцию, оружия в Европе было более чем достаточно. Правда, средства у ишува были мизерные, но оружие все же покупалось и тайно переправлялось в Палестину. Прятали его где придется: в чемоданах с двойным дном, в холодильниках, в ульях, даже в полых мельничных жерновах. Все это из Европы транспортировалось в Бейрут, а оттуда — в Кфар-Гилади, где оружие распределялось по поселениям и киббуцам. Когда однажды закупочная комиссия приобрела десяток пулеметов, их разобрали на части и отправили в Палестину в паровых катках и бетономешалках.

Тайный оружейный склад в Кфар-Гилади

В Кфар-Гилади был построен специальный оружей-

ный склад; он располагался глубоко под землей и имел строго засекреченные входы и аварийный выход. На его постройку ушел целый год. Все работы в мастерской велись по ночам, так что даже жители Кфар-Гилади не знали о его существовании. Один из создателей склада так описывал эпизод его строительства: "Мы понимали, что помещение следует защитить от влаги, и для этого покрыть стены специальной штукатуркой, сделать их водонепроницаемыми. Мы разыскали человека, которому приходилось когда-то выполнять такую работу. Однажды ночью мы завязали ему глаза, принесли его на носилках к месту работ, спустили вниз на веревках, и там выслушали лекцию о том, как покрывать стены штукатуркой".

Подобно строителям оружейного склада в Кфар-Гилади, руководители Хаганы в первые годы после Первой мировой войны были дилетантами, новичками; они еще только учились, как контрабандой переправлять в страну оружие и привозить, минуя надзор властей, "нелегальных иммигрантов". Однако из людей, служивших в Еврейском легионе и в Трудовом батальоне, сражавшихся в Тель-Хае и прошедших через иерусалимские беспорядки 1920 года, была создана полувоенная организация, от которой, хотя они сами пока об этом не знали, вскоре стало зависеть само существование ишува.

3. ХАГАНА ПУСКАЕТ КОРНИ

В ПАЛЕСТИНЕ НЕСПОКОЙНО. САДЭ И УИНГЕЙТ.
БЕЛАЯ КНИГА И ЛОРД ПИЛЬ.
СДЕРЖАННОСТЬ ИЛИ ВОЗМЕЗДИЕ?
РЯДЫ ХАГАНЫ ШИРЯТСЯ.

В жизни палестинских евреев тридцатые годы ознаменовались целым рядом значительных событий, которые в конечном итоге определили масштабы, характер да и само будущее ишува и которые способствовали не только укреплению Хаганы, превращению ее из децентрализованной местной милиции в общенациональную организацию самообороны, но также — что еще важнее — заставили Хагану отказаться от пассивной, выжидательной позиции и перейти к политике активности и инициативы. В конце тридцатых годов в Палестине вновь вспыхнули арабские беспорядки. Этому взрыву насилия способствовали три критических фактора; каждый из них, даже и отдельно взятый, мог бы оказать достаточно серьезное влияние на судьбу четырехсот тысяч палестинских евреев, а все вместе эти три фактора породили мощное подпольное движение, которое в нужный час оказалось способным взять на себя тяжелое бремя борьбы за независимость.

Призрак нацизма в Европе

Главным, решающим из этих трех факторов был приход к власти в Германии нацистов. Правящие круги Великобритании в те годы и без того склонны были сомневаться в целесообразности создания Еврейского национального очага в Палестине, а уж напуганные та-

кими событиями, как захват Эфиопии Муссолини, вторжение Гитлера в Рейнскую область и Гражданская война в Испании, британские власти более определенно и окончательно заняли в вопросе о положении на Ближнем Востоке антиссионистскую позицию. Вторым фактором было то, что арабский мир, раздираемый противоречиями по всем другим вопросам, казался — и в значительной мере действительно был — един в одном: в стремлении не допустить дальнейшего развития еврейских поселений в Палестине. Арабы составляли тогда процентов семьдесят населения Палестины, и их всячески старались привлечь на свою сторону державы Оси — а это облегчало англичанам задачу сложить с себя ответственность за ишув. Realpolitik*, или точнее говоря, арабские нефтяные месторождения, и, разумеется, приобретающий все большее значение Суэцкий канал, служили дополнительными доводами в пользу взятого англичанами курса на то, чтобы всячески ублажать арабов. Дух Мюнхена господствовал отнюдь не только на европейском континенте, а образ мыслей, характерный для Невилла Чемберлена, не ограничивался домом №10 на Даунинг-стрит**.

Постепенно ишув начал осознавать (хотя это был медленный и болезненный процесс), к каким последствиям грозит привести официально провозглашенный антисемитский курс нацистской Германии; это позволило ишуву еще острее осознать, что его судьба может вскоре оказаться в его собственных руках и что его дальнейшее существование не есть что-то само собой разумеющееся, но оно будет всецело зависеть от того, сумеет ли ишув постоять за себя, продолжить репатриацию евреев в Палестину и увеличить число еврейских

* Realpolitik (нем.) — букв. "реальная политика" — политика, при которой не принимаются во внимание соображения гуманности, справедливости, нравственности и т.д., а преследуются только определенные практические цели.

** Даунинг-стрит, 10 — резиденция британского премьер-министра.

поселений. За три года арабских беспорядков погибло 2287 арабов, 520 евреев и 140 британских подданных. За это время и англичане, и арабы, и евреи должны были четко определить свои позиции.

Возобновление беспорядков

Вспышке враждебности, вновь разразившейся в 1936 году, предшествовали дикие беспорядки 1929 года, когда арабы напали на изолированный еврейский квартал в Иерусалиме, убили и искалечили пятьдесят девять евреев — мужчин, женщин и детей — в Хевроне, Цфате и Моце, и волна убийств и грабежей прокатилась почти по всей стране, распространившись, как эпидемия чумы, и оставив за собой десятки разоренных поселений. Как и прежде — в 1920 и 1921 годах, — Хагана оказалась недостаточно подготовленной и плохо организованной, чтобы оказать громилам по-настоящему действенный отпор. Однако, хотя во время беспорядков 1929 года погибло в общей сложности сто евреев, нет сомнения, что, не будь Хаганы, убийств и насилий было бы гораздо больше. В конце концов англичане восстановили мир и порядок, но сделали это настолько нерешительно, что ободрили арабов, которые больше не сомневались, что, случись нечто подобное в будущем, мандатные власти едва ли поспешат взять евреев под свою защиту и едва ли арабские громилы будут достаточно сурово наказаны.

Подстрекательские действия иерусалимского муфтия

За зверствами, которые арабы совершили в 1929 году, стояла примечательная фигура — крупный арабский националист Хадж Амин аль-Хуссейни, иерусалимский муфтий — голубоглазый, рыжебородый, вкрадчивый, лощеный человек, которого считали выразителем мнений мусульман и о котором говорили, что он был одним из главных вдохновителей иерусалимских беспо-

рядков 1920 года. Это был человек хитрый, светский, обладавший, подобно Распутину, даром какого-то гипнотического воздействия на своих слушателей. В начале двадцатых годов сэр Герберт Сэмюэл назначил муфтия председателем Высшего мусульманского комитета. Хотя в 1929 году уже не было никаких сомнений в том, что муфтий принимал непосредственное участие в арабских бунтах, британская следственная комиссия, назначенная для расследования причин этих беспорядков, сочла возможным отнести их за счет усилившейся еврейской иммиграции и обошла стороной вопрос о злобной подстрекательской деятельности муфтия и его прихвостней. Официально обеленный, находящийся в зените своей популярности среди палестинских арабов, ставший признанным лидером всех недовольных мусульман, муфтий в тридцатые годы стал подготавливать новую кампанию арабского насилия.

Прибывают еврейские беженцы из Германии

К 1936 году, несмотря на отдельные арабские провокации, ишув процветал и преуспевал. Палестинские евреи возделывали сотни апельсиновых рощ и сажали целые леса; трагедия немецкого еврейства способствовала тому, что в Палестину хлынула очередная волна иммигрантов — причем иммигрантов совершенно нового типа: эти люди привезли с собой не только свой капитал, но и обширные знания и опыт, трезвый и практический ум. Они вкладывали деньги в новые предприятия, создавали собственные кооперативные сельскохозяйственные поселения и образцовые птицефермы; немецкие евреи вели изысканный, на зависть приятный образ жизни, какого до тех пор Палестина не видывала. Арабы восприняли это как новую для себя угрозу. Эти пришельцы разительно отличались от революционеров-хашомерцев, которые склонны были многое перенимать у арабов, — нет, это была совершенно новая прослойка в населении страны.

На самом деле многие из шестидесяти тысяч иммиг-

рантов из Германии, приехавших в Палестину в тридцатые годы, жаждали сблизиться с арабами (хотя арабы этого не знали); из рядов немецких евреев вышло несколько наиболее красноречивых приверженцев идеи арабско-еврейского сотрудничества. Однако муфтий продолжал колесить по стране, пугая арабов, что их скоро совсем вытеснит из Палестины этот наплыв европейцев, и намеренно закрывая глаза на то, что за последнее время резко поднялся уровень жизни всех жителей Палестины — в том числе и арабов — и что сотни арабских семей баснословно разбогатели, продавая евреям землю. Вражду к евреям разжигали и анти-еврейские пропагандистские радиопередачи, которые вела на Палестину фашистская Италия с помощью мощных передатчиков радио Бари.

Призрак фашизма в Палестине

Уже достаточно привычные к беспокойной и тревожной жизни, озабоченные событиями в далекой Европе, занятые своими делами, палестинские евреи весной 1936 года не придали особого значения сгустившимся над ними тучами, хотя первые удары грома уже раздались: произошел ряд столкновений с арабами, и несколько евреев были убиты. До сих пор нам неясно, кто именно весной 1936 года дал сигнал к вспышке беспорядков, которые начались с Яффы. В известной мере это определено было связано с появлением в стране нескольких сотен "нелегальных" арабских иммигрантов, проникших в Палестину с Хауранских гор в Сирии. Эти люди, оказавшись без работы на чужбине в начале весны (то есть в конце сезона сбора цитрусовых), громче всех кричали: "Смерть евреям!" — и 19 апреля 1936 года они легко поддались на чью-то провокацию и понеслись по улицам Яффы, сея смерть и разрушение.

В тот день Яффа стала стартовой площадкой серии беспорядков. Прошел слух, что в Тель-Авиве убито четверо хауранских арабов — трое мужчин и одна жен-

щина. Для хауранских арабов, уже и без того достаточно озлобленных, это оказалось последней соломинкой, переломившей спину верблюда, и они набросились на еврейских лавочников и чиновников, которые жили и работали в Яффе. Некоторые евреи нашли убежище в государственных учреждениях, другие — в полицейских участках, и были даже такие умеренные арабы, которые прятали евреев у себя.

Однако успокоить разъярившуюся толпу было уже невозможно. Англичане практически и не пытались что-либо сделать. Группы арабов блокировали главные дороги, ведущие из Яффы в Тель-Авив, и в этот день в Яффе громилы застрелили или закололи кинжалами девять евреев.

На следующее утро в Тель-Авиве были устроены массовые похороны, через город прошла длинная погребальная процессия, а волнения, начавшиеся в Яффе, перекинулись на всю округу. К ночи было убито еще шестнадцать евреев, и, когда полиция наконец-то вмешалась, в перестрелке погибло шестеро арабов. По стране прокатилась волна террора. В отличие от 1929 года, это был уже не стихийный бунт, когда громил вдохновляло мародерство или жажда крови — во всем развитии событий чувствовалась умелая направляющая рука, и были все основания полагать, что это была рука муфтия.

Через сутки после начала беспорядков Высший мусульманский совет, возглавляемый муфтием, объявил всеобщую забастовку. Требования муфтия были просты. Он объявил, что палестинские арабы не выйдут на работу до тех пор, пока не будут выполнены следующие условия: прекращение еврейской иммиграции, запрет на продажу земли евреям арабами, бойкот, направленный против евреев, и создание местного правительства и местного парламента, избираемого населением. По сути дела, это было требование уничтожить предпосылки создания Еврейского национального очага. Истинная цель муфтия заключалась в том, чтобы заставить Великобританию отказаться от какой

бы то ни было поддержки евреев, — поддержки, зафиксированной в Декларации Бальфура и ратифицированной Лигой Наций в форме решения о передаче Британии мандата на управление Палестиной. Муфтий сопроводил свое требование ультиматумом: либо к 15 мая этого года евреи и мандатные власти примут условия арабов, либо разразится мятеж; террор и саботаж станут повседневным явлением и будут продолжаться сколько понадобится.

В деревнях арабские крестьяне продолжали работать на полях, но в городах арабские лидеры сурово расправлялись со штрейкбрехерами, и можно было всерьез опасаться, что через неделю-другую жизнь в стране будет полностью дезорганизована.

Британские власти в Палестине отказались уступить арабскому шантажу, и евреи продолжали заполнять образовавшийся экономический вакуум. Когда арабская стачка парализовала работу яффского порта, евреи оборудовали причал в Тель-Авиве, тем самым заложив основу будущей гавани. Когда забастовка арабских водителей автобусов оставила страну практически без общественного транспорта, места арабов заняли шоферы-евреи, которые тем самым шли на огромный риск. Когда сельскохозяйственные продукты из арабских деревень перестали появляться на рынке, еврейские поселения и киббуцы взяли на себя снабжение населения городов.

Однако экономическая угроза, созданная арабами, была не так страшна, как попытки терроризировать население. 15 мая наступило и прошло, и перчатку, брошенную арабами, никто не поднял. Тогда кампанию арабского пассивного неповиновения и отказа от сотрудничества сменила кампания убийств, поджогов и вредительств. За год было вырыто и уничтожено двести тысяч деревьев, совершено триста восемьдесят нападений на поезда и автобусы и тысяча девяносто шесть нападений на евреев, восемьдесят человек в которых было убито.

*Ишув прибегает
к политике сдержанности (хавлага)*

Помимо того, что ишув увеличил производство сельскохозяйственной и промышленной продукции и обеспечил работу транспорта, он принял в опасные летние месяцы 1936 года сложное коллективное решение: Хагане было предписано ограничить свою деятельность самообороной, отражением арабских нападений и воздерживаться от каких бы то ни было форм ответного террора. В основе этой политики лежало опасение, что в ходе такой борьбы могут пострадать ни в чем не повинные люди. Разумеется, как мы увидим дальше, были в ишуве небольшие группы людей, которые верили, что действенный ответный террор сможет положить конец арабским бунтам, и утверждали, что язык силы — это единственный язык, понятный арабским террористам. Такие группы проводили тайные террористические операции; однако эти операции нисколько не испугали арабских лидеров, а, наоборот, только давали им дополнительный повод для карательных действий.

Политика "хавлаг" (что на иврите означает "сдержанность") диктовалась также некоторыми сугубо практическими соображениями. Прежде всего, сионистские лидеры стремились не давать британским властям повода утверждать, будто в Палестине идет гражданская война, или что нападения арабов на евреев суть не что иное, как арабо-еврейские волнения. "Арабов, — говорил Бен-Гурион, — рано или поздно простят. Что бы они там ни сделали, все будет забыто. А вот нам никто ничего не простит".

Кроме того, лидеры палестинского еврейства надеялись, что если в ишуве будет поддерживаться железная дисциплина, у англичан не будет повода ограничивать еврейскую иммиграцию, как это уже несколько раз случалось, когда евреи оказывали арабам слишком активный отпор. А алия, то есть поселение в Эрец-Исраэль бездомных евреев Европы, рассматривалась — и это следует помнить — не просто как первоочередная

задача, но и буквально как святая обязанность ишсува — обязанность, от которой он не в праве был себя освободить. И, наконец, считалось чрезвычайно важным, чтобы у британских властей не появилось никаких оснований ограничить помощь легальным отрядам еврейской самообороны.

*Политическая борьба ишсува
с британскими властями*

Помимо этого, сионистское руководство склонно было придавать своей политической борьбе с министерством по делам колоний в Лондоне такое же значение, как и непосредственному положению, сложившемуся в Палестине. В конце концов, именно в Лондоне, а не в Иерусалиме принимались важные для ишсува решения и публиковались Белые Книги. "Хавлага" была, главным образом, политикой отказа от противопоставления арабскому терроризму собственного бессмысленного терроризма, когда не различают правого и виноватого. В то же самое время евреи, разумеется, продолжали защищать себя, продолжали нелегально ввозить в страну оружие и боеприпасы, совершенствовать свою военную организацию, доставлять в страну новых иммигрантов, невзирая на официальные квоты, создавать новые поселения и вербовать как можно больше добровольцев для службы в рядах вспомогательных войск британской армии и в палестинской полиции. У тысяч евреев было оружие, но это оружие, за очень немногочисленными исключениями, использовалось только в целях обороны.

В это время от Хаганы откололась небольшая группа людей, которая отказывалась подчиниться ограничениям, налагаемым политикой "хавлага", и считала эту политику опасной и трусливой. Эта группа создала собственную военную организацию, которая ничем уже больше не сдерживаемая, выборочно взрывала бомбы где попало, организовывала нападения на арабские деревни и сделала принцип "око за око" законом своей

деятельности. Однако большинство палестинских евреев в течение трех лет соблюдали ограничения, налагаемые политикой "хавлага". Шли месяцы, а беспорядки все не прекращались; в руководстве Хаганой шли бесконечные дебаты, взвешивались все за и против. Однако большинство стояло за политику сдержанности, и моральные и практические доводы в пользу этой политики возобладали. В этом уважении Хаганы к законности и порядку, в ее доверии к национальным учреждениям и установлениям, в понимании необходимости поддержания в народе дисциплины — во всем этом уже виден зародыш еврейской национальной государственности. Но, помимо того, что политика "хавлаг" была глубоко нравственна, помимо того, что ответный террор мог бы привести к нескончаемым кровавым распрям с арабами, помимо того, что евреи питают традиционное отвращение к убийству как таковому, — помимо всего этого, следует признать совершенно бесспорный факт, что в 1936 году Хагана была едва ли подготовлена к чему-либо большему, чем самооборона. Когда условия изменились, когда возможности и мастерство солдат и офицеров Хаганы выросли, двое людей — одаренный и основательный в своих суждениях еврей из России по имени Ицхак Садэ и столь же одаренный, эксцентричный британский офицер Орд Уингейт — воспользовались обстановкой и повели подполье на активную оборонительную борьбу.

А пока что евреи полностью использовали все имеющиеся у них легальные возможности. К концу мая 1936 года ситуация резко ухудшилась. Арабы начали с того, что разбрасывали по автострадам гвозди и осколки стекла, чтобы расстроить работу еврейского общественного транспорта, теперь же они перешли к вооруженным нападениям на автобусы. Бронированные автобусы и грузовики, перевозившие грузы для англичан, неизменно ездили в сопровождении военного эскорта. По ночам арабы отвинчивали рельсы на железных дорогах, и то одна, то другая деревня в отчаянии наблюдала, как горит ее урожай и как уничтожаются

ее плантации. Хагана была кардинально реорганизована, что давно пора было сделать: в городах, включая Тель-Авив, где располагался главный штаб Хаганы, молодые мужчины и женщины каждую ночь патрулировали в отдаленных районах, проходили курс по оказанию первой медицинской помощи и готовы были в любую минуту защищать город от нападения; подростки, мобилизованные в средних школах, работали в качестве курьеров или служили в сигнальных отрядах.

Однако за пределами городов с целиком еврейским населением, в которых арабы не решались прибегать к силе, положение было гораздо более трудным. Англичане, будучи не в состоянии обеспечить действенную защиту каждого еврейского поселения, стали давать евреям больше "легального" оружия и закрывать глаза на проникновение в Палестину оружия "нелегального". Снова были открыты запломбированные арсеналы, которые англичане создали во многих поселениях после беспорядков 1929 года. Хотя нередко находившееся в этих арсеналах оружие оказывалось устаревшего образца или даже совершенно непригодным, все же это было лучше, чем ничего. Поскольку закон запрещал евреям пользоваться настоящими винтовками военного образца — разве что в пределах очень жестких квот, — власти стали выдавать евреям больше лицензий на охотничьи ружья, а в конце концов начали даже принимать евреев на службу во вспомогательные военные части.

Почти все три тысячи палестинских евреев, которые в 1936 году имели законное право носить оружие и которые составляли ядро самообороны ишува, были бойцами Хаганы. Именно их боевой опыт, обогащенный и углубленный, должен был послужить вскоре основой для создания еврейских вооруженных сил, способных встретиться с врагом лицом к лицу. Англичане, видимо, вполне отдавали себе отчет, что такое развитие событий неизбежно; и они, разумеется, отлично сознавали, что, помогая создавать различные "сверхштатные" контингенты еврейской полиции, они ведут дело

к фактической легализации Хаганы, которой предстоит получить в той или иной форме официальный статус на доброе десятилетие. Но выбора у них просто не было: войска, находившиеся в их распоряжении, были явно бессильны совладать с арабскими бандами. Механизированные, тяжело экипированные, непривычные к климату и к местности, британские войска не могли тягаться с арабскими террористами и не были даже в состоянии преследовать их, когда те внезапно бесследно исчезали в столь знакомых им родных горах; и где уж было англичанам обнаружить потайные места, в которых террористы прятались и хранили оружие!

Евреи в палестинской полиции

А евреи-то, по крайней мере, знали страну и горели желанием сделать все возможное, чтобы восстановить в стране закон и порядок. Поэтому англичане, престиж которых упал до предела, теперь с гораздо большим вниманием, чем прежде, отнеслись к предложению Еврейского Агентства, чтобы определенное число евреев было мобилизовано на службу в палестинскую полицию с тем, чтобы укрепить ее и освободить полицейских от рутинной канцелярской работы и от обычной патрульной службы. Представители Агентства объяснили, что **они сами** возьмут на себя задачу отобрать добровольцев, и указали, что устав полицейской службы Палестинского правительства, выпущенный в 1926 году, предусматривает в случае необходимости формирование "сверхштатных" полицейских сил, а также менее многочисленных отрядов, состоящих из так называемых "гафиров" (рудимент эпохи турецкого господства, когда высокопоставленные лица и важные учреждения имели право нанимать собственную охрану). "Сверхштатному" полицейскому полагалась винтовка военного образца, обмундирование и заработная плата; "гафир" получал легкое вооружение и мундир типа полицейского, а платил ему тот, кто его нанял.

Кроме того, как напомнили англичанам представители Еврейского Агентства, в условиях чрезвычайного положения Устав разрешал также использование добровольцев — "констеблей по особым поручениям", — не получающих заработной платы; таким добровольцам следовало выдавать оружие и мундиры или нарукавные повязки. Все эти категории особых полицейских отрядов обозначались на иврите одним словом — *нотрим* (охрана).

Нотрим (сторожевые отряды)

Первые отряды нотрим появились в 1936 году. Вид у них был довольно невзрачный: многие из них ходили в плохо сидящей рабочей одежде и лишь надевали, как театральные капельдинеры, особые нарукавные повязки, по которым их можно было опознать. Другие были одеты в хаки и носили на голове арабскую "кефию" или турецкий колпак, на котором красовалось слово "гафир". Их вооружение состояло обычно из обыкновенной винтовки; им не полагалось ни автоматов, ни ручных гранат, которые приходилось приобретать нелегально. Эти нотрим были чем-то вроде замены регулярной милиции, суррогатом еврейской армии. Однако подобно тому, как до них члены Хашомера и бойцы Еврейского легиона, нотрим и особенно еврейские полицейские расширили возможности еврейской самообороны. В последующие годы они успешно решали проблему "двойного подчинения": они делали все возможное, чтобы образцово выполнять свои обязанности и подчиняться приказаниям своих командиров, служа властям, и в то же время они были бесценным легальным прикрытием Хаганы, которую они неустанно снабжали оружием и боеприпасами. Не будучи сами в подполье и имея официальный статус, они были теснейшим образом связаны с подпольем и оказывали ему неоценимые услуги. К осени 1936 года на правительственной службе было семьсот пятьдесят нотрим и, кроме того, было еще тысяча восемьсот человек, состояв-

ших на оплате у руководства еврейскими поселениями и охранявших апельсиновые рощи, поля и виноградники.

Оппозиция политике "хавлаги"

Но не только нотрим помогали защищать еврейские поселения. Хагана вербовала добровольцев в городах и посылала их в деревни и киббуцы. Контакты между городской и сельской молодежью подняли боевой дух и тех и других, оживили в них национальное чувство, ощущение связи со своим народом, которое в последние несколько лет начинало уже, казалось, угасать. Городские юноши и девушки знакомились со своими сверстниками в глухих отдаленных поселениях, и между ними шли нескончаемые споры о том, следует ли перейти от пассивного сопротивления к активной самообороне. И наконец в конце 1936 года пленум Национального совета движения Хакиббуц хамеухад, собравшийся в Ягуре по инициативе Ицхака Табенкина, Элияху Голомба, Исраэля Галили и Иехошуа Глобермана, принял решение, ставшее поворотным пунктом в политике ишува: он постановил потребовать от руководства ишува и от командования Хаганы права "прорваться сквозь ограду", то есть захватить в свои руки военную инициативу.

В десятках поселений по всей Палестине молодые люди говорили: "Можем же мы, по крайней мере, что-то сделать, чтобы погасить разгоревшийся пожар, выйти за ограду и попытаться отразить нападения арабов". В одном или двух местах они взяли оружие и на грузовиках промчались сквозь апельсиновые рощи. Иногда небольшие группы бойцов Хаганы по своей собственной инициативе отправлялись в горы и, когда арабы открывали огонь, забрасывали их гранатами. Постепенно еврейская самооборона начинала становиться все более и более активной. В Иерусалиме Ицхак Садэ, который после роспуска Трудового батальона предоставил себя в распоряжение Хаганы, предпринял конк-

решительные, решительные действия, чтобы покончить с пассивностью еврейской оборонительной тактики. Человек отчаянной храбрости, прирожденный руководитель и организатор, Садэ был одним из немногих высших командиров Хаганы, который с редкой проницательностью оценивал скрытые аспекты действительного значения еврейской самообороны. В истории еврейского народно-освободительного движения в Палестине ему предстояло стать выдающейся личностью, основателем "полевых рот", созданных в разгар арабских бунтов, а позднее — основателем Палмаха (ударных отрядов Хаганы). У Хаганы были и свои идеологические руководители; так, Элияху Голомб в течение многих лет являлся неофициальным руководителем Хаганы, ее учителем и идеологом. Исраэль Галили, член высшего командования Хаганы, а позднее — ее главнокомандующий, считался, наряду с Голомбом и Шаулом Авигуром, одним из наиболее влиятельных сторонников активной самообороны. Однако именно Садэ — добродушный человек в очках, с очень заурядной внешностью, бонвиван и поэт, влюбленный в землю, женщин и в неумолимую логику истории, — именно он в 1936 году наиболее ярко воплощал боевой дух подполья, и именно он отобрал и обучил военному делу группу подростков, которым уже через несколько лет предстояло стать руководителями армии Израиля.

В течение многих недель маленькие еврейские поселения в горах вокруг Иерусалима были постоянным объектом безжалостных нападений арабов. Всю весну добровольцы Хаганы охраняли эти поселения, укрываясь за мешками с песком и в траншеях. Были среди этих добровольцев и отличные стрелки. Все они были молодые и сильные, и их угнетала вынужденная пассивность и бездеятельность. Ночь за ночью они пролеживали на животе, глядя на прицелы своих винтовок, слушали, как арабы подбадривают себя боевым кличем, и до смерти желали вскочить и пуститься за арабами в погоню. Они ждали, пока их соберут и бросят в бой, хотя и сами еще этого не сознавали. И когда в по-

селение приехал Ицхак Садэ, они были более чем готовы к тому, чтобы с их помощью он мог осуществить свои планы. Сначала он отобрал двоих. Вооружившись револьверами и гранатами, они начали втроем разрабатывать план ночной засады. Садэ решил предпринять невиданное до того дело — неожиданно атаковать нападающего врага с тыла, в крошечной тьме. Через некоторое время Садэ сформировал несколько небольших мобильных патрульных отрядов. Вместо того, чтобы сконцентрировать свою молодежь в одном месте и занять пассивную оборону, которая им осточертела хуже горькой редьки, он рассредоточил бойцов; он жаждал действия — и он его получил. Его первый мобильный патрульный отряд (на иврите — *ноддедет*) состоял из почти семидесяти юношей. Садэ удалось неизвестно откуда достать для них некое подобие обмундирования: шорты и рубашки цвета хаки и солнечные шлемы. Он тренировал их так, как, по его глубокому убеждению, следует тренировать солдат: водил их в трудные ночные походы, учил ориентироваться на местности, знакомил с окрестными горами, показывал, как различать ночные звуки и передвигаться в темноте. Ицхак Садэ заявил им, как два года спустя заявит Орд Уингейт, что отныне ночь не должна больше быть помощницей одних только арабов. Евреи тоже должны уметь действовать по ночам, использовать ночь в своих целях и свободно чувствовать себя в темноте.

Парни, которых Садэ отобрал себе в отряд, не сводя с него глаз, ловили каждое его слово. Он рассказывал им вещи, о которых они и раньше слышали, но не придавали особого значения. Рассказы о Хашомере, о Трумпельдоре, о мировой войне, о гражданской войне в России и о Трудовом батальоне приобретали в его устах особое значение, и молодые бойцы чувствовали себя преемниками давних и славных традиций. Садэ внушил им чувство уверенности в себе, заставил их почувствовать себя воинами непобедимого полка, сильными и несгибаемыми, каким был сам Ицхак Са-

дэ. Его влияние на них было безгранично, он изменил их жизнь.

Через несколько недель он вывел их "на дело", и они устроили засаду неподалеку от арабских деревень. Британские солдаты, расквартированные в этом районе, подавленные, бессильные, чувствовавшие себя в горах не в своей тарелке, познакомились с Ицхаком Садэ и его молодыми бойцами и заключили с ними негласное джентльменское соглашение. Евреи должны были служить для регулярных войск передовыми патрулями и разведчиками, должны были переводить их через горные перевалы. Каждую ночь они приобретали какой-нибудь навык: как переговариваться шепотом, как одеваться, как припадать к земле, как маскироваться, как слушать — и к чему прислушиваться. Перед ними открылся новый мир — мир романтики и благородства, мир чести и боевого товарищества; и впервые в жизни парни ицхака Садэ начали понимать, что им — как и их родителям — придется либо сражаться за свою землю, либо погибнуть.

По всей Палестине арабские террористы делали что хотели. Никто не чувствовал себя в безопасности: то пуля снайпера попадала в фермера, то подрывался на mine грузовик. Кампания разнузданного террора была направлена против евреев, против англичан и против самих же арабов. Тысячи запуганных и отчаявшихся мирных палестинских арабов отказывались сотрудничать с вооруженными бандитами. На них лежало невыносимо тяжелое бремя: они должны были снабжать террористов провиантом и деньгами, а также людьми, а всеобщей забастовке конца не было видно. Однако бандиты и убийцы не прощали малейшего неповиновения: они убивали арабских крестьян, арабских торговцев, и в конце концов начали угрожать влиятельным и зажиточным умеренным арабам, которые тоже стали страдать от охватившего всю страну террора. В августе 1936 года в Палестину приехал крупный арабский военачальник — Фаузи ал-Каукджи, уроженец Сирии, бывший офицер турецкой армии, выпускник военного

училища в Ираке; он принял на себя командование арабским мятежом в Палестине и бахвалился, что под началом у него служит ни много ни мало — десять тысяч человек.

Руководители мандатного Палестинского правительства пребывали в полной растерянности. Верховный комиссар Палестины, генерал-лейтенант Артур Гренфелл Уокер, осмотрительный и добрый шотландец с мягкими манерами, обходительный человек, был живым олицетворением дилеммы, стоявшей перед британскими властями. Он поощрял деятельность евреев Палестины в области культуры, был поклонником недавно созданного в Тель-Авиве Палестинского симфонического оркестра, разрезал ленточки на открытии художественных выставок и, кроме того, дал разрешение на въезд в страну максимально возможного числа евреев из Германии. Но, хотя мандатное правительство ввело в Палестину столько британских солдат, сколько нужно, чтобы составить целую дивизию, арабы все еще владели положением в Палестине, и справиться с ними никто не мог.

Один из штабных офицеров генерала Дилла, которому вскоре предстояло отправиться в Палестину, чтобы попытаться покончить с террором, заметил: "Пока они не маршировали с винтовками за спиной и их не поливали огнем самолеты с бреющего полета, все было хорошо". Он же произнес язвительно: "Своими действиями мандатное правительство напоминает жалкую фигуру в халате и шлепанцах, семенящую вслед за Верховным арабским советом".

Британские солдаты под палящим солнцем каждый день выходили в патрули и честно делали все, что в их силах, действуя в трудных условиях и получая к тому же самые противоречивые приказания. Но, казалось, власти вовсе не стремятся покончить с партизанской войной и утвердить авторитет Великобритании в Палестине. Все, что делалось, делалось медленно и неэффективно. Если британские войска арестовывали мятежников, то проходили месяцы, пока их наконец-

то судили. Интернированных арабов отправляли в лагерь около египетской границы, где с ними обращались скорее как с почетными гостями правительства, чем как с заключенными. Шли бесконечные словопрения о необходимости введения в стране закона о военном положении, а пока что такое положение в действительности имело место. А тем временем измученные и раздраженные британские солдаты были уже не в состоянии обеспечить безопасность на дорогах и в поездах, не могли больше гарантировать мирному гражданину, что он не станет жертвой какой-нибудь арабской банды — а таких банд развелось великое множество.

Наконец, к сентябрю терпение Лондона истощилось. Бездейтельность и бессилие Палестинского правительства стали объектом жестокой и беспощадной критики; британский лев, который, наконец, почувствовал себя уязвленным, оскалил зубы и зарычал. В Палестину прибыл генерал Дилл с воинскими подкреплениями, которые довели общую численность британских войск в Палестине до тридцати тысяч человек. Генерал Дилл действовал быстро, разумно и эффективно, как и должен действовать опытный солдат. Не прошло и месяца, как волна террора резко спала, всеобщая арабская забастовка была прекращена, и Каукджи был вынужден бежать за границу. Первый раунд закончился; однако заслуга победы — хотя и запоздалой, и частичной — принадлежала англичанам. Генерал Дилл положил конец арабскому насилию главным образом тем, что противопоставил ему свои собственные меры, нередко довольно крутые: коллективные штрафы, налагаемые на деревни, которые подозревались в оказании помощи террористам; разрушение домов, в которых было найдено оружие; комендантский час, продолжавшийся всю ночь; немедленное заключение в тюрьму арабов, захваченных во время облав, которые Дилл провел по всей Палестине. Бунты полностью еще не прекратились, однако в стране воцарилось некое подобие мира.

Королевская комиссия по Палестине

Великобритания официально объявила, что создается другая Королевская комиссия, которой вменяется в обязанность расследовать причины беспорядков и выработать решение так называемого "палестинского вопроса".

Тем временем Хагана подвела свои итоги. За пятнадцать лет своего существования эта организация очень изменилась. Теперь она начинала действовать как истинно общенациональная организация обороны. Она пережила периодические отслаивания от нее разных мелких групп, которые не были согласны с политикой "хавлаги". У нее были значительные, хорошо обученные резервные силы — еврейская охрана поселений и прочие отряды нотрим. Но за шесть месяцев мятежей она осознала свои недостатки и слабости, и теперь настала пора их учесть и выработать планы на будущее.

У всех палестинских евреев было такое ощущение, что, хотя мандатные власти и министерство по делам колоний не могут сложить с себя ответственность за поддержание закона и порядка в Палестине, не следует полагаться исключительно на них одних. Ишуву необходимо было иметь собственную военную организацию, которая могла бы защищать жизнь, собственность и достоинство евреев от нападений арабов. В этот период передышки и подведения итогов руководители ишува приняли решение превратить отряды нотрим, которых следует как можно лучше обучить и экипировать, в нечто вроде легального прикрытия для подпольных вооруженных сил, не связанных с британскими войсками и подчиняющихся только самому ишуву. И все эти вооруженные силы — как легальные, так и нелегальные — должны были как можно лучше подготовиться к возможности военных действий против арабских сил на широком фронте, имея при этом в виду, что арабы, весьма вероятно, будут обладать достаточной мобильностью и свободой действий, ибо не

исключено, что мандатные власти и британский гарнизон могут занять нейтральную позицию.

На совещании в Тель-Авиве руководитель Хаганы указал, что у евреев есть враг, более страшный, чем арабы, и этот враг разрабатывает планы, угрожающие уже не несколькими сотням тысяч евреев в Палестине, но всему еврейскому народу.

Однако в 1936 году даже палестинские евреи не могли предвидеть, во что выльется на практике немецкое "окончательное решение еврейского вопроса", а если бы они это и предвидели, они были бы бессильны что-либо предпринять.

Совещание в Тель-Авиве и еще ряд подобных совещаний оказались очень плодотворными. Хагана уже была неким подобием армии, подчинявшейся выборным органам ишува, которые действовали как некое подобие правительства. С организационной точки зрения на верхушке этой иерархии находился тайный комитет, известный под названием Национальное верховное командование (*мифкада арцит*): комитет состоял из гражданских лиц, которых назначал исполнительный совет Еврейского Агентства и которые были представителями разных (почти всех) слоев ишува; глава комитета был *de facto* министром обороны. Комитет в свою очередь, назначал членов генерального штаба, возглавляемого начальником генерального штаба. В генеральном штабе были следующие отделы: материально-технического обеспечения, планирования, военного обучения, военных операций, личного состава. Помимо введения строгой дисциплины и системы подчиненности, вся страна была разделена на участки обороны — северный, центральный и южный, со специальным командованием для иерусалимского округа. У каждого из этих участков был собственный арсенал и собственный штаб.

В то же самое время были заложены основы военной промышленности. В ней начали работать на основе полной рабочей недели некоторые члены Хаганы; и на этот

раз принципом сугубой добросовестности пришлось пожертвовать в пользу эффективности.

Хотя в Хагане в то время состояло уже около двадцати пяти тысяч человек, это казалось явно недостаточным; и без излишнего шума в стране был проведен рекрутский набор. На полную реорганизацию Хаганы ушел целый год. А в октябре 1936 года было проведено первое мероприятие по претворению в жизнь проекта, который стал одним из наиболее ярких и значительных событий в истории ишува.

Операция "Ограда и башня"

Этот проект предусматривал серию операций, названных "Ограда и башня" (на иврите — *хома у-мигдал*); целью проекта было создание ряда стратегически важных укрепленных пунктов в определенных районах Палестины — например, в северной и в западной Галилее и в долине Иордана, — где еврейские поселения не поощрялись или прямо запрещались. Создание таких пунктов было ярким и наглядным воплощением решимости евреев Эрец-Исраэль утвердить свое право на эту землю. Именно так эта операция была воспринята, и такой она вошла в легенды нашего народа, была описана в книгах и воспета в песнях. Она подняла дух тех, кого так угнетал сохранявшийся весь прошлый год запрет на активные действия.

Для того, чтобы поставить Высшее арабское командование и Палестинское правительство перед свершившимся фактом, а также из соображений безопасности предусматривалось в качестве первого шага возводить стены и сторожевые вышки, сооружения, без которых не могло обойтись ни одно еврейское поселение. Соответственно, ограды и башни изготавливали загодя и привозили на нужное место уже в почти готовом виде: их оставалось только собрать и установить. Ограда строилась из двух рядов толстых досок, начиненных, точно гигантский сэндвич, камнями и гравием. Вышка, высотой обычно футов тридцать шесть, венчалась про-

жектором. Монтаж и установка ограды и башни на месте заканчивались, как правило, меньше чем за двенадцать часов, и энтузиастов-добровольцев, с жаром бравшихся за эту работу, было всегда более чем достаточно. С 1936 по 1938 год появилось тридцать шесть таких поселений, владевших двадцатью одной тысячей акров земли. Первым из них был Кфар-Хиттин в нижней Галилее, вторым — Нир-Давид в западной части долины Бет-Шеан, недалеко от реки Иордан.

7 декабря 1936 года Палестину облетел слух о наборе добровольцев. Со всей страны потянулись мужчины и женщины с мотыгами, вилами, лопатами и запасом пищи. Готовые блоки ограды и башни, помеченные и пронумерованные согласно чертежам, были погружены на грузовики и тракторы, и караван отправился к месту назначения. Кфар-Хиттин был основан в глухом месте, поросшем кустами и терновником; к заходу солнца ограда и башня были возведены, и те, кому надлежало стоять в ночном дозоре, заняли свои посты.

*Британские власти налагают ограничения
на еврейскую иммиграцию и на покупку земли*

”Да ведь в Палестине так мало места, что кошке негде погулять!” — заявил в 1929 году доктору Вейцману британский министр по делам колоний лорд Пассфилд, оправдывая ограничения, наложенные властями на еврейскую иммиграцию и на покупку земли. Операция ”Ограда и башня”, осуществление которой началось в 1936 году, была ответом ишува лорду Пассфилду: этим палестинские евреи опровергали его оценку способности Палестины принимать новых иммигрантов. Еще до того, как прекратились арабские бунты, в Палестине появилось множество новых поселений; некоторые из них создавались в условиях фактической ”строительной войны”, и многие — в самых отдаленных и опасных уголках страны.

В конце 1936 года в Палестину прибыла новая Королевская комиссия. Шесть британских джентльменов во главе с лордом Пилем, бывшим государственным секретарем по делам Индии, под надежной охраной исколесили всю страну вдоль и поперек, провели тридцать шесть длительных совещаний с наиболее видными деятелями (из них тридцать одно совещание было открытым для публики) и собрали многочисленные свидетельства и мнения о возможных и надежных способах решения проблемы этой столь обетованной земли. Арабы отказались давать показания комиссии и сотрудничать с ней, хотя к делу были привлечены Королевские военно-воздушные силы, и самолеты честно облетали страну, осыпая арабские деревни дождем листовок, в которых населению сообщалось, что члены Королевской комиссии — люди без всякой примеси еврейской крови и не связанные с еврейскими кругами. Комиссия в поте лица трудилась в Палестине до самого лета, после чего она отбыла в Англию, дабы обсудить и осмыслить все собранные ею показания и факты, подытожить свои впечатления и начать работу над пухлым четырехсотчетырехстраничным отчетом, который и был опубликован в июле 1937 года.

Хотя еще до публикации отчета у всех жителей Палестины было определенное предчувствие, что это будет еще одно произведение из серии обычных британских докладов типа "с одной стороны" и "с другой стороны", а уж евреи, в частности, питали особенно мало надежд, что авторы станут отстаивать их дело — дело сионизма, — отчет комиссии лорда Пиля, написанный изящным и понятным языком, произвел сенсацию. В нем давалась высокая оценка позиции сионистов, подтверждался аргумент евреев, что арабы с их помощью очень много добились в экономической сфере, подвергалась критике деятельность Палестинского правительства и делался вывод, что Мандат себя не оправдал. Экономические соображения, утвержда-

лось в отчете, не имеют никакого отношения к делу; в обозримом будущем не представляется возможным достижение какого бы то ни было компромисса между двумя враждующими сторонами.

Поэтому, предлагали авторы отчета, страну следует разделить на две части: в Палестине должно быть создано Еврейское государство и Арабское государство, а Иерусалим, соединенный с морем коридором, должен получить особый международный статус.

Арабы сразу и безоговорочно отвергли решение комиссии. Евреи после долгих размышлений и споров объявили, что они готовы рассмотреть предложения англичан. Хотя вся территория предполагаемого Еврейского государства по рекомендации авторов отчета сокращала исторический еврейский национальный очаг с 45 000—50 000 квадратных миль до каких-то двух тысяч квадратных миль, и это, в свою очередь, порождало серьезные сомнения в том, что такое государство сможет стать по-настоящему жизнеспособным, руководство сионистского совета большинством голосов, при нескольких воздержавшихся, в конце концов приняло план комиссии в принципе. По крайней мере, говорили сторонники этого плана, он позволит европейским евреям беспрепятственно и в любое время приезжать и селиться в Еврейском государстве.

*Рекомендации комиссии лорда Пия
дают толчок новым беспорядкам*

Реакцию арабов на отчет комиссии лорда Пия можно было предугадать: по всей Палестине снова прокатилась волна беспорядков, и на этот раз они приобрели особенно широкий размах. Поскольку комиссия лорда Пия рекомендовала Британскому правительству отказаться от мандата на Палестину, многие допускали, что вскоре оно, возможно, так и сделает, особенно учитывая возобновившийся и усилившийся арабский террор. Хагане пришлось задуматься: "А что если и вправду обстоятельства заставят англичан уйти?"

Был разработан секретный план оккупации евреями Палестины. План был выработан исходя из предположения, что в столкновение между евреями и арабами не вмешается никакая третья сторона и что ни у евреев, ни у арабов не будет артиллерии и авиации. Согласно подсчетам Хаганы, четыреста тысяч евреев Палестины могут победить. Вокруг всех еврейских поселений следовало создать линии оборонительных сооружений — защищать эти линии представлялось вполне возможным. Связь их с центрами основной концентрации еврейского населения предполагалось поддерживать при помощи бронированного автотранспорта. Вся территория, которую требовалось удержать за собой, составляла 1789 квадратных миль и была вытянута в длину на 283 мили; эта зона охватывала почти весь ишув, причем 118000 евреев в нем имели боевой опыт. Оборонительная линия мыслилась как стена, оплетенная колючей проволокой; намечалось создать ряд передовых и тыловых оборонительных пунктов, снабженных долговременными огневыми сооружениями и окопами. Внутри этой линии должен был возникнуть полностью автономный еврейский остров.

*Хагана готовится к возможному выводу
британских войск из Палестины*

Согласно плану, эту оборонительную линию предполагалось построить за две недели и охранять воинским соединением численностью в один батальон: 900 человек должны были день и ночь нести охрану, а еще 400 человек — оставаться в действенном резерве. План Хаганы был разработан чрезвычайно тщательно и подробно: в нем предусматривалось, что для защиты каждой группы населения в тысячу человек необходимо тридцать пять бойцов Хаганы. Всего требовалось 45000 солдат: 10000 человек в регулярной армии, 3200 человек — для обороны Иерусалима и еще 30000 пехотинцев. Был разработан и второй план с более дальним прицелом — план Б, — который предусматривал окку-

пацию евреями всей Галилеи, а также аннексию Иерусалима и присоединение его к остальной части "государства". Для осуществления плана Б требовалось 50000 солдат, из которых 17000 составят гарнизон.

Для того чтобы претворить в жизнь план А, необходимо было мобилизовать около 43000 мужчин и женщин. Возникло предложение заблаговременно обучать военному делу всех еврейских юношей в возрасте от пятнадцати до девятнадцати лет (их было около пятнадцати тысяч). Что касается вооружения, Хагана рассчитывала раздобыть около 28000 винтовок, хотя пока в ее распоряжении имелось всего-навсего 6000. Всякое другое снаряжение — палатки, колючая проволока, грузовики и прочее — можно было купить или изготовить. Но все это, утверждали составители плана, было не самое главное; самое главное — выдержка и воля к победе. "Если хотя бы один из трех мужчин ишува готов выполнить свой долг, этого вполне достаточно".

Этот план подвергся всестороннему обсуждению, был тщательно обдуман и взвешен — и в конце концов отвергнут как слишком статичный и основанный на устаревших военных концепциях. Любопытно отметить, что в 1937 году Хагана в отличие от правительства Франции, отказалась от идеи создания палестинской линии Мажино* как от слишком дорогостоящего и малодейственного начинания.

Но к чему бы ни привели возобновившиеся арабские бунты, какое бы решение ни приняли в конце концов британские власти, Хагана продолжала обогащать свои стратегические и геостратегические концепции, начала думать об обязательной воинской повинности в ишуве и в первый раз уделила серьезное

* Линия Мажино — система укреплений вдоль восточной границы Франции от швейцарской до бельгийской границы, названная по имени Андре Мажино (1877—1932), министра обороны Франции в 1929—1930 годах. В 1940 году, когда немецкие войска обошли линию Мажино с фланга, через Бельгию, она оказалась совершенно бесполезной.

внимание проблемам материально-технического обеспечения и развертывания транспортной сети. Кончилась эпоха дилетантских индивидуальных планов обороны тех или иных поселений; теперь вместо этого появились строгие, централизованные схемы обороны путем эшелонирования в глубину, военная организация, основанная на действиях воинских частей с четко определенной численностью и специализированными функциями. Независимо от того, что собирались предпринять англичане в сложившейся ситуации, ишуву нужно было все, без чего невозможна армия, — военные училища, авиация, высококвалифицированные специалисты по вопросам тактики, а также деньги.

Структура и характер действий Хаганы начали меняться. Этим изменениям способствовало, в частности, решение британских властей принять крутые меры и раз и навсегда покончить с разгулом арабского бандитизма. И теперь настало время, когда Ицхаку Садэ было в конце концов разрешено воплотить в жизнь свое глубокое убеждение, что евреи должны показать, на что они способны как солдаты. И, наконец, на палестинской сцене появилась новая фигура — капитан Орд Чарльз Уингейт, талантливый офицер, одержимый любовью к Сиону. В 1937—1938 годах чаша весов перевесила в пользу евреев, арабские бунты продолжались, правда, еще до 1939 года, но жребий был уже брошен и исход игры ясен.

В соответствии со своим новым подходом, верховное командование Хаганы поручило Ицхаку Садэ создать регулярные воинские части, подчиненные прежде всего ему как непосредственному командиру и затем генеральному штабу Хаганы в Тель-Авиве. Ицхак Садэ со свойственным ему жаром принялся отбирать людей для своей маленькой армии. Он отбирал их из рядовых нотрим, из отважных молодых людей, служивших в созданных Хаганой "летучих колоннах" — мобильных отрядах, которые на смешных, обитых листами железа грузовичках курсировали по палестинским дорогам, сопровождая еврейских рабочих на поля и

фабрики и иногда даже вступая в самовольные стычки с арабскими бандитами, — и из рядов еврейской полиции, в чьи задачи входило защищать пригороды и чей младший офицерский состав обучался военному делу на специальных курсах под руководством придиристых британских сержантов.

Полевые роты (Фош)

Из всех этих людей Садэ отбирал самых сильных, самых сообразительных и самых преданных. От личного состава первых отрядов Хаганы, предназначенных для ведения военных операций, требовалась физическая закалка, сметливость и обостренное чувство товарищества. Эти отряды получили сокращенное название Фош (по первым буквам их названия — *плугот садэ*, что на иврите означает "полевые роты"). Едва ли можно было подобрать для отрядов Фош командира, более подходящего, чем Ицхак Садэ. Как и все выдающиеся воины, о которых их народы слагают легенды, он сам обладал всеми теми качествами, которых требовал от своих солдат. Несмотря на то, что у него была седеющая борода и что он был гораздо старше своих "мальчиков", для них он был героем. За свою жизнь он успел освоить множество профессий и ремесел. Ему довелось быть журналистом, драматургом, управляющим каменоломней, борцом, фермером; но прежде всего он был боевым командиром. Люди, служившие у него под началом, любили и уважали его; они называли его ха-Закен, то есть Старик, и он научил их самих быть боевыми командирами.

Отряды Фош сделались мобильной силой, которой вменялось в обязанность действовать по всей стране в сотрудничестве с тем или иным районным командованием. Штаб Фош помещался в Тель-Авиве, на бульваре Ротшильда: здесь Садэ организовал материально-техническую часть, топографическую часть и учебный сектор. Из евреев, свободно говоривших по-арабски, он создал небольшую разведывательную службу, а

кроме того, выделил группу добровольцев из евреев-ортодоксов, носивших пейсы, кипы и так далее. Отряды Фош финансировались частично за счет "коффера-ишув" — общенационального военного налога, который ежемесячно платили большинство палестинских евреев, — а частично за счет заработной платы нотрим. С деньгами всегда было туго. Членам Фош нередко приходилось обходиться без надлежащего обмундирования, без полноценного оборудования, а то и без достаточного пайка. Однако трудности и препятствия отступали на задний план, когда дело доходило до настоящих действий. И к марту 1938 года Садэ уже мог похвалиться тем, что в его отрядах находится под ружьем тысяча человек, распределенных по тринадцати районным группам, да еще пятьсот человек проходят боевую подготовку. Более консервативные руководители Хаганы брюзжали, что Садэ забрал у них самых лучших людей. Сионистские политики жаловались, что, ведя открытые военные операции против арабов и даже совершая акты возмездия за арабские нападения, Садэ ставит под угрозу существование легальной еврейской обороны. В генеральном штабе звучали даже обвинения, будто бы отряды Фош — это потенциальная элита, а это политически крайне нежелательно, не говоря уже о том, что "полевые роты" своими действиями подрывают шансы на установление каких бы то ни было нормальных взаимоотношений с арабами. Элияху Голлоб выслушивал все эти доводы, успокаивал страсти и продолжал оказывать Ицхаку Садэ полную поддержку.

События в деревне Рош-Пина

В 1937 году в Хагану вернулась часть молодежи, которая в свое время взбунтовалась против политики "хавлаги", ушла из Хаганы и создала собственную, крайне правую оборонительную организацию Иргун цвай леуми (Национальная военная организация, сокращенно — Эцел), проводившую до 1938 года многочисленные террористические акты против арабов. И од-

ной из этих акций возмездия, совершенных Эцелом, суждено было поколебать пробудившийся было оптимизм ишува и привести к важным политическим последствиям.

В верхней Галилее, возле еврейского поселения Рош-Пина — одного из первых еврейских поселений в Палестине — группа молодых людей из Эцела по ночам выходила в дозор в рамках обороны, которой руководило районное командование Хаганы. Подобного рода компромиссные соглашения между Хаганой и Эцелом нередко имели место, и в большинстве случаев оказывались очень полезными. Как и повсюду в те дни, в деревне Рош-Пина тоже велись горячие споры за и против "хавлаги", и эти молодые люди из Эцела безоговорочно отвергали саму идею политики сдержанности. И вот в марте 1938 года арабы напали возле Рош-Пины на автомобиль, ехавший из Хайфы в Цфат; было убито четверо пассажиров, в том числе две женщины и один ребенок. Полиция прибыла незамедлительно, организовала погоню и убила четырех арабов. Однако молодые члены Эцела в Рош-Пине поклялись отомстить.

Недели три спустя они взяли пистолеты и гранаты и обстреляли первую проехавшую мимо машину. Никто не пострадал, и даже машина не получила никаких повреждений. Однако судебный процесс по обвинению трех бойцов Эцела в "незаконном ношении оружия" превратился в *cause celebre**. Палестинское правительство, которое возглавлял новый Верховный комиссар сэр Хэролд Мак-Майкл, бывший губернатор Танганьики — крайне непопулярный проарабский деятель, — усмотрело в этом происшествии шанс "поставить евреев на место" и создать впечатление, что и среди евреев есть безответственные элементы. В июне 1938 года были вынесены приговоры: один из парней был признан "не отвечающим за свои действия", а двое других приговорены к смертной казни. Позднее один из этих

* *cause celebre* (франц.) — громкое дело.

приговоров был заменен пожизненным тюремным заключением, но другой подсудимый, Шломо Бен-Иосеф, был в конце концов повешен. Верховный комиссар, согласно законам Палестины, считался высшей апелляционной инстанцией, но он остался непоколебим, несмотря на то, что из Иерусалима, Лондона и Вашингтона раздавались просьбы отменить смертную казнь. 20 июня 1938 года Шломо Бен-Иосеф был казнен. Идя на казнь, он пел сионистский гимн "Хатиква" ("Надежда") и встретил смерть с достоинством, редким в его годы и в подобных обстоятельствах.

Эцел почтил его память целым рядом жестоких операций возмездия, в которых использовались бомбы с часовым механизмом, изготовленные из банок из-под машинного масла и молочных бидонов. В декларации Эцела говорилось: "Шломо Бен-Иосеф — это первая жертва нашей освободительной войны против вражеской власти".

С этого дня в течение многих лет Эцел считал себя в состоянии войны с Палестинским правительством.

Друг

Пока Эцел совершал нападения на арабов, без разбора убивая незнакомых ему людей в Хайфе и Иерусалиме, капитан Орд Чарльз Уингейт внедрил в Хагану довольно продуманный и тщательно подготовленный метод проведения операций возмездия.

Из всех незаурядных людей, которые появлялись на палестинском горизонте, — а таких было великое множество, — капитан Уингейт был одним из самых ярких. Он родился в Индии в благочестивой семье британского армейского офицера (его родители принадлежали к Плимутскому братству) и с детства впитал библейскую образность и пуританскую идеологию. Он был двоюродным братом Верховного комиссара Египта — сэра Реджиналда Уингейта — и дальним родственником знаменитого Лоуренса Аравийского. Став профессиональным арабистом, Орд Уингейт начал свою

военную карьеру в Судане, а потом был послан в Палестину. Подобно Лоуренсу Аравийскому, Уингейт был невысокого роста, худощавый, с глубоко посаженными глазами, сверкающими огнем фанатизма. Получив назначение в Палестину в 1936 году, он уже через несколько недель почувствовал всепоглощающую приверженность к сионизму. "Когда я приехал в Палестину, — писал он о своем "обращении в сионизм", — я обнаружил там народ, на который в течение многих веков глядели свысока и который был презираем многими поколениями людей, но который, тем не менее, остался непокоренным и начал заново строить свою страну. Я почувствовал себя частицей этого народа".

Сначала евреи встретили молодого офицера британской разведки с недоверием, но Уингейт пытался завоевать их дружбу. Характер у него был, впрочем, не из легких: он был несдержан, подвержен депрессии и нетерпим к условностям — например, его раздражала необходимость носить форму даже во время отдыха. Манеры у него были отвратительные, и, кроме того, неприятная для окружающих привычка поглощать большое количество лука. Однако его неоспоримая искренность в отношении к сионизму, его страстность, его великодушное знание Библии и его упорство постепенно развеяли недоверие, с которым его поначалу приняли.

Он объездил всю Палестину и описал свои впечатления в многочисленных письмах своему двоюродному брату сэру Реджиналду Уингейту, жившему в то время в Англии. "Я видел молодых евреев в киббуцах, — писал он в одном из писем. — Уверяю тебя, что из них могут получиться солдаты лучше наших. Их надо только обучить".

В таком же духе он говорил со своим начальством и с высокопоставленными гражданскими лицами. С кем бы ему ни приходилось сталкиваться, он начинал доказывать, что евреев следует вооружить, и он предло-

жил свои услуги Еврейскому Агентству в качестве командира легального корпуса еврейской обороны, если таковой будет создан. За короткий срок он завоевал у евреев полнейшее доверие. Они стали доверять ему свои заботы, и вскоре стали его называть *Хайедид* — Друг; и это прозвище навсегда утвердилось за ним в ишуве.

Уингейт предложил британскому командованию создать ночные взводы особого назначения, состоящие частью из евреев, частью из англичан. Он был уверен, что если их соответствующим образом вооружить и обучить, эти взводы, действуя на занятой арабами территории, смогут сломать хребет арабским террористам; и он уговаривал сэра Арчибалда Вейвела, который был теперь вместо генерала Дилла главнокомандующим британскими войсками в Палестине, поручить ему организовать такие взводы. Получив наконец благословение Вейвела, он вступил в переговоры с верховным командованием Хаганы. Сначала Хагана была не склонна вступать в такое тесное сотрудничество с британцами против арабов, однако Уингейт настаивал, аргументы его звучали убедительно, и в конце концов руководители Хаганы дали свое согласие. Уингейт чрезвычайно тщательно подобрал штабных офицеров и бойцов. До того как ночные взводы особого назначения были сформированы, прошло несколько недель, в течение которых Уингейт один, без охраны, объезжал страну и проводил рекогносцировку местности, сжимая два ружья, англо-ивритский словарь и письмо, написанное рукой Элияху Голомба. Особенно сильное впечатление произвело на него маленькое поселение Ханита на ливанской границе. Здесь 21 марта 1938 года четыреста мужчин и женщин, прибывших на пятидесяти грузовиках, помогли возвести за одну ночь ограду и сторожевую башню. Перед рассветом арабы атаковали это поселение, и двое евреев было убито. Нападения не прекращались несколько недель, но девяносто поселенцев отказывались покинуть Ханиту. Они чувствовали, что границы будущего

Еврейского государства зависят от их стойкости — и они стояли насмерть. Уингейт появился в Ханите примерно через месяц после основания поселения. Он рассказал поселенцам о своей идее "ночных налетов" на арабские деревни: летучие отряды должны появляться неведомо откуда и наводить страх на арабские деревни, чтобы те перестали помогать террористам. Инициативу, объяснял он, не следует отдавать врагу, а нападение врасплох — это то, что может произвести на арабов впечатление. Некоторым из жителей Ханиты раньше довелось служить под началом Ицхака Садэ, и они поняли Уингейта с полуслова. Таким же образом Уингейт потолковал с жителями многих других поселений, а затем выбрал одно из них, Эйн-Харод, основанное Трудовым батальоном в 1921 году, как место для своего штаба.

Ицхак Садэ встретился с Уингейтом в киббуце Эйн-Харод, и эти два необыкновенных воина за месяц составили оперативный план действий ночных взводов. Уингейт уделял большое внимание деталям; он готов был часами говорить о том, во что солдаты будут обуты, он возражал против общепринятых военных концепций — например, против запрета пить много воды во время марша. Он призывал: "Используйте любую возможность пить воду и отдыхать!" Его сержанты-англичане учили будущих бойцов ночных взводов пользоваться легким оружием и вести ночной бой, а сам Уингейт преподавал им курс верховой езды. Он мечтал — эта мечта так и не осуществилась — создать особое кавалерийское соединение во главе со всадником, который будет трубить в горн из бараньего рога, как воин Ветхого Завета. Он беседовал с евреями так, как будто он сам был еврей.

"Арабы думают, что ночь принадлежит им, — говорил он. — Им кажется, что только они умеют сражаться в темноте. Англичане по ночам запираются у себя в казармах. А мы, евреи, научим их бояться ночи даже больше, чем дня".

Уингейт стоял за широкое использование в бою гранаты и штыка и превозносил преимущества рукопашных схваток. Его совершенно очаровали киббуцы; он считал их идеальным местом, где бойцы его отрядов могли бы отсиживаться в течение дня — содержать их там стоило бы недорого, а арабам было бы невдомек, где именно эти полуночники скрываются после восхода солнца. Уингейт разработал доктрину "бутылочных горлышек", в которые нужно загонять арабов, заставляя их там принимать бой в невыгодных для себя условиях. Но самое главное, учил Уингейт, уметь подкрасться незаметно и застать врага врасплох; это всегда было, есть и будет гораздо важнее, чем численность солдат и количество и качество вооружения. Уингейт не столько вычитал свою стратегию из военных учебников, сколько дошел до нее, что называется, своим умом. Несколько лет спустя его изобретательность и умение использовать особенности местности сослужили ему хорошую службу, когда он воевал в Эфиопии и в Бирме. А в Палестине основные положения военной доктрины Уингейта позднее легли в основу действий Палмаха — ударных отрядов Хаганы. Фактически многое из того, чему Уингейт учил свои ночные взводы, еще до того втолковывал своим "мальчикам" Ицхак Садэ. Однако Уингейт был кадровый британский офицер, и поэтому его слова имели особый вес. Многие из бойцов, собравшихся 13 сентября 1938 года в неопштукатуренном древнем амфитеатре в Эйн-Хароде, на всю жизнь запомнили этот день.

Уингейт начал свою речь на иврите: "Мы собрались здесь, — сказал он строго, — чтобы основать еврейскую армию".

Затем он прочел на английском языке лекцию об обязанностях командования. Бойцам ночных взводов трудно было сосредоточиться. Уингейт высказал то, что они и сами чувствовали, но никто из них еще не слышал таких слов от нееврея.

Бойцы ночных взводов, облаченные в синие рубашки, широкополые австралийские шляпы и башмаки на резиновой подошве, выдержали свое боевое крещение под арабской деревней Даббурия (названной в честь пророчицы Дворы), около горы Тавор. Несмотря на некоторое невезение и на ранение самого Уингейта, арабская банда понесла тяжелые потери и обратилась в бегство. Это была первая значительная — и успешная — операция ночных взводов. Позднее ночные взводы провели десятки рейдов и сражений. Им принадлежит основная заслуга в защите Иракского нефтепровода, и они приняли активное участие в охране стены Теггарта — длинной укрепленной линии оборонительных сооружений на границе с Ливаном, которую англичане возвели, чтобы воспрепятствовать проникновению в Палестину арабских банд из Сирии и Ливана. Стену Теггарта построила за три месяца тысяча еврейских рабочих; строительство велось под охраной трехсот нотрим, а ночные взводы и отряды Фош обеспечивали возможность продолжать работу, несмотря на непрекращающиеся нападения арабов.

Англичане распускают ночные взводы

Уингейт открыл в Эйн-Хароде еще один курс обучения военному делу. Он надеялся через несколько недель довести численность еврейских военных соединений, приписанных к британской армии, до двух тысяч человек. Если разразится мировая война, они смогут защищать Святую землю. Однако британские власти начали ставить Уингейту палки в колеса. Его репутация друга евреев, его несомненная чужаковатость раздражали слишком многих из его непосредственных начальников, а Палестинское правительство мечтало от него избавиться. И в конце концов ночные взводы были распущены. Правительство объявило гордым будущим сержантам, что им снова придется стать обычными скромными нотрим. Когда настал день прощания Уингейта со своими "курсантами", он обратился

к ним с последней речью. "Завтра, — сказал он, — вы будете рядовыми Британской армии, вместо того, чтобы стать сержантами. Однако мечта о Еврейской армии не умерла — она только отсрочена. Я желаю всем вам и себе, чтобы чаяния народа Израиля, обретшего свободу на своей родной земле, скоро осуществились. Шалом!"

И Уингейт обещал вернуться — даже, если придется, в качестве репатрианта.

Уингейт уехал из Палестины в 1939 году. В его армейском досье была отмечена дата его отъезда и вписана следующая характеристика: "Хороший солдат, но ненадежный с точки зрения безопасности. Доверять ему нельзя. Интересы евреев для него ближе, чем интересы собственной страны. Не следует позволять ему возвращаться в Палестину".

Много лет спустя, уже после того, как Уингейт прославился в качестве командира нерегулярных войсковых частей, сражавшихся против итальянцев в Эфиопии, и после того, как он в 1944 году погиб в Бирме в авиационной катастрофе, Ицхак Садэ подвел итоги боевого опыта ночных взводов особого назначения: "Рано или поздно, — сказал он, — мы и сами сделали бы то, что сделал Уингейт; но мы сделали бы это в меньшем объеме и не столь талантливо. Мы с Уингейтом шли параллельными путями, пока он не пришел к нам и не стал нашим командиром". Эти справедливые слова — достойная дань памяти Уингейта.

В 1939 году в Хагане появилось еще одно нововведение, свидетельствовавшее о стремлении к достижению профессионализма, к созданию значительных резервных сил, к обучению военному искусству возможно большего количества людей. Несмотря на протесты руководства отрядов Фощ, верховное командование Хаганы распустило "полевые роты" и заменило их отрядами *Хиш* (от *хейл-садэ* — то есть "полевые части"). В отличие от отрядов Фощ, бойцы Хиш не мобилизовывались на регулярную военную службу и не имели объединенного командования; они функциониро-

вали лишь как подобие местной территориальной охраны, которую можно было в случае надобности в течение нескольких часов призвать под ружье, и обучение они проходили по выходным дням и по праздникам.

В 1939 году официально прекратились арабские бунты. Настало время подвести итоги. Хотя ишув понес тяжелые потери, он вышел из борьбы более сильным, чем был в 1936 году. Ни одно еврейское поселение не было оставлено, ни одно не пало в результате нападения арабов. И, что было даже важнее, евреи, осуществив операцию "Ограда и башня", проникли в районы Палестины, имевшие важное стратегическое значение: новые поселения возникли вдоль границ с Ливаном, Сирией и Трансиорданией, а также в нижней Галилее. Наконец, к 1939 году ишув стал важным военным фактором на Ближнем Востоке, и с этим фактором — это было ясно — в будущем уже придется всерьез считаться; а Хагана приближалась к тому, чтобы стать одной из самых крупных и опытных подпольных военных организаций мира.

Но, с другой стороны, арабы, потерпев поражение на поле битвы, выиграли политическую войну.

Весной 1939 года, за полгода до того, как разразилась Вторая мировая война, внимание ишува было приковано не столько к еще тлевшим уголькам погасшего пожара арабских бунтов, сколько к переговорам, которые велись в Сент-Джеймском дворце в Лондоне. Британские власти, отчаявшись развязать клубок ближневосточных противоречий, пригласили представителей евреев и арабов в Лондон. Арабы отказались сесть за один стол с евреями, и переговоры велись с каждой группой отдельно. Поскольку Британское правительство только что показало, как легко оно капитулирует перед нацистским шантажом, логично было предположить, что оно уступит и перед арабскими угрозами. Так оно и случилось. Евреи, во всяком случае, заняли бескомпромиссно антинацистскую позицию. Еврейское население Палестины (включая 86000 репатриантов, приехавших в страну после 1936 года, многие

из них нелегально) еще не достигло полумиллиона. Ишув мало что мог сделать для европейских евреев, кроме как апеллировать к совести англичан на том основании, что всякие преграды еврейской иммиграции в Палестину обрекали сотни тысяч евреев Европы на мучения и гибель. Как в чехословацком вопросе, так и в палестинском британские власти избрали политическую линию умиротворения. Они хотели как можно скорее закрыть палестинский вопрос, и они это сделали, закрыв глаза на то, что захлопывают дверь в единственную страну на свете, куда еврейские беженцы могли приехать по праву, а не из милости.

17 мая 1939 года правительство Невилла Чемберлена опубликовало Белую Книгу о Палестине. В ней говорилось, что в течение десяти лет предстоит создать Палестинское государство на основе конституции, гарантирующей права меньшинств. Проектируемое государство мыслилось как разделенное на арабские и еврейские провинции; еврейскую иммиграцию предполагалось ограничить семьюдесятью пятью тысячами человек в течение ближайших пяти лет, вслед за чем она будет полностью прекращена; это означало, что евреи в Палестине всегда будут составлять приблизительно треть населения. Приобретение евреями земли будет практически запрещено полностью — оно будет ограничено пятью процентами территории страны. Таким образом, по истечении десяти лет Палестина должна была стать арабским государством с еврейским гетто, а Великобритания при этом играла бы роль арбитра и временной власти.

Евреи, потрясенные таким предательством, полностью отвергли Белую Книгу. Арабы согласились рассмотреть ее положения, при условии, что еврейское меньшинство не получит возможности мешать созданию Палестинского государства, и просили установить точную дату, когда будет прекращена еврейская иммиграция в страну. В Палестине протест ишува вылился в форму демонстраций и голодовок. Однако, когда потрясение прошло, евреи Палестины начали осозна-

вать, что Белой Книгой британские власти навеки похоронили идею Еврейского национального очага, что, если этот план будет претворен в жизнь, Палестина будет навсегда закрыта для еврейской иммиграции и что у ишува просто не остается иного выхода, как игнорировать британские запреты и начать борьбу против Белой Книги.

4. ПАЛЕСТИНА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

РОЖДЕНИЕ ПАЛМАХА. ЗА И ПРОТИВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ. КАТАСТРОФА ЕВРОПЕЙСКОГО ЕВРЕЙСТВА. ПАЛЕСТИНСКИЕ ЕВРЕИ В ТЫЛУ ВРАГА. ЕВРЕЙСКАЯ БРИГАДА.

Борьба ишува против Белой Книги и всего того, что за ней крылось, началась в 1939 году и продолжалась в течение всей Второй мировой войны; однако эту борьбу нередко заслоняли, сдерживали и направляли в другое русло первоочередные задачи, связанные с войной против нацизма. Положение евреев в Палестине — как физическое, так и моральное — было в то время на редкость незавидным. Мандатные власти объявили войну сионистскому движению и, невзирая на то, что нацисты в то время уже открыто заявляли о своем решении уничтожить евреев в Европе, британские власти решительно не допускали в Палестину тех евреев, которым посчастливилось спастись из нацистских концентрационных лагерей. Даже нависшая над Палестиной в 1941 году опасность вторжения держав Оси, гитлеровские победы в Европе и в Западной пустыне*, падение Франции и установление вслед за этим власти правительства Виши** в Сирии и в Ливане — все это не

* Западная пустыня — часть Северной Африки, где находятся Ливия, Тунис, Алжир и Марокко.

** Виши — город в центральной Франции. В 1940–1944 годах в нем находилась резиденция правительства так называемой "свободной территории Франции", возглавляемое сначала маршалом Анри Филиппом Петэном, а с 1942 года — Пьером

заставило англичан отказаться от своего намерения претворить в жизнь положения Белой Книги.

”Патрия”

В 1939 и 1940 годах в Европе шла так называемая ”странная война”; однако в Палестине отнюдь не было того обманчивого спокойствия, которое царило в Париже и Лондоне. Ишув нисколько не сомневался в том, что англичане не только будут препятствовать всем попыткам доставлять в Палестину новых иммигрантов и основывать новые поселения, но и сделают все возможное, чтобы пресечь любую деятельность Хаганы, не останавливаясь даже перед арестами ее бойцов и конфискацией оружия.

В ноябре 1940 года в Хайфу прибыло два судна с иммигрантами. Это были ветхие, полуразвалившиеся, переполненные ”скорлупки”, совершенно непригодные для морских плаваний и вполне заслужившие свое мрачное прозвище — ”плавающие гробы”. На этих двух судах в Палестину прибыло в общей сложности около тысячи беженцев, среди них — множество женщин и детей. Палестинское правительство, верное своей политике, перевело всех беженцев на более крупное судно ”Патрия” и объявило, что их отправят на остров Маврикий в Индийском океане.

Все старания ишува добиться отмены этого решения, все просьбы и петиции оказались совершенно бесполезны. Казалось, ничто не может уже отсрочить или предотвратить отправку беженцев на остров Маврикий. Хагану волновала не только участь людей, находившихся на борту ”Патрии”, ей хотелось также ободрить и поддержать евреев в оккупированной нацис-

Лавалем; это правительство номинально управляло неоккупированной территорией Франции и французскими заморскими колониями, но фактически оно было орудием в руках нацистов. В ноябре 1942 года, после вторжения союзников в Северную Африку, немцы оккупировали всю Францию, и правительство Виши потеряло даже видимость самостоятельности.

тами Европе и показать, что активное сопротивление британским дискриминационным мерам вполне возможно. И было принято решение нанести судну небольшое повреждение; к тому времени, рассуждало командование Хаганы, как повреждение будет устранено, англичане, возможно, пойдут на попятный, поняв наконец, что палестинские евреи никогда не согласятся с политической линией, выраженной в Белой Книге. И вот 25 ноября 1940 года на "Патрии", стоявшей в хайфском порту, раздался взрыв, проделавший в корпусе огромную пробоину. Судно затонуло, и вместе с ним погибло двести пятьдесят семь неудавшихся иммигрантов.

Впоследствии один из офицеров Хаганы, ответственный за эту операцию, писал: "Мы никак не могли понять, каким образом такая крошечная бомба могла проделать такую огромную пробоину в железном корпусе этой махины. Мы уверены были, что с ней ничего не случится. Однако выяснилось, что "Патрия" была в довольно-таки запущенном состоянии, и поэтому мизерного заряда взрывчатки оказалось достаточно, чтобы пустить судно ко дну".

Отчаянные попытки беженцев пробраться в Палестину

День, когда произошло несчастье с "Патрией", положил начало ожесточенной, ведущейся не на жизнь, а на смерть борьбы за иммиграцию — борьбы, которая продолжалась все годы вплоть до провозглашения независимости Израиля и которая в значительной мере способствовала созданию Еврейского государства. Через несколько месяцев после гибели "Патрии" в Палестину на борту судна "Атлантик" прибыли еще тысяча шестьсот беженцев. Их отправили в британский пересыльный лагерь на севере Палестины, а затем насильно погрузили на британское судно и доставили на Маврикий, где больше сотни человек умерло от болезней. В 1941 году в море затонуло везшее иммигрантов

судно "Сальвадор"; те, кому удалось спастись, прибыли в Палестину на другом судне — "Дарин". Ишув был уверен, что уж на этот раз британские власти смягчатся, что один лишь вид этих жалких, больных и напуганных людей, чудом спасшихся от смерти, вызовет жалость даже у самых бессердечных чиновников. Однако у беженцев, находившихся в самом бедственном положении, не было официальных сертификатов, и их тоже, сняв с судна, поместили в особый лагерь.

"Струма"

Но трагичнее всего был эпизод с судном "Струма", на котором зимой 1941 года прибыли в Константинополь семьсот шестьдесят бесприютных беженцев, искавших хоть какого-нибудь пристанища. Среди них были дети, и все они бежали из оккупированной нацистами Европы, проделав сложный и опасный путь, и были на грани полного истощения, а многие — тяжело больны. Поначалу было похоже, что Турция их примет. Однако длинная рука правительства Великобритании дотянулась и до Турции. Британские власти оказали на нее нажим, и в результате беженцев не пустили на берег и предупредили, что им так или иначе не позволят плыть дальше в Палестину, а если они все-таки до нее доберутся, им не позволят там высадиться. Беспомощные беженцы не видели никакого выхода из того ада, куда они попали волей своих собратьев-людей, и поэтому они решились все-таки плыть дальше в Палестину. Но неподалеку от Босфорского пролива "Струма" наскочила на мину и затонула; только двум беженцам удалось спастись. С этого дня иврит, на котором говорил ишув, обогатился еще одним новым словом, которое стало возгласом отчаяния и боевым кличем. Обычных иммигрантов называли *олим* (ед. ч. *оле*; те, кто "восходят" на Святую землю); нелегальных же иммигрантов, безуспешно стучавшихся в закрытые двери Палестины, стали называть *маапилим* (те, кто поднимаются вверх, преодолевая огромные трудности,

как, например, альпинисты, взбирающиеся на горные вершины).

Военные успехи Германии в 1941 году

Шел 1941 год — второй год войны. Ничто, казалось, не могло уже предотвратить наступления держав Оси на Ближний Восток. В Западной пустыне были сконцентрированы огромные силы врага, готовые двинуться на Египет. В Сирии и Ливане официально находившихся под властью правительства Виши, прочно обосновались Люфтваффе (немецкие военно-воздушные силы), а дальше к западу Северная Африка тоже подчинялась правительству Виши, то есть фактически была в кармане у немцев. План держав Оси был предельно ясен: использовать Сирию и Ливан в качестве плацдармов для завоевания всего Ближнего Востока, зажать Палестину в клещи между Египтом на юге и Сирией и Ливаном на севере. У немцев были все основания предвкушать скорую победу в Палестине. Многие арабы были открытыми приверженцами нацистов, и в десятках арабских деревень и мечетей по всей Палестине только и разговоров было о скором вторжении держав Оси в Палестину и о том, как здорово будет поживиться еврейским добром, когда ишув будет наконец уничтожен. Хадж Амин ал-Хуссейни, муфтий Иерусалима, уже поспешил в Берлин и засел там, готовясь вступить в Палестину вместе с победоносной германской армией. В окрестностях Иерихона были сброшены на парашютах немецкие агенты с заданием организовать восторженный прием немецких войск арабским населением, а из Ирака возвратился в Палестину один из главарей арабского мятежа 1936 года, готовый возглавить вооруженные банды, которые, когда настанет долгожданный час, должны были совершать диверсионные акты против союзников. Англичане потерпели поражение в Ливии, а немецкие самолеты с ливанских и сирийских аэродромов вылетали оказывать воздушную поддержку Рашиду Али, под-

нявшему пронацистский мятеж в Ираке. Муссолини объявил себя истинным защитником ислама, и Гитлер громогласно называл себя избавителем мусульман. Не удивительно поэтому, что нацисты были более чем оптимистично настроены в том, что касалось Ближнего Востока.

Отношение британских властей к палестинской проблеме

Оглядываясь назад и вспоминая все эти зловещие признаки надвигающейся катастрофы, нам трудно сейчас даже ретроспективно понять, до какой степени Англия была озабочена такой относительно "мелкой проблемой", как попытки ишува спасти жизнь других евреев — попытки, которым британские власти в Палестине постоянно чинили помехи. Однако, невзирая на зловещую ситуацию на фронте, Палестинское правительство не давало себе ни отдыха, ни сроку в преследовании несчастных беженцев. С равным рвением оно также продолжало разыскивать и конфисковывать "незаконное" оружие и арестовывать членов Хаганы. Правительство оправдывало свои действия следующим нехитрым аргументом: оно, дескать, находится в Палестине для того, чтобы поддерживать закон и порядок; какие бы внешние силы ни угрожали стране, заявляло оно, никому не дозволено ввозить в Палестину оружие из-за границы или тайно вооружаться; посему создание неофициальных вооруженных сил есть не что иное, как измена правительству. Правительство громогласно оповещало население, что не потерпит никаких подпольных организаций и что евреи, пойманные с винтовками или ручными гранатами, не будут рассматриваться как члены какой бы то ни было оборонной организации: в таких организациях нет никакой необходимости, и они незаконны. Что же касается самой войны, Британское министерство по делам колоний ясно давало понять, что к любым предложениям о непосредственном участии палестинских евреев в

военных действиях на фронтах оно отнесется в лучшем случае с безразличием, а в худшем — с открытой враждебностью.

Позиция британских властей оскорбляла и озлобляла евреев Палестины, горевших желанием принять участие в борьбе с фашизмом. Теперь, когда с военной точки зрения положение на Ближнем Востоке все ухудшалось, руководители ишсува искали какую-то формулу, которая помогла бы им сочетать две противоречивые политические линии, то есть, с одной стороны, заявить о своем желании любой ценой поддерживать Великобританию в ее борьбе с нацизмом, а с другой стороны, дать англичанам понять, что борьба против положений Белой Книги будет и впредь вестись в полную силу. Давид Бен-Гурион, тогдашний председатель Еврейского Агентства, подвел итог, сжато и афористично выразив занятую ишсувом позицию: "Мы будем воевать, — сказал он, — как будто нет никакой Белой Книги, и мы будем бороться против Белой Книги, как будто нет никакой войны".

Верховное командование Хаганы собралось на секретное совещание, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию и перспективы на будущее; ни то ни другое не выглядело особенно обнадеживающе. Отряды Фош были распущены. Сионистское руководство вело успешную кампанию с целью убедить англичан разрешить палестинским евреям вступать добровольцами в Британскую армию. Это разрешение было в конце концов дано, и в результате лучшие бойцы Хаганы оказались за пределами Палестины. Отряды нотрим и еврейская охрана поселений, хотя и были в большинстве членами Хаганы и преданы подполью, все же служили под началом англичан, и поэтому на них нельзя было полностью рассчитывать как на потенциальные независимые вооруженные силы ишсува. Оставались десятки тысяч рядовых граждан, которые в той или иной степени были в подчинении у Хаганы и которых призывали на службу по мере надобности, но эти люди, разумеется, были недостаточно обучены и вооружены,

чтобы в случае поражения и отступления англичан стать силой, способной удержать нацистов.

*Хагана обдумывает способы
спасения ишува от нацистов*

Было совершенно ясно, что нужно срочно создать вооруженные силы, подчиненные непосредственно и исключительно Хагана и способные предотвратить или замедлить завоевание Палестины нацистами. При поисках возможности создания таких сил командованию Хаганы пришлось вступить в спор с сионистским руководством, которое не было расположено дать свое согласие на то, чтобы в ишuve была проведена еще одна, дополнительная мобилизация.

Главный довод против создания действующей армии в ишuve был разумным и веским, и с ним трудно было спорить. Решение о наборе добровольцев-евреев в армию британские власти приняли с большой неохотой и оговорили целым рядом условий. Казалось, повторяется та же история, что во время Первой мировой войны. Если, рассуждали англичане, официально разрешить ишуву принять полноправное участие в войне, то после войны он несомненно потребует — и будет иметь моральное право требовать — какого-то вознаграждения. Это вознаграждение, естественно, должно будет заключаться в том, что Белую Книгу придется аннулировать или, по крайней мере, не вполне соблюдать, — а идти на это британские власти были отнюдь не склонны. Кроме того, им совсем не улыбалась перспектива вооружить и обучить тысячи молодых палестинских евреев. Кто знает, против кого в конце концов обернется это оружие! Сама идея дать ишуву "бесплатное" военное образование казалась британским властям чудовищной, и они очень подозрительно относились к требованиям евреев призвать их в армию. Кроме того, англичане понимали, что у евреев есть еще одна важная причина, побуждающая их стремиться в армию: в один прекрасный день еврей-

ские солдаты в британской военной форме смогут встретиться с европейскими евреями и помогут переправить в Палестину огромные количества иммигрантов. Наконец, англичане до сих пор помнили, сколько хлопот причинил им во время Первой мировой войны Еврейский легион

Еврейское Агентство сумело с большим искусством опровергнуть все эти доводы и обойти все препятствия, поставленные на пути евреев в армию. Когда англичане объявили, что евреи (из которых в первые недели войны зарегистрировалось в качестве военно-обязанных сто тридцать тысяч человек) могут быть призваны только на равных, паритетных началах с арабами, лидеры ишува заняли выжидательную позицию, ибо отлично знали, что у арабов отнюдь не чешутся руки принять участие в борьбе с нацизмом; и действительно, арабы не слишком спешили призываться в британскую армию, и принцип "равных начал" в конце концов не устоял перед напором событий на Ближнем Востоке: англичане забыли о "паритете", и евреи получили возможность идти добровольцами в армию более или менее свободно. Британские власти поначалу склонны были держать евреев подальше от боевых частей и использовали их в основном в качестве шоферов, в артиллерийско-технической службе, в тыловых частях и в медицинском корпусе. Соответственно, Еврейское Агентство стремилось успокоить разгоравшиеся страсти и объясняло снова и снова, что для ишува важнее всего — принять участие в войне с немцами, неважно где и в каком качестве. Самое главное, чтобы евреи воевали против Гитлера и чтобы люди видели, что евреи воюют. Моше Шарет, глава политического отдела Еврейского Агентства, одаренный человек, говоривший на нескольких языках, оказывал на англичан постоянный нажим, добиваясь создания Еврейской бригады, и в то же время объяснял ишуву, что моральный аспект самого существования еврейских частей в Британской армии (несмотря на то, что они назывались не "еврейскими", а "палестинскими" и

отношение к ним было как к "туземным") имеет огромное психологическое и политическое значение.

Потому-то, говорили выдающиеся деятели ишсува, было бы безрассудно и опрометчиво начать отбирать еврейскую молодежь в подпольные войска: этим ишсув замедлил бы поток еврейских добровольцев в Британскую армию и еще больше восстановил бы против себя Палестинское правительство; и вообще, в любом случае, если Британская армия будет все-таки вынуждена отступить с Ближнего Востока, что смогут сделать несколько сотен или даже тысяч евреев против военной мощи нацистов? Главный вклад ишсува в войну должен быть сделан в рамках военных усилий союзников.

Однако верховное командование Хаганы — Элияху Голлоб, Исраэль Галили, Шаул Авигур, Моше Снэ, Ицхак Садэ, Иоханан Ратнер и другие — думало не только о нынешнем дне, но и о том, что случится завтра; и оно с равной убежденностью доказывало сионистским лидерам свою правоту. Отнюдь не преуменьшая значения набора евреев в Британскую армию, оно не было согласно с тем, что все военные ресурсы ишсува следует сложить в одну корзинку, которая к тому же находится в весьма недружественных руках. Командование Хаганы вновь и вновь поднимало вопрос о том, что будет, если англичане потерпят поражение и вынуждены будут уйти из Палестины — а это было отнюдь не исключено; неужели же, если это случится, еврейские города и деревни в Палестине будут полностью оставлены на милость арабов и нацистов — под защитой всего лишь кучки недостаточно обученных и плохо вооруженных бойцов Хаганы?

Потенциал Хаганы перед лицом угрозы нацистского вторжения

И действительно, в 1941 году Хагана представляла собою отнюдь не вдохновляющее зрелище. Ее самые опытные инструкторы и сотни лучших бойцов вступи-

ли в Британскую армию. Обучение резерва проводилось большей частью по вечерам после работы, по выходным дням и по праздникам; это походило на нечто вроде увлечения в свободное время. "Профессиональных" солдат у Хаганы было всего несколько сотен: это были закаленные бойцы, посвящавшие военной службе все свое основное время, ветераны отрядов Фош и Ночных взводов; сейчас они ожидали, что скажет их командование, и ни для кого не было секретом, что если будет решено не создавать в Палестине полностью мобилизованную и должным образом обученную армию, эти люди тоже пойдут на британские призывные пункты, и тогда ишув может оказаться практически беззащитным перед лицом массированного, безжалостного объединенного немецко-арабского нашествия. В этот трудный час, говорили командиры Хаганы, ишуву нужны независимые, мобильные отряды особого назначения, подчиненные только Хагане и достаточно хорошо вооруженные, чтобы противостоять врагу в любой части страны.

Решение о создании Палмаха

Во время всех этих споров и обсуждений никто еще не говорил о будущей Еврейской армии на службе у Еврейского государства; никто даже не упоминал, что в создании такой армии и заключался истинный смысл требований Хаганы. И те, кто считал необходимым создать отряды особого назначения, и те, кто считал это бесполезным, были движимы одной и той же тревогой: их беспокоило будущее ишува, и они со страхом думали о возможности предстоящего вторжения гитлеровцев в Палестину. Речь шла уже не о борьбе за независимость, а о том, чтобы выжить. Однако принятое в Тель-Авиве 14 мая 1941 года решение о формировании Палмаха (сокращение от слов *Плугот Махац*, то есть "ударные роты") было, по сути дела, решающим шагом на пути к созданию Армии Оборона Израиля, которая родилась семь лет спустя. Это было смелое

решение, принятое смелыми людьми в преддверии времени, которое могло стать самым критическим в краткой истории ишува — и в сущности уже было (хотя мало кто об этом знал) самым страшным временем во всей долгой истории еврейского народа.

Перед Палмахом стояли две основные задачи: во-первых, защита ишува от арабских банд, которые в случае ухода англичан неизбежно взбунтуются и начнут терроризировать еврейские города и деревни, и, во-вторых, защита страны от вторжения держав Оси. Палмах должен был незамедлительно начать действовать, если только вспыхнут арабские бунты на местах, взять на себя защиту слабейших участков оборонных линий, дать ишуву время мобилизоваться для чрезвычайного положения и затем образовать сконцентрированные отряды особого назначения для ведения наступательных военных действий. Если немцы и итальянцы с помощью арабов прорвут британские линии обороны и вторгнутся в Палестину, Палмах должен был атаковать врага где только возможно, нарушать вражеские коммуникации, совершать диверсии, взрывать аэродромы и предоставить себя в распоряжение союзных войск, готовящихся покинуть страну. Следовательно, палмахников следовало обучать в первую очередь тактике ведения партизанской войны, умению атаковать небольшие воинские соединения, проведению операций саботажа и диверсий, а также всем видам разведки, для которой, по мнению командования Хаганы, ишув подходил как нельзя лучше. В соответствии с этим было создано особое командование: командиром Палмаха стал Ицхак Садэ, и было принято решение, что самым большим воинским формированием в новых отрядах будет рота. В самые сжатые сроки предстояло создать шесть таких рот.

Ицхак Садэ создает Палмах

Как всегда, не теряя ни минуты времени, Садэ с жаром принялся за дело. Еще не было вполне ясно, будет

ли Палмах мобилизован полностью или лишь частично, еще не были решены проблемы финансирования новых отрядов, а Садэ, не дожидаясь, пока будут утрясены все детали, развил бурную деятельность. Прежде всего он стал искать — и находил — подходящих парней и девушек. Отбор рекрутов, проводившийся, как и все, связанное с Палмахом, в глубокой тайне, был такой, что строже некуда. С будущими палмахниками сначала беседовали ротные командиры, которых отобрал сам Садэ. Никто не сулил бойцам никаких радужных перспектив: им говорили, что обучать их будут для службы в отрядах десантно-диверсионного типа и что этой службе они посвятят все свое время, не ожидая никаких наград. У палмахников не будет никакой формы, они будут довольствоваться лишь скудным минимумом карманных денег, и пусть они не ждут оваций восхищенной толпы, которые достались на долю вступивших в Британскую армию. Фактически палмахникам нечего ждать никакого вознаграждения, кроме морального удовлетворения от сознания, что они охраняют свою землю, защищают свой народ и готовы дать отпор врагу, если нацистское вторжение произойдет.

*Англичане начинают осознавать
возможности палестинских солдат*

Пока Ицхак Садэ и его ротные командиры занимались созданием Палмаха, ситуация на фронте ухудшилась. Англичане начали понимать, что если они не возьмут инициативу в свои руки и не предпримут решительного наступления, противник с легкостью проглотит весь Ближний Восток. Желая избежать длительной и открытой войны с правительством Виши, Великобритания решила быстро атаковать Сирию и Ливан. Для этого ей нужны были особые войска, способные легко пройти через северные границы Палестины, — войска, состоящие из людей, знакомых с местностью, говорящих на соответствующих языках и знающих,

как организовать саботаж и диверсии с суши и с моря. И тут у себя под боком англичане обнаружили Палмах с его опытными ветеранами отрядов Фош и пламенным командиром. И идея сотрудничества между Хаганой и Британской армией неожиданно показалась довольно привлекательной, и в Лондоне перед глазами англичан засиял свет, излучаемый единственным надежным маяком, освещавшим путь англичан на Ближнем Востоке, — ишувом.

Начались переговоры. К счастью, англичане не стали предлагать Палмаху сделаться частью Британской армии. Возник ряд трудностей и сомнений. Хотя все операции, которые намечалось провести против вишистов, должны были финансироваться англичанами, еврейские отряды особого назначения не были полностью готовы для "действительной службы": им ведь всего-то и было несколько месяцев от роду. Далее: если Палмах примет предложение англичан, рассуждали командиры Хаганы, не создаст ли это опасный прецедент, когда единственная, по сути дела, военная сила ишува подчинена — хотя бы даже и временно — британскому командованию? Кроме того, вставал еще и вопрос о секретности: для того, чтобы Палмах смог успешно выполнять свою миссию по защите ишува, он должен был оставаться тайной организацией. В этом вопросе англичане пошли навстречу Палмаху и согласились не требовать у палмахников ни их подлинных имен, ни адресов. Они согласились также, чтобы все личные расходы палмахников, связанные с предстоящими операциями против Сирии и Ливана, оплачивались через Еврейское Агентство.

В конце концов желание принять участие в обороне страны одержало верх над соображениями осторожности, и Хагана приняла британское предложение. Сделать это было тем легче, что сотрудничать Хагане предстояло с Британской армией, а не с Палестинским правительством или ненавистой Палестинской полицией.

Первая миссия Палмаха на службе у англичан

Самая молодая и наименее известная из всех союзных сил, воевавших с гитлеровской Германией, впервые приняла участие в военных действиях летом 1941 года; в первой операции участвовало всего сто палмахников. Для выполнения задания была сформирована группа бойцов, говоривших по-арабски: им было поручено перейти палестинско-сирийскую границу, проникнуть в несколько городов Сирии и Ливана и там оказывать помощь "Свободной Франции"* в психологической войне, которая велась с целью привлечь симпатии населения к делу союзников и подготовить общественное мнение к предстоящему захвату Сирии войсками "Свободной Франции". Одновременно были разработаны планы ряда диверсионных операций, которые намечалось приурочить ко времени наступления союзников на Сирию и Ливан. Из числа наиболее опытных и способных бойцов Палмаха были отобраны двадцать три человека, получившие особое задание: продумать и осуществить план совершения диверсии на нефтеочистительном заводе в ливанском городе Триполи — этот завод производил бензин, которым заправлялись самолеты немецкой и вишистской авиации. Цель диверсии заключалась не только в том, чтобы вывести из строя нефтеочистительные сооружения, но и в том, чтобы послужить предостережением державам Оси.

Гибель "двадцати трех"

Однако операция потерпела неудачу. Моторный характер с двадцатью тремя палмахниками и британским

* "Свободная Франция" — французская освободительная армия, созданная в 1940 году в Англии генералом Шарлем де Голлем и состоявшая из патриотически настроенных французов, которые не примирились с поражением Франции и отказались подчиниться правительству Виши. Войска "Свободной Франции" сражались во время Второй мировой войны на различных театрах военных действий, в том числе и на Ближнем Востоке.

офицером связи так и не достиг Триполи, и все двадцать четыре человека пропали без вести. За один день Палмах лишился лучших своих солдат. Позднее Ицхак Садэ, говоря о потере своих "мальчиков", писал: "Если бы операция удалась, она доказала бы редкую боеспособность наших бойцов, их талант и мужество, а также эффективность наших небольших отрядов. Но коль скоро рейд закончился так, как он закончился, нам нужно было найти другие возможности, чтобы доказать, что мы чего-то стоим; и таких возможностей было сколько угодно. За несколько недель мы разработали и представили на рассмотрение англичан несколько планов подобных операций".

Список, который Садэ вручил англичанам, был длинным и оказался полезным. Верховное командование Хаганы предложило ряд самых разнообразных операций, от сбора разведывательных сведений о стратегических пунктах в Ливане и Сирии до диверсионных актов, таких, как разрушение коммуникаций и транспортных магистралей, перерезание телефонных линий, взрывы мостов и так далее. Кроме того, Хагана обязалась предоставить в распоряжение англичан еврейские передовые патрули, способные разведать дороги, по которым союзные войска смогут двигаться быстро и застать противника в Сирии и в Ливане врасплох. Англичане с радостью ухватились за идеи Садэ, и за неделю до развертывания конкретных операций палмахники начали обследовать границу, по ночам проникая в Сирию и Ливан и время от времени пользуясь услугами некоторых дружественно настроенных арабов или друзей, хорошо знавших местность. Военные действия начались 8 июня; в них приняли участие смешанные взводы: одни состояли из палестинских евреев и австралийцев, другие — целиком из евреев.

Палмах в бою вместе с Британской армией

Как и предсказывал Ицхак Садэ, отряды, сформированные Хаганой, быстро доказали, что они чего-то

стоят. Палмахники оказались отличными разведчиками, хладнокровными и изобретательными диверсантами и хорошими солдатами, умеющими вести ночной бой. Все, что они усвоили в ноддедет и в отрядах Фош, все, чему они выучились на курсах Уингейта в Эйн-Хароде, весь опыт, накопленный с таким трудом за последние пять лет, — все это им теперь пригодилось. Австралийцы были поражены и не скрывали своего восхищения. Садэ, окрыленный успехом, настаивал, чтобы верховное командование Хаганы обеспечило Палмах собственными учебными лагерями, где можно было бы продолжать военные учения. Пока Ближнему Востоку грозит опасность, доказывал он, Палмах будет нужен англичанам, и, следовательно, можно будет надеяться, что евреям дадут и в дальнейшем участвовать в военных действиях. Летом 1941 года были созданы две базы Палмаха: одна — в эвкалиптовой роще в киббуце Гинносар, на берегу Тивериадского озера (Киннерет), другая — в лесной чаще около киббуца Бет-Орен на западном склоне горы Кармел. Лагерями они, правда, только назывались; Хагана не сумела обеспечить бойцов даже палатками, и они спали на соломенных матрацах прямо под деревьями. Там не было ничего, что обычно характеризует жизнь военного лагеря: ни поваров, ни связных, ни квартирмейстеров. Несмотря на нехватку фондов и отсутствие элементарных удобств, Садэ намеревался вернуть палмахников в условия подполья, напомнить им, что они — еврейская армия, и держать их подальше от тесного соприкосновения с регулярными войсками, которое, по его мнению, могло оказать на его бойцов деморализующее влияние. Однако Сирия и Ливан были теперь под властью союзников, и руководство ишува, которое всегда недолюбливало Палмах, решило пересмотреть его статус. Была проведена еще одна пропагандистская кампания за вступление в Британскую армию. Лагерь Палмаха, если бы они стали постоянными, грозили влететь в копеечку, а денег у ишува было в обрез. Более консервативное крыло руководства ишу-

ва одержало верх, и Палмах был поставлен в известность, что его лагеря будут ликвидированы, а члены Палмаха должны разойтись по домам и ожидать дальнейших распоряжений.

Роспуск Палмаха англичанами

Разочарованные, озадаченные и обиженные, палмахники неохотно подчинились приказу. Садэ пытался их ободрить. Он уверял их, что военные учения будут продолжаться, пусть хоть несколько раз в месяц. В конце концов было найдено компромиссное решение: оставить роты Палмаха частично мобилизованными с лета 1941 до лета 1942 года. Шесть дней в месяц члены Палмаха должны будут являться на службу, тренироваться в стрельбе и ходить в учебные походы. Это, конечно, было всего лишь жалкое подобие тех постоянно мобилизованных и связанных строгой дисциплиной отрядов особого назначения, о которых мечтал Садэ; но он делал все возможное, чтобы сплотить своих бойцов и, как бы неблагоприятно ни складывались обстоятельства, поддерживать в них чувство единства и товарищества.

Державы Оси продолжают продвигаться на восток

В начале 1942 года счастье изменило союзникам на Ближнем Востоке. Войска держав Оси предприняли дальнейшее наступление в Западной пустыне. Пали Крит и Греция. На случай, если положение станет еще хуже, британские штабисты подготовили план отступления из Египта, Палестины, Сирии, Ливана и Ирака — то есть, чуть ли ни до индийской границы.

Англичане снова обращаются за помощью к Палмаху

И снова Британский генеральный штаб, оценивая ситуацию в Палестине и ища в ней союзников, вспом-

нил о Хагане. Уж если уход из Палестины станет неизбежным, то, по крайней мере, на Хагану можно было определенно рассчитывать: на Ближнем Востоке только она могла бы задержать немцев и итальянцев, пока союзники соберут силы, чтобы снова овладеть этим районом. Как бы долго ни продолжался этот период временного отступления, уж ишув-то явно не станет сотрудничать с нацистами, а нацисты явно не создадут в Палестине марионеточное правительство с участием евреев. Англичане знали, что палмахники — это опытные, преданные и надежные бойцы, и были уверены, что на Палмах можно полностью положиться в деле проведения комплексного шпионажа и диверсионных актов против любых оккупантов.

Не упоминая о политической ситуации и о судах с беженцами, за которыми все еще охотилась британская береговая охрана, не давая никаких обещаний на будущее, англичане сделали Хагане второе предложение: они обязались оплатить за счет Британской армии интенсивную подготовку трехсот членов Палмаха в качестве разведчиков, диверсантов и подрывников. Поскольку члены Палмаха обязались служить, не получая жалованья, то денег, отпущенных англичанами на содержание и обучение трехсот палмахников, Хагане вполне могло хватить на то, чтобы содержать и обучить вдвое больше людей, — что она и сделала (хотя британское командование, разумеется, об этом ничего не знало). Предложение англичан было немедленно принято, и в июне 1942 года в лагере Палмаха, находившемся в лесу около киббуца Мишмар-Хазмек в Изреельской долине, всюду развернулись занятия по технике саботажа и диверсий. Большинство старших инструкторов были старые, опытные командиры, и к ним было прикомандировано несколько английских офицеров — частью в качестве связных, частью в качестве преподавателей более сложных дисциплин, требующих специальных знаний. Помимо лагеря в киббуце Мишмар-Хазмек, в Хайфе на улице Масады была снята большая квартира, где разместился штаб Палмаха. Обучение в

лагере Мишмар-Хазмек велось в соответствии с главным принципом военной доктрины Палмаха, который был нерасторжим с прошлым Палмаха, а в будущем должен был стать одной из основ теории Армии Обороны Израиля. "Мы должны научиться сражаться не тем оружием, которое было бы теоретически желательно, а тем, которое у нас есть", — говорил Ицхак Садэ своим бойцам. И он добивался того, чтобы каждый из них был на все руки мастер. Они учились совершать диверсионные акты как небольшими группами, так и в одиночку; они изучали топографию, ориентирование на местности, искусство военной разведки; они учились пользоваться картами и становились специалистами в области подрывной техники; они проводили практические занятия по быстрым диверсионным рейдам с последующим отходом и учились действовать с равным успехом и днем, и ночью.

В лагере Мишмар-Хазмек были сформированы три специальные группы бойцов, объединенных по языковому принципу. Одна из этих групп состояла из евреев, говоривших по-арабски: ей надлежало проводить операции в тех районах Палестины и соседних областей, где жили арабы. В отличие от сил сопротивления в других странах, Хагана знала, что она не может рассчитывать на поддержку в целом дружественного и тайно сочувствующего ей местного населения, и поэтому для этой арабоязычной группы были разработаны планы скрытого проникновения в арабскую среду в Палестине, где члены группы, выдавая себя за арабов, вели бы агентурную деятельность в пользу союзников. Второй "языковой" группой был "немецкий взвод", состоявший из австрийских и немецких евреев. Они свободно говорили по-немецки, в том числе на различных германских и австрийских диалектах, умели обращаться с немецким вооружением, хорошо знали немецкий фольклор, музыку, литературу, жаргон; перед ними ставилась задача действовать в качестве "немцев" за пределами Палестины, если союзники вынуждены будут уйти; и были даже планы использования их в

Западной пустыне. Третьей группой был особый взвод евреев — выходцев из балканских стран. Но главное внимание уделялось, разумеется, самой Палестине: ее автострадам и проселочным дорогам, холмам и долинам, горам, лесам и руслам пересохших рек (*вади*) — все это можно было использовать как места укрытия или плацдармы для атак. Короче говоря, палестинские евреи — юноши и девушки, служившие в Палмахе, — готовились встретить нацистских захватчиков на своей земле и удержать эту землю, чего бы это ни стоило.

Палмахники прослушали также ряд дополнительных курсов по использованию отобранного у врага оружия. Партизанскую войну против нацистов предстояло вести в условиях отсутствия регулярного или, может быть, хоть сколько-нибудь достаточного снабжения оружием и боеприпасами. Палмахники научились стрелять буквально из чего Бог пошлет. Тщательно изучалось английское, канадское, турецкое, французское, польское, греческое, немецкое, итальянское оружие, вплоть до оружия, которое могло бы оказаться в руках у нерегулярных арабских сил. Не забыли бойцы освоить и "холодное" оружие — ножи, дубинки, даже собственные кулаки. И, наконец, палмахники готовились — морально и физически — переносить пытки и длительные допросы, которые, несомненно, должны были предшествовать пыткам и следовать за ними.

План "Кармел"

Именно во время этого широко не афишируемого, но трезвого ожидания возможного нацистского нашествия, во время которого палмахники готовы были стоять насмерть, до последнего вздоха, штаб Палмаха с одобрения верховного командования Хаганы разработал один из наиболее впечатляющих планов встречи немцев — план "Кармел". Во многих отношениях этот план сейчас представляется нам даже более значительным, чем казалось в те годы. Для командиров Палмаха, особенно для Ицхака Садэ и профессора Иоханана

Ратнера из Хайфского Техниона (Технологического института), создавших этот план, он представлял собою всего лишь логический — и, возможно, единственно возможный — способ предотвратить массовое истребление ишува либо нацистами, либо их арабскими приспешниками, либо теми и другими вместе, — истребление, которое иначе могло оказаться неотвратимым.

По сути своей, как это ни странно, план "Кармел" предусматривал создание как раз таких условий, которые позднее возникли в Тобруке и в Севастополе и помогли их защитникам выстоять и продержаться в кольце осады до тех пор, пока колесо войны не повернулось в другую сторону и враг был разгромлен около их аванпостов. Ключом к плану "Кармел" была карта Палестины: территория "большой Хайфы" — вокруг горы Кармел и ее подножий, вплоть до западной Галилеи и долины Звулун — достаточно велика, плодородна и хорошо защищена; ее трудно атаковать и легко оборонять, и ее легко снабжать с моря. В этот гористый тридцатидевятимильный район Хагана предполагала в случае немецкого нашествия переселить все еврейское население Палестины, которое должно было там жить месяцы или даже годы, пока будет продолжаться немецкая оккупация; там оно должно было окопаться и сопротивляться, находясь в кольце блокады. Этот план, подобно предварительному плану сопротивления, разработанному прежде Хаганой, учитывал мельчайшие детали. Управление районом, в котором жило бы несколько сот тысяч человек, должно было осуществляться еврейской военной администрацией. Снабжение населения предполагалось осуществлять при помощи авиации и подводных лодок, а также за счет собственных сельскохозяйственных ресурсов района. В оборонительных боях Хагана предполагала использовать брошенные отступающими союзными войсками арсеналы. Предполагалось даже обеспечить ишув, сконцентрированный в этом районе, больницами, школами и культурными учреждениями, а также создать

там кое-какую мелкую промышленность и мастерские. По расчетам Садэ и Ратнера, хорошо организованное и высокосоциальное население могло в таких условиях пережить оккупацию, а может быть, даже дать отпор захватчикам. "Топографические условия и воля к жизни — на стороне ишув", — сказал Ицхак Садэ.

Однако "Кармел" был не просто планом спасения ишув от гибели, он преследовал гораздо более широкие задачи. Его авторы продумали, как превратить окруженную врагом зону в мощную огневую позицию, с которой противника можно еще и атаковать. И в плане предусматривалось создание баз для ночных рейдов в тыл врага, для нарушения и разрушения неприятельских коммуникационных линий и путей снабжения. Авторы плана также надеялись, что позднее, когда начнется контрнаступление союзников на Палестину, кармельскую твердыню можно будет использовать в качестве плацдарма для высадки союзных войск.

Вряд ли англичане, которые незамедлительно одобрили план "Кармел", знали хоть что-нибудь об истории Масады, которую евреи защищали на Святой земле две тысячи лет тому назад. Однако Хагана усматривала здесь прямую аналогию: в Масаде, крепости в Иудейской пустыне, девятьсот шестьдесят евреев три года выдерживали осаду 10-го легиона римлян. Когда римляне все-таки прорвали оборону евреев, защитники Масады покончили с собой, чтобы не попасть живыми в руки врагов. Сагу о Масаде знал в Палестине любой еврей, а палмахники — в особенности. Регулярные походы в Масаду были обязательным пунктом программы подготовки палмахников, которые наизусть знали краткую, мужественную, гордую речь, произнесенную вождем защитников крепости Элиэзером Бен-Яиrom в 73 году нашей эры перед падением крепости, и ставшую его завещанием потомкам.

Поэтому ишув полностью осознал историческую связь между Масадой и планом "Кармел". Этот план, подобно обороне Масады, был, возможно, единственным способом спасти от уничтожения хотя бы часть

населения еврейского национального очага, обеспечить какую-то национальную преемственность, или же, если не будет другого выхода, дать возможность евреям умереть с достоинством и не напрасно.

*Гитлеровская лавина отброшена
назад под Ал-Аламейном**

План "Кармел" так и не пришлось осуществлять. Под Ал-Аламейном немецкая военная армада была разгромлена и обращена в бегство, и угроза нацистского завоевания Палестины миновала. Однако разработка плана "Кармел", подобно злосчастному триполийскому десанту "двадцати трех", отнюдь не была бесполезной тратой времени и сил: она обогатила военное мышление Хаганы, расширило ее военные концепции. Сама необходимость изучать структуру, стратегию и тактику германской армии позволила Хаганае лучше понять, что представляет собою регулярная армия европейского государства, в чем ее сила и слабость, и это открыло новые возможности для ведения партизанской войны. По мере того как становилось все яснее, что уходить из Палестины англичанам не придется, британские военные, что вполне естественно, выказывали все меньше и меньше интереса к своим партнерам, и в ишуве снова вспыхнули старые дебаты о том, что важнее: бороться за увеличение числа евреев, надевающих британскую форму, или же усиление и рост еврейских вооруженных сил.

*Различия в методах обучения,
применяемых Британской армией и Палмахом*

Спор этот отнюдь не был чисто теоретическим словопроением; за ним крылись различные, порой диаметрально

* Ал-Аламейн — город в Египте, на берегу Средиземного моря, в 112 километрах к западу от Александрии. Здесь 1–2 ноября 1942 года британские войска под командованием фельд-

рально противоположные военные методы. Обучение пехоты в Британской армии велось методично и по единой, принятой для всех схеме, тогда как Палмах подчеркивал значение индивидуальных способностей и коллективной гибкости. Если британские инструкторы утверждали, что неприятельские позиции проще всего подавить мощным артиллерийским заградительным огнем или же воздушным налетом, то Палмах, у которого не было ни той, ни другой возможности, рассчитывал на ночную темноту и на использование взрывчатки. Там, где британские специалисты по военной тактике делали ставку на формальное и жесткое распределение воинских частей со специализированными функциями (пехота, артиллерия, саперы и так далее), Палмах рассматривал себя как единую многоцелевую силу. Командиры отделений Палмаха получали не сержантскую, а офицерскую подготовку, их учили самостоятельно принимать решения; каждый солдат вместе со своим оружием рассматривался как самостоятельная единица вооруженных сил. Теоретики Палмаха выступали за использование необычных и неожиданных тактических приемов, и палмахников учили быть в любую минуту готовыми к неожиданностям со стороны противника.

Гибкость в тактике Палмаха

Основным принципом военной подготовки Палмаха была активная оборона, то есть инициатива и упреждающий удар, будь то днем или ночью. Палмахников учили, что они должны мыслить и действовать с максимальной гибкостью и принимать во внимание особенности момента, разворачивать операцию или затаиваться и ждать, в зависимости от необходимости. Наконец, Палмах создавался как ударная сила особого назначе-

маршала сэра Бернарда Лоу Монтгомери одержали решающую победу над немецкой армией фельдмаршала Эрвина Эугена Роммеля.

ния, состоящая из различных элементов, каждый из которых — и все вместе взятые — следовало использовать в зависимости от ситуации.

С течением времени в Палмахе в качестве основной тактической единицы был введен батальон. Офицеры Палмаха учились исходить из возможностей батальона, то есть четырех рот под общим командованием батальонного командира. Пожалуй, еще никогда в истории ни одно подпольное движение не достигало такой высокой степени профессионализма — и это доказывало, что молодая еврейская армия еще более приблизилась к поре своей зрелости.

В начале 1943 года в воздухе уже пахло победой союзников, и непрочный союз между Британской армией и палестинскими евреями начал давать трещины. Были ликвидированы лагеря в Мишмар-Хазмеке и на Кармеле. Англичане стали оказывать на евреев нажим, требуя подлинные имена и адреса тех людей, которых в тревожные дни они охотно согласились обучать, зная лишь их военные псевдонимы. "Немецкий взвод" и "арабский взвод" больше не были нужны. Сотрудничество окончательно сменилось явной враждебностью, когда Британская армия открыто продемонстрировала свое недружелюбие, реквизировав у Хаганы ее оружие, которым англичане и евреи совместно владели в Мишмар-Хазмеке и которое англичане брали "напрокат" за символическую плату. Теперь это оружие было конфисковано — на том формальном основании, что англичане за него заплатили. Хагана возражала, что оружие было предоставлено англичанам лишь во временное пользование, но англичане стояли на своем. Палмахники, не веря своим глазам, смотрели как английские солдаты сложили их драгоценное оружие на грузовики и укатали вместе с ним. Однако через несколько суток, ночью, оружие вновь сменило своих хозяев: палмахники проникли в британский арсенал, куда было свезено взятое у Хаганы оружие, забрали его назад и скрылись, даже не потревожив английских часовых. Разрыв отношений был полный и окончательный.

Долгие месяцы совместной работы и учений почти не смягчили подозрительности и неприязненности англичан: они снова стали относиться к Хагане вообще и Палмаху в частности чуть ли не как к врагам. Ицхак Садэ, обращаясь к палмахникам, разъяснил, что их ждет впереди: "Победа союзников, — сказал он, — будет нашей победой, победой над самым страшным нашим врагом. Но это будет еще не окончательная победа. Окончательно мы победим только тогда, когда выиграем борьбу за национальное освобождение — борьбу, которая может начаться после окончания этой мировой войны".

К 1943 году Палмах насчитывал более тысячи бойцов. Двадцать две тысячи евреев служили в разных частях Британской армии, и сейчас к ним стали прибавляться новые добровольцы, многие из них — члены Палмаха, которым не терпелось принять участие в боях. Казалось, Палмаху пришел конец, если только не будет найден способ получить хоть какую-то финансовую поддержку. Командиры Хаганы — Элияху Голomb, Шаул Авигур, Исраэль Галили, Моше Снэ (будущий главнокомандующий) и начальник генерального штаба Яков Дори — ломали голову и обшаривали свои карманы в поисках денег. Положение спас Ицхак Табенкин, один из руководителей Второй алии, основатель Эйн-Харода и один из духовных вождей киббуцного движения. Он и раньше нередко приходил на выручку, и теперь ему в голову пришла идея, которая спасла Палмах от роспуска.

Палмахники — фермеры и солдаты

Табенкин предложил: пусть Палмах сам заработает себе на жизнь. Если его члены согласятся поработать в сельском хозяйстве "на полставки", можно, в свою очередь, убедить киббуцы обеспечить им жилье, пропитание и, что не менее важно, тайное убежище. Если каждый киббуц примет один-два взвода палмахников и предоставит им питание и кров как плату за работу по

четырнадцать дней в месяц, то оставшиеся шестнадцать дней можно будет использовать для военной подготовки. Это предложение отнюдь не привело палмахников в бурный восторг. Они уже раз пошли добровольцами на тайную военную службу; неужели же сионистское руководство так мало их ценит, спрашивали они, что Палмах должен еще и сам себя содержать? Те, кому было трудно проглотить эту пилюлю, ушли из Палмаха и записались добровольцами в Британскую армию. Однако большинство все же остались. Они высказывали недовольство, но, коль скоро другого выхода не было, они готовы были одновременно взяться и за мечи и за орала. И в конце концов именно в киббуцах они нашли то отношение к жизни, те идеалы, которые соответствовали их устремлениям, и эти идеалы глубоко укоренились в традициях Палмаха.

Если другие подпольные армии — например, партизаны маршала Тито или французские "маки"* — прятались в лесах и зарослях кустарников, то для палмахников "лесами" стали киббуцы. Палмахники выглядели, одевались и полмесяца действительно работали как полноправные члены кооперативного поселения; вместо казарм, где обычно размещаются солдаты регулярных армий, они проводили свободное от военной службы время в конюшнях, коровниках и фруктовых садах. Для членов Палмаха стало делом чести браться в киббуцах за самую тяжелую, неблагодарную и неприятную работу. Там и сям возникали споры о порядке рабочих смен; то и дело измученный палмахник выходил из себя от отчаяния, не в силах совладать с сорняками на свекольном поле или с упрямой коровой. Однако концепция солдата-фермера и гражданина-воина укоренилась и дала свои плоды. Подобно тому, как где-ни-

* Маки — кустарник на Корсике и на юге Франции. Во время Второй мировой войны так стали называть французских партизан, создавших подпольную Французскую Внутреннюю армию, которая принимала участие в освобождении Франции от немцев.

будь в Тель-Авиве или Хайфе конторский служащий, услышав призыв, немедленно становился бойцом Хаганы, а школьного учителя телефонный звонок превращал в подпольного радиста, так и палмахники привыкли к тому, что в их беспокойной стране они должны выполнять двойственную роль. Такие качества, как функциональный подход к военной службе, лишенный всякого стремления к какому бы то ни было лоску и молодечеству, и способность с одинаковым рвением и работать, и сражаться были непосредственно унаследованы от Палмаха Армией Обороны Израиля.

Вокруг костра

В киббуцах палмахники выработали свой особый образ жизни и приобрели острое чувство товарищества. Палмаховские вечера (*кумзиц*) вокруг костра — с неизменным арабским медным кофейником (*финджан*), передаваемым из рук в руки, — вошли в традицию. Точно так же вошли в жизнь и быт Палмаха песни, сочиненные для Палмаха и о его делах его же собственными трубадурами; эти песни часто пелись всю ночь до зари. Палмахники — люди в вылинявшей рваной одежде и старой обуви, никому не известные и без гроша в кармане — давали пищу для удивительных легенд. Само слово "палмахник" приобрело особое значение: оно стало обозначать члена некоей добровольной элиты, целиком посвятившего себя общему делу, мужчину или женщину, связанных со своей землей и способных ее защищать. В 1947—1948 годах, во время войны Израиля за независимость, Палмах делом подтвердил, что для возникновения этих легенд было достаточно оснований.

Девушки в Палмахе

С самого зарождения Палмаха в него принимали на действительную службу девушек. Вначале они проходили ту же боевую подготовку, что и мужчины, и за-

канчивали те же курсы. Однако верховное командование и Палмаха, и Хаганы беспокоилось о возможных последствиях в результате такой интенсивной боевой подготовки. Девушки же, со своей стороны, и слушать не хотели о какой бы то ни было "дискриминации", доказывая, что это противоречит самому духу нового общества, которое строится в Палестине, и что возмутительно было бы ограничить обязанности женщин домом и огородом — тем более теперь, когда они показали себя отличными стрелками и саперами. В конце концов более мудрый и осторожный подход одержал верх: девушки продолжали проходить боевую подготовку, но их выделили в особые подразделения, чтобы им не приходилось соревноваться с мужчинами физически. По мере возможности их обучали только для ведения обороны; "солдатки" Палмаха служили радистками, медсестрами на передовых линиях, разведчицами, интендантами и так далее, — хотя многие из них сражались и погибали на поле битвы.

То, что в боевых отрядах были женщины, смягчало и облегчало суровость военной жизни; это подтверждало концепцию Палмаха как вооруженных сил, свободных от солдафонства, и не давало мужчинам ожесточиться и огрубеть, как нередко бывает с солдатами-мужчинами, вынужденными в течение долгих месяцев общаться только друг с другом. Мобилизация дочерей, сестер, невест и часто жен бойцов превращало Палмах в подлинно народную армию. Когда в 1948 году была создана Армия Обороны Израиля, девушки стали призываться и в нее — и призываются по сей день. В этом отношении Палмах также послужил предтечей будущей израильской армии.

Когда положение стабилизировалось после расквартирования, Палмах стал сознательно готовиться к тому дню, когда, как предсказывал Садэ и другие руководители Хаганы, ему предстоит стать армией национального освобождения и бороться с оружием в руках за дело сионизма. Как только закончится Вторая мировая война, должна была начаться широкомасштабная ре-

патриация в Израиль евреев из Европы; хотя, конечно, можно зафрахтовать иностранные суда и нанять иностранных моряков, но основным принципом Палмаха всегда было полагаться прежде всего на себя. Когда настанет пора переправлять в Палестину евреев, выживших в нацистских концлагерях — а в 1943 году никто и предполагать не мог, как мало будет таких евреев, — ишуву понадобятся свои морские капитаны, мичманы, матросы и инженерно-технический персонал. В предвидении этого Хагана организовала в 1942 году курс морских офицеров, и каждый палмахник получил элементарную подготовку морского десантника.

Морские отряды (Палъям)

Будущие моряки Палъяма (сокращение от Палмах ям, то есть "морской Палмах") должны были прослушать четыре основных курса: по морским диверсиям, морским перевозкам, технике морского десанта и военным действиям на небольших судах. Позже, когда настанет время (в 1943 году оно было уже не за горами), палъямникам вместе с сотнями палестинцев, служивших в Британской армии и флоте и в других союзных вооруженных силах, выпадет на долю сыграть решающую роль в вызволении тысяч евреев из лагерей перемещенных лиц послевоенной Европы.

Воздушные отряды (Палавир — от Палмах авир)

Еще одним новым, незнакомым для Палмаха делом были первые попытки создать свою авиацию и подготовить кадры летчиков, хотя поначалу и в очень скромных масштабах. Летом 1943 года верховное командование Хаганы одобрило план обучения планеристов и пилотов небольших самолетов. Воздухоплавательные средства, которыми пользовался Палавир ("воздушный Палмах"), представляли собою самое жалкое зрелище: несколько допотопных планеров да пара-другая ничуть не более новых крошечных самолетиков. Не

говоря уже о более чем мизерных финансовых ресурсах Палмаха, обучению мешало еще и то, что Палестинское правительство держало все палестинские аэродромы под строжайшим контролем. Пришлось соображаться с такими скудными возможностями. Курсы Палавира существовали под вывеской любительского аэроклуба, на создание которого власти дали разрешение. Члены "клуба" занимались, впрочем, довольно серьезными делами: молодых пилотов учили искусству военной разведки, аэрофотосъемке, аэронавигации, они проходили математику, физику, осваивали использование авиации для поражения наземных целей в бою. Поскольку едва ли можно было предположить, что этому доморощенному воздушному флоту, находившемуся тогда еще в зачаточном состоянии, придется сражаться с британскими Королевскими военно-воздушными силами, пока что законспирированные пилоты и штурманы Палавира утешали себя мыслью, что, как ни примитивны их планеры и боевые самолеты, силы арабов, с которыми им, возможно, придется когда-нибудь столкнуться, не менее примитивны. Горсточка будущих летчиков училась в основном по выходным дням и праздникам. Но именно этим отнюдь не молодецатым и иной раз даже нелепо выглядевшим парням предстояло стать создателями воздушного флота, который двадцать пять лет спустя завоюет славу одного из самых боеспособных в мире.

Несмотря на то, что Палмах занимался всеми этими разнообразными видами военной подготовки, были в его рядах и такие, кто с завистью глядел на своих друзей и родственников, облаченных в ладную британскую военную форму, и не мог дожидаться, когда и им, наконец, доведется открыто взять в руки оружие. Время от времени тот или иной палмахник, взбунтовавшись против удручающего сочетания неизвестности и сельскохозяйственного труда, "дезертировал" на ближайший армейский призывной пункт. Тем не менее в течение 1943 и 1944 годов общая численность личного состава Палмаха непрерывно росла.

Пожалуй, наиболее значительной и определенно самой яркой страницей истории Палмаха во время Второй мировой войны стала подготовка и отправка палмаховских парашютистов в неприятельский тыл на Балканы и в северную Италию. История этих парашютистов, подобно истории обороны Тель-Хая, вошла в современный израильский фольклор: эта сага о героических, хотя и не имевших успеха попытках, вдохновляла и вселяла мужество в тысячи людей, и именно поэтому с течением времени эпопея палестинских парашютистов стала вдохновляющим рассказом о торжестве человеческого духа, преодолевшего казалось бы непреодолимые препятствия.

Возможности еврейского сопротивления в Европе

Хотя подробности и размеры катастрофы, постигшей евреев в оккупированной нацистами Европе все еще были неизвестны, ее контуры уже начали вырисовываться. Руководство ишсува и в особенности командиры Хаганы — прежде всего Элияху Голомб — были убеждены, что европейских евреев следует сплотить и подготовить к самообороне. Еврейское партизанское движение, если его правильно организовать и умело вести, могло бы сковать какую-то, пусть даже незначительную, часть германских войск на несколько дней или даже недель, что принесло бы войскам Оси серьезный урон. Насколько были правы Голомб и его единомышленники, было неоспоримо доказано позже, через несколько лет, когда появились первые сведения о повстанцах Варшавского гетто, которые запаслись оружием, закрыли ворота гетто и тридцать шесть дней сражались против гитлеровской пехоты и артиллерии. Разумеется, гетто было стерто с лица земли и почти все его защитники погибли, но в течение более чем девяти сот часов множество немецких танков и самолетов не имело возможности принять участие в военных действиях на фронтах.

*Еврейское Агентство пытается найти
способы помочь европейским евреям*

Политический отдел Еврейского Агентства буквально засыпал союзное командование предложениями, суть которых сводилась к тому, чтобы связаться с европейскими евреями, вооружить их, обучить технике саботажа и диверсий и помочь им выбраться из нацистского ада.

”Мы знали, — говорил позднее Элияху Голомб членам Палмаха, — что если бы нам удалось проникнуть на вражескую территорию и послать наших ребят в Центральную Европу, они собрали бы вокруг себя еврейскую молодежь, особенно молодых сионистов, и сформировали бы из них воинские подразделения. Мы были уверены, что сумеем создать воинские отряды из евреев, которые смогут сражаться с нацистами и которые, что бы их ни ожидало, сочтут честью умереть на поле боя”.

Британскому командованию были представлены самые разнообразные планы, начиная от заброски в Польшу воздушного десанта, который доставил бы оружие в гетто польских городов, и кончая снабжением европейских евреев оружием с подводных лодок. Все планы были тщательнейшим образом продуманы и детализированы, и эти яркие и смелые предложения вызвали интерес и получили высокую оценку ряда отделов британской разведки. Одним из наиболее ревностных сторонников сотрудничества с Хаганой был Орд Чарльз Уингейт, который с самого начала, что очень вязалось с его характером, был убежден, что Вторая мировая война закончится у Армагеддона*, в соответствии с библейским пророчеством. Уингейт видел себя вождем еврейского воинства, которое выйдет на смертный бой с врагом в Палестине и одолеет

* Армагеддон — согласно Библии, последнее и решающее сражение между силами добра и зла, которое должно произойти в долине Мегиддонской, около древнего города Мегиддо в Изреельской долине (Захария 12:11).

его в обдуваемой ветрами долине Мегиддонской, древнем Армагеддоне. Однако после победы под Ал-Аламейном Уингейт изменил свое мнение. "Тогда он был готов вести евреев против немцев в Европе, — писал Голомб. — Он обсуждал эту идею с высшими офицерами британских и американских вооруженных сил и сообщил нам, что, по его мнению, переговоры должны увенчаться успехом". Но Уингейт, увы, ошибся: люди, от которых зависело решение вопроса, отвергли его предложение.

Палестинские парашютисты в тылу врага

Англичане долго препятствовали осуществлению проекта заброски еврейских парашютистов в Европу: они считали это слишком дорогим и не сулящим большого успеха делом. Снова и снова перед ними возникал жупел будущих послевоенных еврейских претензий, и они методически отклоняли один план за другим.

Однако к лету 1943 года возникла острая необходимость в надежных людях, способных совершать диверсионные акты на Балканах и в северной Италии и осуществлять связь с местными партизанскими соединениями. И английское командование, скрепя сердце, уступило давлению Еврейского Агентства. Однако, оставив в неприкосновенности основной смысл планов Хаганы, они изменили пропорции. Хагана предлагала забросить в тыл врага несколько сотен парашютистов. Англичане в 1943 году в конце концов согласились, чтобы обучение технике воздушного десанта на вражескую территорию прошли тридцать два палестинских еврея — из общего числа в двести пятьдесят добровольцев; среди этих тридцати двух человек, в основном членов Палмаха, были три девушки.

Операция заброски парашютистов преследовала несколько целей: во-первых, организовать побег союзных военнопленных — в большинстве своем захваченных немцами сбитых летчиков; во-вторых, провести

ряд диверсионных актов; в-третьих, наладить связь с партизанским движением. Помимо этого, парашютистам (а для них это была, пожалуй, самая важная часть боевого задания) было разрешено связаться с еврейским подпольем, чтобы постараться организовать евреев на последнюю отчаянную попытку вырваться из тех балканских стран, которые были еще не полностью под нацистским сапогом, или помочь им уйти в леса. Малочисленные и слишком поздно посланные, чтобы успеть сделать достаточно много, палестинские парашютисты, тем не менее, проникли в Европу. Посланцы ишува, они ободрили тех, кто за эти годы уже впал в полное отчаяние. Самим своим присутствием в центре оккупированного, отрезанного от мира континента парашютисты показали, что им дорога судьба европейских евреев — дорога настолько, что они ради этого бросили свои дома и фермы и шагнули в ночь. Хотя надвигалось нацистское "окончательное решение еврейского вопроса" и шести миллионам евреев предстояло погибнуть, тридцать два парашютиста из Палестины, как огоньки, упавшие с неба, осветили непроглядную тьму, и этот мерцающий свет внушил сотням тысяч евреев надежду, что они не погибнут, забытые всеми на свете, что есть где-то другие евреи, которые слышат их крики и спешат на помощь.

Англичане оборудовали в Каире специальный лагерь для обучения парашютистов, а в Хайфе Еврейское Агентство создало специальный центр, который по крохам собирал информацию о положении в различных странах, куда предстояло забросить агентов Хаганы. Скрупулезнейшим образом допросив множество новых иммигрантов, на что ушло несколько недель, этот центр составил по частям подробную и на удивление верную мозаичную картину современной жизни в Бухаресте и Будапеште, в Новом Саде и Тимишоаре, в десятках балканских городков и деревень. Ко времени окончания своего обучения в Египте парашютисты знали о странах, куда их отправляют, столько, как будто лишь неделю назад уехали оттуда. Они знали,

как одеваются люди, когда открываются и закрываются магазины, когда приходят и уходят поезда и сколько в них стоит билет; они знали, как охраняются военные установки и кто их охраняет, знали, какие еврейские семьи с риском для своей жизни приютят их, знали, какие фильмы идут в кинотеатрах, знали фамилии и адреса политических и общественных деятелей.

Девять парашютистов были заброшены в Румынию, трое — в Венгрию, двое — в Болгарию, трое — в Италию, пятеро — в Словакию, двое — в Австрию и восемь — в Югославию. Все они были уроженцами тех стран, куда их забрасывали, все они свободно говорили на местных языках и диалектах, и у всех там были родственники. Из тридцати двух человек семеро так и не вернулись. Они погибли вместе с евреями, которых пытались спасти, в лагере смерти Дахау, во дворе венгерской тюрьмы, в камерах смертников в Словакии и в Германии. Прожив мужественную жизнь, после смерти они стали национальными героями, о них написаны романы и пьесы, сложены песни. Эти люди стали неопровержимым доказательством того, что ищув как-то откликнулся на призыв евреев о помощи, в то время когда остальной мир отвратил свой взор и предпочел не верить в невероятную правду о том кошмаре, который творился в Европе, до тех пор, пока уже было поздно что-нибудь сделать.

В наши дни из этих парашютистов наибольшей известностью пользуется Хана Сенеш, темноглазая талантливая девушка, дочь популярного венгерского драматурга, приехавшая в Эрец-Исраэль одна в 1939 году. Трудно ей было жить вдали от семьи, но она успешно закончила сельскохозяйственную школу и пошла в кибуц Сдот-Ям под Кесарией. Там она работала — и писала. Хана Сенеш оставила богатое литературное наследие: дневник, в котором она говорит о своей любви к земле и о глубоком ощущении своего особого предназначения, и стихи. Ее поэзия состоит в основном из коротких лирических стихотворений, и по крайней мере одно из них до сих пор учат во всех израильских

школах. Хана написала его в июне 1944 года, в ночь, когда она переходила границу из Югославии в Венгрию, где ее схватили, бросили в застенок, подвергли пыткам, а затем — пока ее мать ожидала встречи с ней — расстреляли.

Это — стихотворение о самопожертвовании, о мужестве и о радости мученичества. Оно говорит нам о двадцатитрехлетней Хане и о том, что она чувствовала, когда шла на свое опасное задание.

В этом стихотворении всего несколько строк:

Благостно спичке, сгоревшей,
но высекшей пламя;
Благостно пламени, властвовавшему сердцами;
Благостно сердцу, угасшему в схватке
с врагами;
Благостно спичке, сгоревшей,
но высекшей пламя.
(пер. В. Горт)

Однако большинство парашютистов стихов не писали. И они вовсе не жаждали принести себя в жертву. Хавива Райк из киббуца Маанит, другая парашютистка, погибшая при выполнении задания, не скрывала, что она мечтает благополучно вернуться, выйти замуж и рожать детей. Она вступила в Палмах в дни Ал-Аламейна. Другьям она сказала: "Мне идти легко: у меня пока нет ни семьи, ни детей".

Отрешенная, спокойная, самоотверженная, отправляясь на задание в сентябре 1944 года, она призналась, что больше всего на свете ей хочется иметь семью. В Словакии она помогла создать подпольную еврейскую группу и основала транзитный лагерь для бежавших из плена русских солдат и союзных летчиков. Через месяц ее вместе с двумя другими палестинскими парашютистами арестовали. В ноябре все трое были казнены. Уже позднее, после войны, их трупы были обнаружены в братской могиле в Словакии.

Старшим из парашютистов по возрасту и всеобщим

любимцем был Энцо Серени. Полный кипучей энергии, очаровывавший всех вокруг, добродушный, твердый в своих убеждениях — в частности, в пацифизме — он погиб в немецком лагере смерти, когда ему было сорок лет. Серени родился и вырос в Италии. Его отец был личным врачом короля, дядя — известным по всей стране юристом. Энцо воспитывался в утонченной интеллектуальной обстановке; было вполне естественно, что он увлекся социологией и глубоко интересовался философией. Двадцати с небольшим лет от роду он эмигрировал в Палестину, принял там активное участие в рабочем движении и был одним из основателей большого киббуца Гиват-Бреннер. Когда разразилась Вторая мировая война, Энцо одним из первых в Палестине пошел записываться добровольцем. В союзных войсках он нес самую разнообразную службу во многих местах. Его забросили в Италию в качестве антифашиста-диверсанта, потом он редактировал и издавал в Египте антифашистскую газету на итальянском языке, которую читали тысячи итальянских военнопленных, а в мае 1944 года в числе парашютистов Хаганы он снова попал в Италию. Здесь он надеялся помочь спасти по меньшей мере пятьдесят тысяч итальянских евреев и тридцать тысяч еврейских беженцев из других стран: эти евреи оказались в смертельной опасности в результате немецкой оккупации Италии*. Но Энцо Серени был сразу же схвачен эсэсовцами и брошен в тюрьму, а позднее вместе с другими евреями перевезен в Лахау. Примерно между 17 и 20 ноября 1944 года

* После вторжения союзников в южную Италию в июле 1943 года фашистский диктатор Бенито Муссолини был свергнут маршалом Пьетро Бадольо, который объявил о выходе Италии из войны и о поддержке ею дела союзников. Тогда немцы молниеносно оккупировали всю часть Италии, еще не занятую англо-американскими войсками, и, сделав Муссолини главой марионеточного правительства на севере страны, практически взяли управление Италией в свои руки — в частности, начали уничтожение евреев в Италии. В это время в оккупированной Италии возникло мощное партизанское движение.

Энцо Серени был убит нацистами. Он много говорил и писал о смерти. Парадоксально, что как раз перед тем, как прыгнуть с парашютом, он говорил своим товарищам: "Знайте, умирает лишь тот, кто хочет умереть", а однажды он писал: "Если хочешь жить, нужно быть готовым умереть и убивать и идти навстречу грозящей опасности... Даже в смерти есть зерна жизни".

Еврейская бригада

Парашютисты были заброшены в Европу слишком поздно. А через несколько месяцев после этой операции — опять же с запозданием — осуществилась другая мечта ишува. 20 сентября 1944 года британское командование дало наконец согласие на создание Еврейской бригады, в состав которой входило пять тысяч палестинских евреев. Под своим собственным знаменем бригада отправилась в Италию, где весной 1945 года приняла участие в боях.

Будь эта бригада сформирована раньше и с меньшими ограничениями, тогда, пожалуй, в сердцах евреев Палестины не накопилось бы столько обиды и горечи по отношению к англичанам, а европейские евреи тоже воспрянули бы духом, и им было бы на что надеяться. Эта бригада послужила бы для них светочем и символом борьбы с нацизмом. Случилось так, что Еврейская бригада, хотя она и отличилась в боях на итальянском театре военных действий, все же была лишена возможности принять полноценное участие в войне; вместо этого ей было суждено сыграть значительную роль в исторических событиях, потрясших Палестину сразу же после окончания войны. Однако, несмотря на то, что Еврейская бригада была создана слишком поздно, она все же была независимым боевым соединением, со своим собственным знаменем, штабом, вспомогательными службами и группами поддержки, и для сотен служивших в ней палестинских офицеров и сержантов она явилась первым учебным полигоном, на котором они учились тактике, организации и материально-тех-

ническому обеспечению в масштабах такой единицы, как бригада.

Вклад ишува в войну

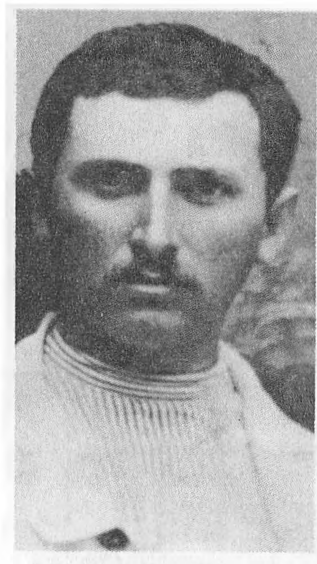
Однажды Ицхак Садэ задал каверзный вопрос: "Американский солдат стреляет из американской винтовки. У советского солдата — советское оружие. А кто делает оружие для евреев?"

На этот вопрос в значительной мере отвечали итоги непростого давшего боевого опыта, приобретенного палестинскими евреями во время Второй мировой войны. Тысячи молодых евреев служили и сражались на Ближнем Востоке, в Европе, в Западной пустыне, во Франции и в Италии в рядах британской 8-й армии и в Еврейской бригаде; и все, чему они выучились, они принесли с собой домой, в Палестину. Хотя англичане поступали по отношению к евреям довольно неблагоприятно — они старались как можно меньше предавать гласности факты об участии палестинцев во Второй мировой войне, — список военных заслуг ишува достаточно длинен и говорит сам за себя. С октября 1939 года (через месяц после начала войны) и до самого конца военных действий ишув, насчитывавший в 1945 году всего лишь около 600000 человек, дал Британской армии 32000 добровольцев. Они служили на всех постах, во всех родах войск союзных армий; в частности, среди них было 450 офицеров (в том числе 50 женщин) и более 200 врачей.

Учитывая, что англичане старались по возможности замалчивать участие палестинских евреев в войне, интересно было бы сейчас вспомнить и привести кое-какие цифры и факты на эту тему. Военная статистика свидетельствует, что из 32000 палестинских евреев-добровольцев 4800 человек служило в пехоте, 3300 — в инженерных частях, 4400 — в транспортных частях, 1250 — в Королевском артиллерийско-техническом корпусе, 1100 — во вспомогательных частях, 650 — в артиллерийских частях, 2000 — в Королевских воен-

но-воздушных силах, 1100 — в Британском военноморском флоте; и 4000 женщин служили во вспомогательных женских частях и военно-воздушных силах. Кроме того, около 3400 палестинских юношей героически, хотя и незаметно, несли самую неблагодарную службу — в саперных и строительных подразделениях, где им как "туземцам" поручалась обычно наиболее изнурительная, низкоквалифицированная и грязная работа.

В первое время в палестинских новобранцах по внешнему виду никак нельзя было распознать евреев, однако позднее англичане позволили солдатам ишсува прикрепить наплечные нашивки со звездой Давида и словом "Палестина". Когда пробил час и в Палестине прозвучал призыв к оружию, положивший начало борьбе, целью которой было создание Еврейского государства, ветераны Британской армии и Еврейской бригады оказались незаменимыми бойцами. Вместе с Палмахом и полевыми частями Хиш они образовали ядро Армии Обороны Израиля, принеся в новорожденные еврейские вооруженные силы свой боевой опыт и воинские знания. Однако еще до этого, сразу же после окончания военных действий, им — как и всему ишсуву — пришлось принять участие в изнурительных, сложных и, возможно, беспрецедентных усилиях, чтобы организовать массовое переселение в Палестину евреев, которым удалось уцелеть в оккупированной нацистами Европе, и одновременно начать серьезную подготовку к новой борьбе — на сей раз против британской Белой Книги.

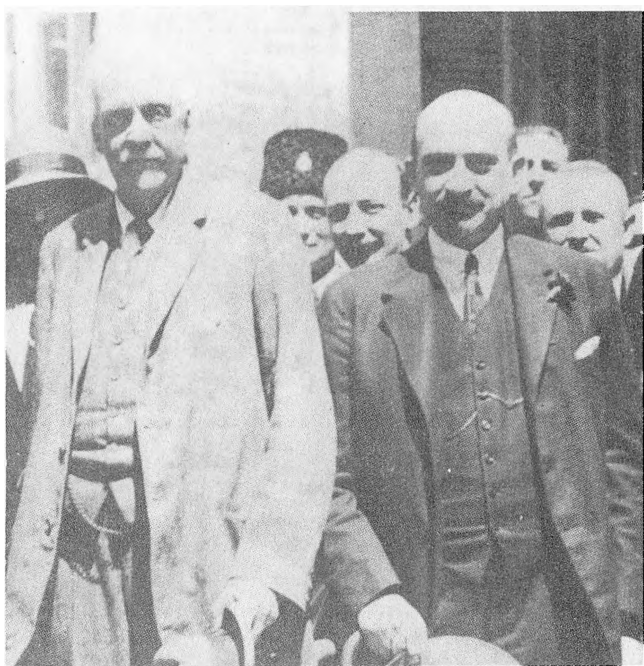
Менделе Португали

Первые члены Бар-Гиоры: второй справа — Цви Бекер, третий — Исраэль Шохат.

Многие молодые евреи служили в качестве офицеров в турецкой армии. Моше Шерток (Шарет), будущий министр иностранных дел и второй глава правительства Израиля, со своей сестрой.

Лорд Бальфур и доктор Хаим Вейцман, впоследствии первый президент Израиля. Бальфуру принадлежит заслуга опубликования в 1917 году Декларации, в которой британское правительство обещало содействовать созданию в Палестине национального очага еврейского народа.

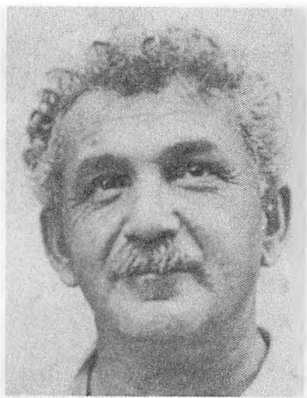

Иосеф Трумпельдор (1880–1920) — в форме офицера русской армии (в 1904 в Порт-Артуре потерял руку). Позднее стал одним из наиболее видных руководителей еврейской самообороны. Погиб во время героической обороны Тель-Хая.

Ицхак Бен-Цви (1884–1963), ставший впоследствии вторым президентом Израиля; вступил в Еврейский легион в 1917 году в качестве рядового. Его жена Рахель Янаит Бен-Цви также была в числе основателей отрядов еврейской самообороны и членом Хашомера.

Берл Кацнельсон (1887—1944); хотя и был солдатом Еврейского легиона, его больше занимало послевоенное будущее сионизма.

Дов Хоз (1894—1940) — в форме солдата Еврейского легиона.

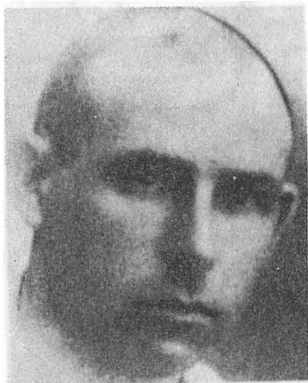

Элияху Голомб (1893—1945), один из основателей, а с 1931 года один из основных руководителей Хаганы.

Двое из ведущих организаторов самообороны:

Исраэль Галили

Шаул Авигур

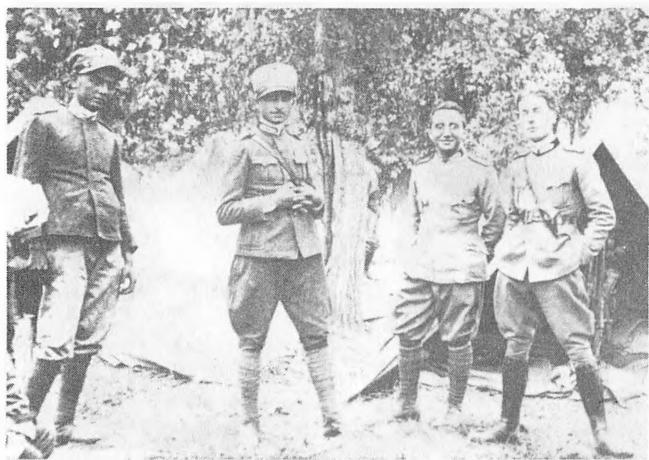

В киббуце Ханита в 1938 году. Слева направо: Моше Даян, Ицхак Садэ, Игал Аллон .

Парашютисты из Палестины. Их подвиги стали в Израиле легендой.

Слева направо: Перец Гольдштейн, Рафаэль Рейс, Абба Бердичев, Цви Бен-Яков, Хана Сенеш, Хавива Райк.

Энцо Серени (второй справа) с группой итальянских офицеров.

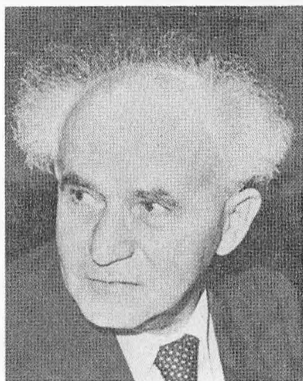

Авраам Штерн (известный под конспиративной кличкой Яир); в 1940 году откололся от Эцела и создал группу "Лохамей херут Исраэль" (Лехи), которую англичане называли "бандой Штерна". В 1942 году, находясь под арестом, был убит британским полицейским офицером.

Менахем Бегин — командир Эцела (Иргун цвай леуми) с 1943 по 1948 год, до создания Армии Обороны Израиля. В дни, когда скрывался от англичан, изменил свою внешность.

Давид Бен-Гурион во
время Войны за Незави-
симость.

Голда Меир в 1948 го-
ду тайно посетила эмира
Абдаллу, монарха Транс-
иордании, в тщетной по-
пытке уговорить его не
вступать в войну.

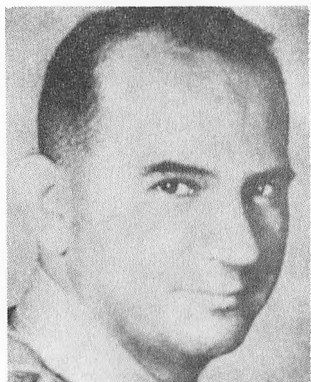
Данни Масс, командир группы из тридцати пяти добровольцев, погибших при неудачной попытке прорваться в Эцион.

Полковник Моше Кармел, командующий операцией "Бен-Ами" в Восточной Галилее и позднее командующий Северным фронтом.

Уроженец Канады Дов Иосеф (позднее министр юстиции Израиля) во время осады Иерусалима — губернатор еврейской части города.

Полковник Дэвид Маркус, доброволец из США, приехавший помочь Израилю в трудный час. Он был по оплошности убит одним из своих часовых как раз перед вступлением в силу первого соглашения о перемирии. Ему было посмертно присвоено звание генерал-майора.

Муля Кохен принял от Игала Аллона командование бригадой Ифтах.

Двое из первых командиров корпусов Цахала: Иосеф Авидар (слева), военно-хозяйственное снабжение. Ахарон Ремез, военно-воздушные силы.

Неудержимый бросок через пустыню завершился водружением самодельного израильского флага в Эйлате (Умм Рашраш) на берегу Акабского залива.

Игал Аллон, командующий Южным фронтом во время последней фазы Войны за Независимость.

Игаэль Ядин, начальник оперативного отдела во время Войны за Независимость.

Моше Даян.

Хаим Ласков. Начальник штаба Цахала с 1958 по 1960 год.

Цви Цур сменил Хаима Ласкова на посту начальника штаба Цахала в 1960 году.

Аарон Ярив, глава израильской разведки. Безукоризненная работа разведки была одной из причин успеха Шестидневной войны.

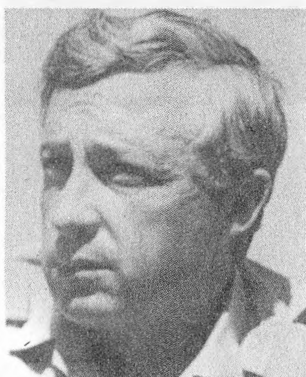
Генерал-майор Узи Наркис командовал Центральным фронтом, включавшим Иерусалим.

Генерал Эзер Вейцман в течение восьми лет возглавлял израильские военно-воздушные силы.

Полковник Хаим Бар-Лев, один из командиров бронетанковых войск.

Три командира дивизий на Южном фронте. Сверху вниз: генерал Авраам Иоффе, генерал Израэль Таль, генерал Ариэль (Арик) Шарон.

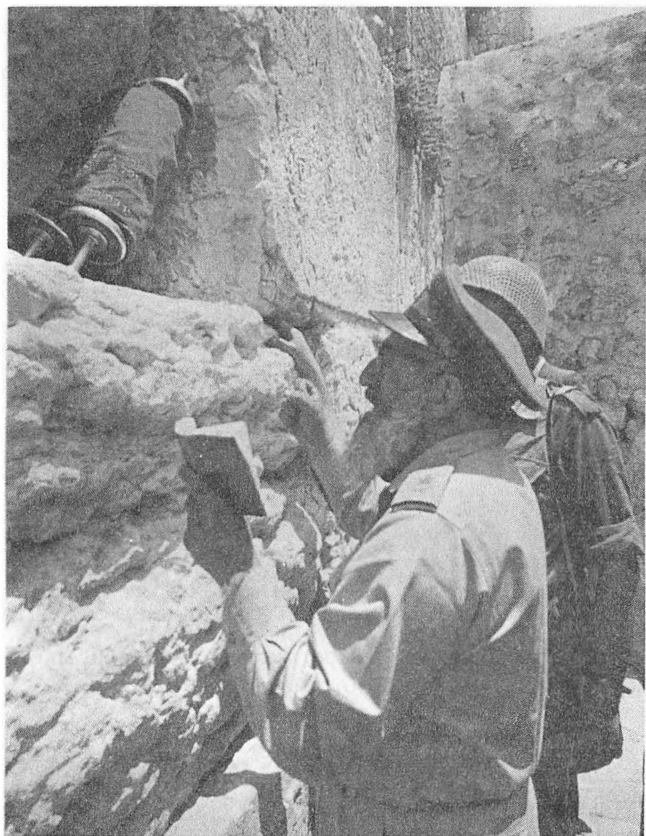
Генерал Давид Элазар,
командующий Северным
фронтом во время Шести-
дневной войны.

Архитектор победы в
Шестидневной войне — на-
чальник штаба израиль-
ской армии генерал-майор
Ицхак Рабин.

Мордехай Гур (в центре) командовал прорывом парашютистов в Старый город 7 июня 1967 года.

Взятие Иерусалима позволило евреям снова прийти к Стене Плача — самому священному для евреев месту. Генерал Шломо Горен, главный раввин Цахала, молится у освобожденной Западной стены.

5. БОРЬБА ПРОТИВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

”НЕЛЕГАЛЬНАЯ” ИММИГРАЦИЯ.
ПОДПОЛЬНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА.
ПРИБРЕТЕНИЕ ОРУЖИЯ.
СОБСТВЕННАЯ ОРУЖЕЙНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.
ОТВЕТНЫЕ МЕРЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ.
КОМИССИЯ ООН ПО ПАЛЕСТИНЕ.

*Палестинские солдаты
и остатки европейского еврейства*

В 1945 году, после окончания Второй мировой войны, в различных частях Европы произошел ряд событий, которым в конечном итоге было суждено изменить историю Ближнего Востока и способствовать образованию — всего лишь через три года — Еврейского государства. Одно из этих событий произошло в июне 1945 года в приятном итальянском городке Тарвизио, находящемся у пересечения границ Италии, Австрии и Югославии; в Тарвизио было расквартировано одно из подразделений Еврейской бригады.

Еврейская бригада, просуществовавшая в общей сложности двадцать один месяц и состоявшая из уроженцев пятидесяти трех стран, служила во время войны на различных фронтах. И где бы бойцы Еврейской бригады ни появлялись, они, помимо всего прочего, сразу же знакомились с местным еврейским населением, внушали евреям надежду на скорое изменение к лучшему, обсуждали возможности репатриации в Эрец-Исраэль на заре новой эры, которая сейчас — после войны — уже не за горами, поощряли изучение иврита и рассказывали об истории ишува и о принципах и

возможностях поселенческого движения. Даже на Мальте, где евреев всего-то было несколько сот человек, еврейские солдаты приковали к себе общее внимание и совершенно изменили еврейскую жизнь на острове. Слово "Палестина" на их наплечных нашивках, звезда Давида на бортах грузовиков, их разговорный иврит, а также материальная помощь, которую Еврейская бригада оказывала евреям повсюду, — все это создало бригаде своеобразный ореол, который сиял все ярче по мере дальнейшего проникновения союзных войск в Европу.

В Тарвизио солдаты Еврейской бригады впервые повстречались с евреями из самого центра Европы. 4 июня в штабе бригады появились четверо юношей. Они рассказали, что проделали долгий путь из Польши, Румынии, Венгрии и Чехословакии, что они слышали о еврейских боевых подразделениях и пришли узнать, правда ли то, что им говорили: действительно ли существуют эти палестинские евреи, которые приняли участие в борьбе против нацизма, а теперь дают всем попадающимся навстречу евреям кров, пищу и одежду. Это была очень странная четверка: они вели себя так, будто свалились с другой планеты, и исчезли почти так же неожиданно, как и появились. Но они унесли с собою рассказ о том, что существует такая Еврейская бригада и что в транспортных и других подразделениях Британской армии служат еврейские парни, приехавшие из городов, ферм, деревень и киббуцов Палестины. И тогда в Тарвизио начали появляться евреи. Сотнями стекались они со всей Европы — приезжали на поездах и грузовиках, приходили пешком, — чтобы увидеть еврейских солдат, притронуться к ним и попросить помочь добраться до Палестины.

Ручей превращается в бурный поток

Как-то июньским вечером в Тарвизио появились тридцать пять грузовиков, на которых приехали тысяча сто человек, стремящихся в Палестину, и солдаты

и офицеры бригады разместили, накормили и выслушали этих людей. Говорили они о том же, о чем и все остальные евреи: нет больше европейского еврейства; только один из шести европейских евреев пережил Катастрофу. А теперь оставшиеся в живых покидали освобожденные союзниками нацистские лагеря, и им нужно было узнать, кто сохранился и что сохранилось. Но некому было их встретить: не осталось у них ни родных, ни друзей, ни дома, ни добра, и нечего им было больше делать на континенте, который стал еврейским кладбищем. И тогда они направились в сторону того единственного места на свете, где все еще жили евреи. Они шли на юг, к южным портам Европы, и людские ручейки сливались в поток, а поток становился могучей рекой. И на всем пути своим искали они Еврейскую бригаду или другие еврейские воинские части, искали палестинских солдат.

Летом 1945 года в Великобритании пришла к власти лейбористская партия. До того в течение многих лет на партийных конференциях и во многих торжественных заявлениях лейбористы заявляли о своей поддержке сионизма и предавали анафеме Белую Книгу. Поэтому не было ничего удивительного в том, что палестинские евреи многого ожидали от нового премьер-министра Клементы Эттли и от его министра иностранных дел Эрнеста Бевина: вот теперь, наконец-то, думали они, будет снят запрет на иммиграцию евреев в Палестину. Победа лейбористов на выборах была добрым предзнаменованием: что бы там ни было в прошлом, как бы ни складывались раньше отношения между ишувом и Палестинским правительством, какую бы проарабскую политику ни проводили прежде министерство иностранных дел и министерство по делам колоний, — палестинские евреи имели основания надеяться, что уж теперь-то все будет по-иному. И не только потому, что сменилось правительство, но еще и потому, что сейчас, когда стало известно о том, что творилось в Освенциме и Берген-Бельзене, Терезине и Треблинке, — сейчас казалось совершенно невероятным, чтобы кто-то мог по-

пытаться закрыть путь в Палестину евреям, уцелевшим в оккупированной нацистами Европе. И поэтому ишув, в котором едва ли была хоть одна семья, не потерявшая родственников в Европе, приготовился встречать бездомных, отчаявшихся и обездоленных. Однако в то же время Исраэль Галили от имени верховного командования Хаганы предупреждал ишув, что ликовать еще рано и что только время сможет показать, станет ли новое правительство выполнять свои обязательства лучше, чем прежнее.

И действительно: первые же речи Эрнеста Бевина по палестинской проблеме с совершенной очевидностью показали, что политика британского правительства — по крайней мере, в этом вопросе — ни на йоту не изменилась. К антисиионистской и консервативной традиции Уайтхолла теперь прибавилась новая — и довольно резкая — антисемитская нотка. Эрнест Бевин со всей резкостью заявил: что бы там ни обещала и в чем бы ни клялась раньше лейбористская партия, британское правительство не пойдет ни на какое изменение положений Белой Книги. Те евреи, которые согласно Белой Книге имеют законное право въехать в Палестину, могут это сделать. А всем остальным — этим, мягко выражаясь, "перемещенным лицам" — придется снова найти себе место в Европе. Если они приложат достаточно усилий, они, без сомнения, сумеют полностью включиться в экономическую и общественную жизнь европейских стран. И, как бы там ни было, скорые и решительные меры по спасению еврейских жизней вовсе не входят в число первоочередных задач правительства Великобритании.

Даже самым радужно настроенным евреям в ишуве стало после этого совершенно ясно, что палестинские евреи и фактически все сионистское движение оказались перед необходимостью принять критическое решение: либо ишув отвернется от иммигрантов, уже запрудивших дороги Европы в поисках убежища, либо же он вступит в открытую борьбу против политики Белой Книги — борьбу (на иврите — *маавак*), которая

неизбежно перерастет в вооруженный конфликт. Нелегко было принять это решение, но ишув без колебаний дал понять, что по этому вопросу у него нет двух мнений. Если во время Второй мировой войны союзники не сделали всего, что могли (а кое-кто считал, что они не сделали ничего), чтобы спасти европейских евреев, — даже тогда, когда это все еще было возможно, как, например, на Балканах, — то теперь ишув не желает, да и не может считаться с тем, какие там затруднения у разваливающейся Британской империи. Если у британского правительства все еще сохранились иллюзии насчет могущества арабов на Ближнем Востоке, если британское правительство до сих пор продирает дрожь от арабских угроз поднять массовый бунт в случае изменения положений Белой Книги, то у евреев, со своей стороны, есть свои первоочередные задачи, и главная из них — помочь тем, кто пережил нацистский кошмар, покинуть Европу и поселиться в Эрец-Исраэль.

Летом 1945 года палестинские евреи поняли, что их ждет, и сделали необходимые выводы: у них нет другого выхода, как начать борьбу против политики Белой Книги; борьба эта должна вестись одновременно на всех фронтах. Самым важным из этих фронтов была организация репатриации. Но, кроме того, ишув решил продолжать открыто игнорировать британский запрет на поселение в определенных районах, поименованных в Белой Книге. Одновременно ишув решил предпринять ряд диверсионных актов против правительственных, военных и военно-морских стратегических объектов — особенно таких, которые были связаны с борьбой британских властей против нелегальной иммиграции. Эта задача поручалась подпольным организациям, в частности Хагане. И, наконец, был еще внутренний фронт — укрепление власти национальных выборных органов сионистской организации и еврейской общины: эти органы должны были стать чем-то вроде полуофициального правительства, и их следовало превратить в самостоятельные организации, способные руководить

борьбой евреев за независимость, а также организовывать и контролировать вооруженные силы, от которых должен был зависеть окончательный исход этой борьбы. Решение, принятое ишувом, не знало себе подобных за всю мировую историю движений сопротивления: еврейское подполье в Палестине при поддержке всего лишь полумиллионного населения начало в 1945 году титаническую борьбу не только против могущественного и враждебного правительства (французские, греческие и югославские партизаны вели во время войны такую борьбу), но еще и за то, чтобы удвоить численность населения в стране, в которой это население не обладало властью.

Проблемы "нелегальной" иммиграции

С лета 1945 и по конец 1947 года в Палестину "нелегально" прибыла семьдесят одна тысяча иммигрантов. Само по себе это число отнюдь не казалось сенсационным, однако доставка этих иммигрантов в Палестину потребовала огромных усилий, координации, мобилизации всех ресурсов, огромной настойчивости и просто личного мужества. Каждого из этой семидесяти одной тысячи евреев — мужчин, женщин, детей, а иногда и новорожденных младенцев — следовало в строжайшей тайне переправить из лагеря для перемещенных лиц в Европе в какой-нибудь порт отправки, откуда уже начинался путь морем в Палестину. Надо было позаботиться о целом ряде деталей повседневной жизни на пути от лагеря до порта, а затем "нелегальных" иммигрантов нужно было подготовить не только к предстоящему опасному пути, но и к трудностям новой жизни в новой стране. Переправка их из Европы в Палестину планировалась и осуществлялась в условиях зачастую просто физически невыносимых, а к этому еще прибавлялись такие трудности как нехватка денег, ненадежность и ветхость судов и необходимость избегать искусного и беспощадного наблюдения британских агентов. А после прибытия в страну, эти им-

мигранты должны были немедленно смешаться с окружающей средой, чтобы англичанам было трудно или даже невозможно их обнаружить. Всей этой сложной работой руководило несколько десятков палестинских евреев — все они были добровольцы, их военный и морской опыт носил в лучшем случае случайный характер.

Одно только перечисление трудностей, от преодоления которых зависел успех каждого отдельного путешествия, могло бы расхолодить кого угодно, если у него не было достаточной целеустремленности. Каждую группу следовало провезти через Европу в военных грузовиках, накрытых брезентом (так легче было проскочить через европейские пограничные заставы), и доставить на законспирированные пункты, откуда беженцев автоколоннами отправляли в порты. Для каждого такого путешествия приходилось, не привлекая излишнего внимания, заготавливать в достаточном количестве документы, одеяла и запас продовольствия. Каждая автоколонна должна была иметь все необходимое — запасные части для машин, бензин и так далее, — чтобы ни от кого не зависеть и быть готовой к любым неожиданностям. Каждое судно нужно было купить или зафрахтовать, отремонтировать, замаскировать, превратить в плавучее общежитие и обеспечить командой. И каждое судно должно было доплыть до Палестины так, чтобы его не засекли британские радары и не заметили британские самолеты и корабли; а в Палестине судно должно было причалить в строго определенном месте в строго определенный час, чтобы его вовремя встретили отряды Хаганы, занимающиеся высадкой иммигрантов на берег. И в этих-то условиях за тридцать месяцев, что продолжался маавак, около семидесяти судов с еврейскими иммигрантами отчалили от европейских берегов и достигли Палестины.

Бриха и Мосад

”Подпольная железная дорога”, по которой нелегальных иммигрантов переправляли в Палестину, на-

зывалась на иврите "Бриха" (что значит "побег"). Брихой ведала специально созданная Хаганой организация "Мосад" ("Учреждение"). Мосаду было поручено осуществлять в широком масштабе нелегальную иммиграцию, которая на иврите называется "Хаанала". Мосад был создан перед самым окончанием войны по инициативе, главным образом, Элияху Голomba и Шаула Авигура — хотя, к несчастью, Голomb умер еще до того, как первое судно с нелегальными иммигрантами отошло от европейских берегов. Но именно в доме Голomba в Тель-Авиве, в квартире, куда всем был открыт доступ, со скрипучими старыми стульями и бесчисленными стаканами чая на столе впервые родилась идея создания Мосада. Произошло это весной 1942 года, когда сорок членов Хаганы — мужчин и женщин, — тщательно отобранных Голombом, Авигуром (будущим главой Мосада), Иехудой Брагинским и Давидом Намери (он был раньше заместителем Ицхака Садэ), собрались в помещении созданной еще в 1870 году первой в Палестине сельскохозяйственной школы Микве-Исраэль около Тель-Авива, чтобы прослушать тайный курс. В пышном ботаническом саду школы слушатели этого курса обсуждали способы вызволения евреев из европейских стран, где они подвергались преследованиям; они изучали демографию, историю и географию тех стран, через которые можно было провезти беженцев, освежали свои навыки вождения автомобиля, чтения карт, шифровального дела, упражнялись в стрельбе. В это же самое время в кибуце Сдот-Ям в Кесарии была создана "морская" база Хаганы, которая стала учебным центром для будущих моряков — членов команд судов для переправки нелегальных иммигрантов.

Иммиграция из арабских стран

Тем временем началась массовая иммиграция евреев из арабских стран, и этих людей тоже надо было принимать и устраивать. Положение евреев в мусульманских

странах, граничащих с Палестиной, становилось все серьезнее: в Ираке после пронацистского путча 1941 года произошли зверские еврейские погромы, и в других мусульманских странах евреи жили в постоянном страхе перед репрессиями. В течение нескольких последующих лет данные о бегстве евреев из европейских стран в ряде случаев предавались гласности, но иммиграция из арабских гетто с самого начала и до самого конца велась в глубокой тайне. Так же, как и для европейских иммигрантов, которые начали прибывать в Палестину с 1945 года, для евреев из арабских стран "подпольная железная дорога" заканчивалась в северных киббуцах Палестины — Хулата, Кфар-Гилади, Аелет-Хашахар, Дан и Дафна; и по пути иммигрантам нужно было миновать целую систему тщательно охраняемых британских застав и пропускных пунктов, специально устроенных на дорогах, чтобы поймать Хагану с поличным. Так же, как и в Европе, в арабских странах эта нелегальная алия в начальных своих фазах почти всецело зависела от еврейских солдат — от палестинцев в военной форме, расквартированных в Египте, Сирии, Ливане, Ираке и Иране; они ободряли еврейских беженцев и помогали им, часто используя для этого свой военный транспорт: евреев перевозили с места на место в кузовах военных грузовиков.

По всей северной границе Палестины на определенном расстоянии один от другого были установлены перевалочные пункты Хаганы. На эти пункты прибывали автоколонны с еврейскими семьями, и отсюда в сумерки — в назначенный час — иммигранты шли пешком к самой границе Сирии или Ливана; их вели обычно либо палмахники, говорившие по-арабски, либо арабы, которым платила Хагана. А на границе беженцев поджидали вооруженные бойцы Хаганы, которые и переправляли их в Палестину. Это была воистину смертельно опасная "прогулка": с одной стороны границы за репатриантами охотились сирийские и ливанские пограничные патрули, не говоря уже об арабских бандитах, которые жаждали поживиться за счет евреев,

заставив их заплатить "транзитный налог", а с другой стороны границы их ловили англичане. Однако евреи вели себя мужественно и безгранично доверяли своим проводникам. Смертельно усталые, в темноте, шли они пешком в Святую землю через границу — и все так же пешком добирались до еврейских поселений, где наконец у них была возможность отдохнуть.

Переправка репатриантов по суше, в некоторых отношениях самая трудная и изнурительная деятельность Хаганы, требовала от палмахников определенной настороженности и умения ориентироваться в ночи. Многие десятки палмахников прошли серьезную подготовку на жизненно важной северо-восточной границе страны, научились решать на месте сложнейшие задачи по обеспечению операции и в то же время приучили себя к тщательному и терпеливому анализу всех деталей перед каждым переходом. Через такие тайные лазейки в Эрец-Исраэль было переправлено всего лишь около 8000 евреев из арабских стран, но опыт, приобретенный силами Хаганы за эти годы, был совершенно неоценим, равно как и законспирированное обучение в ячейках самообороны, которым тайно руководили члены Хаганы от Атлантического океана до Персидского залива и которое помогло выжить тысячам евреев, находившихся в постоянном страхе за свою жизнь в гетто арабских стран.

Многие слушатели курса в Микве-Исраэль несли службу в мусульманских странах. Один из них — молодой киббуцник Миша — работал в качестве члена Мосада в Тегеране и Басре и затем вернулся в свой киббуц. Однажды его по телефону вызвали в Тель-Авив к Шаулу Авигуру. Он получил задание отправиться в Европу и там заниматься организацией переправки репатриантов в Эрец-Исраэль. Ему казалось, что он для этой работы не подходит: он совершенно не разбирался в морском деле и не знал необходимых европейских языков. Он ответил Авигуру, что, наверное, можно найти кандидата получше него. Однако Авигур и слушать не стал возражений молодого киббуцни-

ка: у него, сказал Авигур, есть то, что важнее всего в этой трудной и опасной работе — способность импровизировать, принимать решения в трудных и неожиданных обстоятельствах, быстро и четко оценивать обстановку. Авигур вручил молодому человеку сто палестинских фунтов и сказал, что отныне Миша должен сам о себе заботиться: он должен отправиться в Европу и там на месте решить, как он может помочь еврейским беженцам. Конечно, добавил Авигур, верховное командование Еврейской бригады окажет ему содействие, но подробности своей работы Миша и его помощник должны продумать сами.

В форме Еврейской бригады, с документами, свидетельствовавшими, что они — рядовые, возвращающиеся в свою бригаду в Египет после отпуска, проведенного в Палестине, Миша вместе со своим напарником, у которого были такие же документы, отплыли из Палестины весной 1945 года с другими солдатами бригады на британском транспортном судне. Чтобы обеспечить им место на судне, один из офицеров бригады позаботился, чтобы двое настоящих солдат бригады остались в Египте. В южной Италии с помощью итальянских партизан и палестинских евреев, служивших в британских транспортных войсках, двое членов Мосада подготовили маршрут побега через Югославию и Румынию; и когда союзные войска освободили Флоренцию и Пизу, Миша и его напарник начали готовиться к организации Брихи. С помощью тайных радиопередатчиков, сконструированных группой палестинцев (позднее эта группа в более чем трудных условиях оборудует радиоаппаратурой все суда Мосада), они наладили постоянную связь с Палестиной.

Теперь предстояло сделать следующий шаг — дать знать евреям, что все готово для побега. Миша достал громкоговорители, и евреи в Болонье и других освобожденных городах услышали призыв покинуть свои убежища и готовиться к отъезду в Палестину. В одном маленьком итальянском порту мосадовцы обнаружили еще недостроенное небольшое рыболовное судно во-

доизмещением в тридцать пять тонн и купили его. С помощью виски, взяток и кое-каких законных "заимствований" им удалось достать доски и запасные части и привести суденышко в рабочее состояние. Шел май 1945 года; Еврейская бригада сражалась на итало-австрийском фронте, и к бойцам бригады стали отовсюду стекаться евреи, нуждающиеся в помощи. Но кто же поведет первое судно алии? Свои услуги предложил итальянский еврей, капитан танкера, по имени Энрико Леви. Он даже не пытался скрыть своего скептического отношения ко всему предприятию, но его покорили убежденность, воля и изобретательность двух палестинцев, и он нанялся к ним на работу. Питаясь консервами и печеньем, которыми снабдили их бойцы Еврейской бригады, и все еще держась за свои драгоценные сто фунтов, с поддельными документами, которые они изготовили на заднем сиденье легковой машины, ставшей их подпольной "лабораторией", Миша с напарником и Леви начали последний этап подготовки: нужно было купить мотор для рыболовного суденышка и запастись водой и минимумом продовольствия.

Энрико Леви был уверен, что эта жалкая посудина ни за что на свете не переплывет через Средиземное море, но он был верен своему слову. Набрали команду: двое палмахников, матрос из числа беженцев и радист. Тридцать пять еврейских беженцев подготовились к отплытию; судно, называвшееся "Сириус", было переименовано в "Далин" (псевдоним Элияху Голомба). Этому судну предстояло стать первопроходцем необычного мосадовского флота, который бороздил Средиземное море с 1945 по 1948 годы, до создания государства Израиль. "Далин" проложил маршрут через кишашее минами Средиземное море и за восемь дней достиг Палестины. В августе 1945 года он бросил якорь у Сдот-Ям. На берегу под руководством Намери был оборудован аванпост, с которого осуществлялась связь с "Далином", и к моменту, когда судно подошло к берегу, там уже полукругом стояли вооруженные

палмахники. Были приняты все необходимые меры предосторожности — вплоть до того, что на берегу был оборудован пункт скорой медицинской помощи. Когда "Далин" ночью стал на якорь, палмахники переправили иммигрантов на берег, где уже ожидали грузовики, чтобы доставить их потайными дорогами в ближайший киббуц. В ту же ночь "ореховая скорлупа", как мосадовцы любовно прозвали "Далин", отплыла назад в Италию, увозя с собой новых посланцев Мосада.

За первые несколько месяцев после окончания войны "Далин" и другие похожие на него утлые суденышки перевезли в Палестину более тысячи евреев. Через год их число достигло почти двадцати двух тысяч, а к 1947 году — превысило сорок тысяч. В Италии к тому времени работало уже множество агентов Мосада; некоторые из них прибывали на мосадовских судах, возвращающихся из Палестины за новыми пассажирами, другие прилетали на самолетах, и многие выдавали себя за солдат. В эти первые месяцы они ничего не смогли бы сделать, если бы еврейские солдаты и офицеры не снабжали их одеялами, пищей, не предоставляли бы в их распоряжение свой транспорт и не устанавливали бы центры, куда могли стекаться евреи, направлявшие из Центральной Европы к средиземноморским портам. Иногда в странах, через которые проходили и проезжали "перемещенные лица", к евреям относились с участием, а иногда — враждебно. То здесь, то там таможенный чиновник в нужный момент отворачивался и "ничего не видел"; а то приходилось давать взятку. Постепенно, после того как были опробованы разные пути и сделано немало ошибок, наметились наиболее удобные и безопасные маршруты. По поручению Мосада Палмах взял на себя заботу о судах и подыскивал для Мосада радистов и моряков; он осуществлял руководство большинством морских переходов, хотя команды поначалу состояли почти исключительно из неевреев.

Чаще всего успешное осуществление операций по переправке беженцев упиралось в транспортные проблемы и в нехватку продуктов питания. Денег было

мало, и еврейские солдаты создали специальный фонд, отказавшись от положенных им рационов виски и джина, которые они продавали или выменивали на мясные консервы. Часто им помогали солдаты-неевреи — в частности, из Южной Африки и Австралии, — которые узнавали о деятельности Мосада. С горючим тоже было туго. В Италию прибыл ветеран Хаганы Йехуда Арази: в Палестине за его голову была обещана награда, и он бежал оттуда в форме польского летчика. Как когда-то у Уингейта, его единственным документом была записка, наспех написанная Голомбом, — но этого было вполне достаточно. Арази обложил все палестинские воинские части в Италии "бензиновым налогом", а когда палестинцев стали демобилизовывать и отправлять по домам, он собрал из оставленных ими грузовиков и джипов автоколонну, которую обслуживало целое псевдovoенное подразделение. Он разбил для этих "солдат" лагерь, изготовил поддельные документы, по которым его подразделение получало горючее, и в конце концов устроил гараж на двадцать машин, в котором был даже насос для перекачивания бензина на суда. Он же организовал мосадовскую радиосеть и руководил ее работой, он создал тайные мастерские, в которых монтировались радиопередатчики. Через несколько месяцев после появления Йехуды Арази в Италии у Мосада были уже радиостанции в Бари, Неаполе, Афинах, Марселе и Париже, и все они поддерживали постоянную связь с мосадовскими судами, с европейским командованием Мосада и с Палестиной.

Штаб Мосада

Штаб-квартира Мосада в 1945 году помещалась в еврейском солдатском клубе в Милане, где Йехуда Арази, Ада Серени — вдова Энцо Серени — и другие мосадовцы работали день и ночь над организацией алии. В поток беженцев, прибывавших в северную Италию, влились теперь евреи из Германии и Австрии, и он достиг десятков, а позднее и сотен тысяч человек. Во

Франции была основана другая сеть под руководством Шмарьяху Цамерета. Центр этой второй сети находился в Марселе, и она пользовалась, в основном, небольшими портами средиземноморского побережья Франции. Во Франции, так же как и в Италии, население, недавно освобожденное от немецкой оккупации, а иногда и власти открыто симпатизировали евреям, стремящимся иммигрировать в Палестину, и часто они оказывали действенную помощь. Однако, как это можно было предвидеть, деятельностью Мосада стала интересоваться британская разведка — Интеллидженс Сервис; особенно ее интересовало местонахождение тайных радиопередатчиков. Арази и его товарищи ухитрились избежать того, чтобы их запеленговали; радиопередатчики то и дело переносились с места на место, и для шоферов, которые перевозили иммигрантов в порты, был приобретен специальный дом. Принимались максимальные меры предосторожности; беженцам до последней минуты не говорили, когда они отправятся в путь. Меры предосторожности во время плавания становились все более жесткими. Трюмы мосадовских утлых суденышек перегораживались рядами парусины, чтобы беженцы могли оставаться в трюме все время пути; там же в импровизированных гамаках они и спали. В трюмах устанавливались баки с водой и даже временные туалеты; но в основном все удобства безжалостно приносились в жертву ради того, чтобы каждое судно могло взять на борт как можно больше людей; а опасение попасться на глаза британским патрулям заставляло принимать дополнительные меры, что вело к новым неудобствам для беженцев.

”Пьетро”

Первым из ”больших” судов, купленных Арази, было ”Пьетро”, водоизмещением в сто пятьдесят тонн, способное развить скорость до девяти узлов в час. Один из мосадовцев позднее описывал, как проходила посадка беженцев на ”Пьетро” (именно так проходило боль-

шинство подобных операций): "Беженцы двинулись к месту посадки на судно; они шли цепочкой; было темно. Мы отметили для них путь белыми лоскутьями, привязанными к деревьям. Все свои пожитки беженцы несли с собой. Многие были больны, их мучила жажда, в группе находились беременные женщины, и всем было страшно — но они шли в полном молчании. Впереди них и за ними шагали молодые палмахники с автоматами. На море стоял штиль, ничто не нарушало ночной тишины. Беженцев было сто семьдесят человек. Около небольшого катера, который должен был доставить их на судно, нас ожидало несколько рыбаков-итальянцев: мы их наняли в помощь. Каждому беженцу показали его кусок брезента, его одеяло и мешок, служивший вместо подушки. Капитан был родной итальянец, но вся команда состояла из молодых палестинцев. Вдали, на британской военной базе в Таранто, медленно вращался прожектор, обшаривая поверхность воды".

Командир Мосада был членом Палъяма (морские отряды Палмаха); он знал все палестинское побережье как свои пять пальцев, и его властная манера распоряжаться вызывала уважение и желание повиноваться. На очень скверном французском языке он поговорил с капитаном. Арази произвел последний быстрый осмотр, обратился к беженцам с краткой речью, дал каждому палмахнику по пистолету и ушел. "Пьетро" поднял якорь и отчалил. Через восемь дней он достиг Палестины. В ту же ночь, выгрузив иммигрантов, он двинулся в обратный путь, и на нем отправились в Европу новые агенты Мосада, которым предстояло работать во Франции, на Балканах, в Бельгии, в Австрии и в Германии.

*Тысячи беженцев из Европы
прибывают в Палестину*

Прошли весна и лето 1945 года, наступила осень, подули ветры, хлынули дожди. Нужно было купить но-

вые суда — побольше и получше, — суда, которые могли бы перевозить в своих тесных трюмах до тысячи или даже больше человек. И у Мосада появились новые суда: "Энцо Серени", "Палмах", "Браха Фульд". "Пьетро" — некогда гордость мосадовского флота — превратился в судно "эскорта". Внешне казалось, что Бриха не имеет никакого отношения к борьбе за независимость или к развитию ишсува, к росту его оборонспособности. Но в действительности это был один из ключевых моментов. Бриха дала возможность десяткам молодых людей, которым позднее предстояло стать командирами в Войне за Независимость, приобрести большой морской и организационный опыт. Морские операции Мосада не были изолированными действиями — они были частью подготовки вооруженной борьбы и даже началом этой борьбы, достигшей кульминационной точки. По мере того как борьба англичан против нелегальной иммиграции усиливалась и расширялась, Хагана все больше и больше полагалась на различные подпольные вспомогательные "службы", наиболее важные и эффективные из которых занимались изготовлением и приобретением оружия и боеприпасов.

Трудности, связанные с приобретением оружия

Хотя вопрос приобретения оружия был в центре внимания Хаганы с самого ее возникновения, да и задолго до создания Хаганы это была одной из основных проблем Хашомера, в годы Второй мировой войны и сразу после нее эта наиболее засекреченная нелегальная деятельность в Палестине достигла особого размаха. Специальный отдел Хаганы, ответственный за приобретение оружия — он назывался *Рехеш*, — должен был использовать все возможности для раздобывания вооружения и боеприпасов, шла ли речь о покупке или "присвоении" десяти тысяч пуль или о приобретении одного лишь ружья, о краже танка или же о "снятии" оружия с движущегося поезда. Рехеш дей-

ствовал и в Палестине, и за рубежом, и точно так же, как операциями по переправке в Палестину нелегальных иммигрантов, всей его деятельностью занималась поразительно небольшая группа людей (меньше пятидесяти), но это были опытные, преданные своему делу члены Хаганы. Люди из Рехеша в некотором отношении были даже в Хагане особой кастой. Безопасность ишсува зависела прежде всего от оружия, которое было в распоряжении у Хаганы, и если Еврейскому государству суждено было появиться на божий свет, то это тоже благодаря, прежде всего, оружию. На Рехеш возлагалась огромная ответственность, он был строго засекречен, и, разумеется, это была необычайно опасная работа. Рехеш был фактически не более и не менее как подпольем внутри подполья.

Рехеш проводил самые разнообразные операции. Одной из наиболее типичных из них была кража боеприпасов с британских военных баз — такие операции начались в 1945 году. Для них требовалась чрезвычайная осторожность — ящики с боеприпасами стояли в самом центре британского военного лагеря, покрытые брезентом, и их тщательно охраняли. Там были миллионы пуль, но приказ Хаганы ясно гласил: брать можно лишь определенное количество ящиков, чтобы кража оставалась незамеченной. В каждом ящике хранилось тысячи две пуль 303-миллиметрового калибра, и людям из Рехеша нужно было ночью унести из лагеря несколько таких ящиков, обычно через песчаные дюны, к стоящим наготове грузовикам, а затем доставить боеприпасы в особые тайные склады и спрятать там добычу. Эти склады назывались *сликами* — от слова на иврите, означающего "избавиться", и Рехеш проявлял недюжинную изобретательность, создавая и маскируя эти слики.

Очень долго Хагана полагалась прежде всего на взрывчатку: она была недорогая, и ее можно было легко прятать в заплечных мешках саперов. Но в Палестине даже со взрывчаткой было трудно; нужно было доставать особую составную часть, "чилийский поташ"

— удобрение, которое производилось на заводах "Империал кемикл индастриз" (Имперская химическая промышленность); арабы в Хевроне и Шхеме давно уже пользовались им, когда выстрелами из пушек отмечали начало и конец Рамадана. В запыленных комнатах своего крошечного штаба в Хайфе члены Рехеша печатали для исполнителей своих операций специальные карточки и изготовляли поддельные счета и печати — в том числе печать с факсимиле британского инспектора хайфской зоны. Обзаведясь этими внушительными документами и переодевшись в арабов, они получали довольно значительные количества этого столь необходимого им поташа, везли его в ближайший киббуц, пересыпали в мешки из-под сахара, сжигали мешки, в которых они получили поташ на британской базе, а затем хранили поташ в специальном *слике* (тайнике), пока не приезжал грузовик, чтобы отвезти его на подпольную оружейную фабрику.

Ограбление поездов

Многие из тайных арсеналов Хаганы были заполнены оружием, которое пожертвовали еврейские солдаты британской армии — в том числе бойцы Еврейской бригады; и у этих солдат родилась дерзкая мысль добывать оружие с британского военного железнодорожного транспорта. Охрана железных дорог и сопровождение поездов были в числе основных, хотя и малопочетных функций солдат еврейских подразделений. Поэтому вполне естественно, что именно солдатам, охранявшим поезда, пришла мысль пополнять запасы вооружения Хаганы этим опасным, но действенным путем, и ограбления поездов стали ценным способом добывания оружия и боеприпасов. Как только члены Рехеша получали сведения, что там-то и тогда-то в поезд будет грузиться оружие, они начинали долгий процесс подготовки: выясняли, из каких британских подразделений будет состоять конвой данного поезда. Благодаря связям с железнодорожниками, среди которых

было много евреев, Хагана иной раз удавалось отвести поезд на запасной путь, где рехешники распечатывали ящики с оружием и извлекали их содержимое. Главными агентами Хаганы на железной дороге были два брата, Моше и Элиав Пайковичи. Члены Хаганы изучали железнодорожные расписания и сигналы поездов и дотошно выясняли, сколько именно оружия будет погружено на тот или иной поезд, где именно — в каких вагонах — оружие будет находиться, и что это за оружие. Палмахники были обучены на полном ходу вскакивать в поезда, срывать с ящиков печати и сбрасывать ящики с поезда в строго условленном месте — и все это за какие-нибудь несколько минут. Таким образом Хагана обзавелась большей частью своего сигнального оборудования и даже медицинскими приборами. Кое-какое оружие, конечно, добывалось через перекупщиков; арабские контрабандисты тайно доставляли винтовки и пули из Западной пустыни. Бывало, что Хагана помогали и англичане — одни за деньги, другие — из смешанного чувства симпатии к евреям и вины перед ними. Военные организации ишува, находившиеся в оппозиции к Хагана, тоже добывали оружие из британских источников, хотя и не в таких больших количествах.

Деятельности Рехеша в Палестине предстояло приобрести особенный размах и драматизм несколько позднее, непосредственно перед уходом британских войск — в конце 1947 года; об этом речь пойдет ниже. В 1945 же и в 1946 годах центром деятельности Рехеша была Европа. Здесь его деятельность была сложной и многосторонней, например добывание лицензий на импорт, упаковка оружия, переговоры с таможенниками, торговыми компаниями, часовыми на судах и преодоление многочисленных бюрократических преград. Когда-то, в 1922 году, оружие в Палестину посылалось из Вены в мельничных жерновах, а позднее в чемоданах с двойным дном и в паровых катках. В начале тридцатых годов произошел грандиозный провал, когда из Бельгии в Хайфу было доставлено пятьсот цементных

блоков, в которые были замурованы пули; в порту один из этих блоков упал с портального крана, разбился, и его истинное содержимое высыпалось на причал. Ко Второй мировой войне Хагана нашла более хитроумные способы прятать оружие: в мясорубках и в стиральных машинах, которые десятками посылались из Италии.

Попытки использовать затонувшие суда

Война оставила после себя огромное количество самых разнообразных военных материалов. Не все, конечно, можно было перевезти в Палестину и использовать в существующем виде, но Хагана никогда не терялась. Рехешники в Италии работали круглосуточно, ремонтируя, разбирая, упаковывая оружие, снимая хорошо сохранившиеся части с оружия, пришедшего в негодность. Они ничем не пренебрегали — и это хорошо видно на примере их попыток извлечь пользу даже из затонувших, искореженных судов с оружием, лежавших после войны на дне итальянских гаваней. Итальянские рабочие отказывались поднимать суда или разбирать их, но Рехеш решил, что стоит попытаться. Большое количество оборудования затонувших судов оказалось в хорошей сохранности и водонепроницаемым, и таким образом из Италии в Палестину было отправлено достаточно много сухого трюла.

Начинается производство оружия на месте

В самой же Палестине упор делался на изготовление оружия; подпольные оружейные мастерские впервые возникли после арабских бунтов 1929 года, и теперь их работа приобрела особое значение. Местное производство оружия — *Таас* — осуществлялось рядом небольших мастерских и фабрик, которые часто высокопарно назывались "институтами": все они были подпольными, закамуфлированными под мирные предприятия, и самая большая такая фабрика находилась

в помещении сыромятни на берегу моря в Тель-Авиве. Сначала оружие, которое изготовлялось на этих предприятиях, было довольно-таки примитивным: это были, главным образом, консервные банки, начиненные взрывчаткой, и взрыв осуществлялся с помощью зажженной сигареты. Историю первой попытки создания в начале тридцатых годов винтовочной гранаты рассказывает Давид Лейбович, еврей из России — тот самый, который впоследствии, в первые месяцы Войны за Независимость, изобрел "Давидку" — знаменитый тяжелый миномет короткого радиуса действия. Вот что пишет Лейбович: "Меня все время мучила мысль о том, как мало у нас оружия, и я думал, что хорошо бы сделать нашу собственную винтовочную гранату, типа бомбы Миллса. Один плотник из Микве-Исраэль, с которым я был дружен и которому доверял, изготовил для меня деревянную модель. Мы отлили ее в металле, и я представил ее для одобрения командиру Хаганы в Тель-Авиве... Он послал за человеком по имени Исраэль Яспе — этот Яспе изготовлял гранаты у себя на квартире. Вместе с ним мы начали изготавливать винтовочные гранаты — образцом послужила русская винтовочная граната, описание которой мы нашли в какой-то книге. Делали мы ее из электропроводов и водопроводных труб... В конце концов нам удалось изготовить гранату, годную к употреблению. Чтобы ее опробовать, мы отправились на песчаные дюны, выдавая себя за охотников".

Таас и его первая продукция

Затем последовала ручная граната и усовершенствованная пятидесятимиллиметровая винтовочная граната, образцом для которой послужила на этот раз граната американская. Началась повседневная работа Тааса; работали уже не по ночам в задних комнатах конспиративных квартир — производство оружия переехало в так называемую "Комнату". Шел 1935 год. В этой Комнате было налажено скромное, но вполне

квалифицированное оружейное производство. В одном углу изготавливались взрыватели, в другом — заполнялись взрывчаткой и монтировались гранаты. Остальная часть Комнаты служила складом готовой продукции. Затем, помимо Комнаты, появился первый Институт — его называли Институтом А. Когда нужно было, оружие прятали в дубильных чанах, а наружная охрана была постоянно "занята" изготовлением кирпичей вручную. Институт А был оборудован всевозможными предупреждающими устройствами и сигнализацией, в том числе звонками и сигнальными лампочками; англичане так никогда его и не обнаружили. Перевозка деталей из Комнаты в Институт А и другие мастерские осуществлялась подростками — курьерами Хаганы — на велосипедах или верхом на ослах.

До середины Второй мировой войны у Хаганы не было другого автоматического оружия, кроме итальянских "брета", американских браунингов и немецких "шварцлозе", да еще нескольких американских автоматических винтовок "томми", привезенных из Западной пустыни, — они были обгоревшие, часто с пятнами крови, но такое сложное оружие едва ли можно было изготовить кустарным способом. Кто-то высказал мысль, что идеальным оружием для Палмаха была бы британская винтовка "стен", сконструированная в Англии в страшные дни после Дюнкерка: смастерить ее было довольно легко. Рехешники, работавшие в Египте, в конце концов сумели раздобыть одну из первых четырех винтовок "стен", привезенных в Египет; винтовка была доставлена в Тель-Авив. В Институте А изготовили две имитации "стена": одна была точной его копией, а другая — с разборным прикладом. Испробовав их, оружейники решили наладить их массовое производство; но главная проблема заключалась в том, чтобы добыть высококачественную сталь для изготовления ствола. Во время Второй мировой войны в Палестине такую сталь достать было невозможно. Рехеш прочесал все тайные склады в Палестине, и в Институт А были привезены всевозможные допотопного вида

заржавленные ружья, тщательно сберегаемые еще со дней Хашомера; среди них были ружья наполеоновских времен, викторианской Англии, Австро-Венгерской монархии, включая "энфилды" и "винчестеры" семидесятых годов прошлого века.

В "оружейном" уголке Института со старых ружей осторожно отвинчивались стволы; их разрезали, растачивали и приспособляли к таасовским "стенам". Затем эти винтовки отвозились в кибуц Рухама, в пустыне к северо-западу от Беэр-Шевы, и там их испытывали и определяли их калибр. В Палестине не хватало не только стали, но и алюминия. Положение спас безнадежно искореженный самолет британского воздушного флота, совершивший вынужденную посадку около Кесарии. Рабочие Тааса разобрали его до винтика, и алюминиевые детали пошли на производство гранат. Неподалеку, в песчаных дюнах, Таас создал так называемый Институт Королевских военно-воздушных сил, где при слабом свете керосинового генератора производилась переплавка алюминия.

Производство нового оружия

Постепенно Таас расширил свою деятельность. Возникли другие "институты". Кроме различных типов гранат и винтовок "стен", Хагана начала изготавливать снаряды для двухдюймовых и трехдюймовых минометов, а потом и сами минометы. Меры предосторожности были такие строгие, что вплоть до начала массовых обысков, которые англичане начали производить в 1946 году, британские власти и представления не имели, насколько эффективной была работа Тааса. Во время одного из таких обысков в Ягуре были обнаружены десятки двухдюймовых минометов и снарядов к ним. Даже несмотря на странную надпись на миномете — ОЦК (сокращение от слов на иврите "еще один шаг вперед"), — англичане не могли поверить своим глазам: неужели это оружие создано тут, в Палестине? Они послали несколько таких минометов в Англию на

экспертизу; присланный из Англии ответ гласил, что это оружие наверняка было изготовлено в Соединенных Штатах, а в Палестине его только собрали.

В 1945 году Таас впервые наладил производство пуль: их изготавливали в Институте Эйлон, который был построен под прачечной на глубине семи метров под землей и имел звуконепроницаемые переборки. Институт Эйлон помещался в небольшом киббуце, и от вторжения незваных гостей его защищал огромный плакат на воротах, гласивший: "Осторожно! Скот в киббуце поражен ящуром!" А чтобы уж не оставалось никаких сомнений, что киббуц и вправду на карантине, перед входом стоял чан с дезинфицирующим составом. Предосторожности доходили до того, что в киббуце была создана даже специальная мастерская по починке обуви — чтобы кто-нибудь случайно не обратил внимания на кусочки меди или других "отходов производства", которые могли пристать к сандалиям рабочих Тааса. Когда после длительного пребывания под землей кожа у работников Тааса побледнела и лица осунулись, их стали облучать ультрафиолетовыми лучами и усиленно кормить витаминами, чтобы они выглядели не хуже, чем остальные киббуцники.

Таас, как и Рехеш, пользовался услугами удивительно малой группы людей. Они собрались со всей Палестины: среди них были киббуцники, автомеханики, молодые матери, строители и даже несколько профессиональных ученых. Но у всех них было и нечто общее: молчаливость, настороженность и сдержанность. Они трудились в тяжелых физических условиях, всегда на чеку, всегда готовые к тому, чтобы по тревоге наспех собрать свои чертежи и инструменты и мчаться в ближайший слик. Беседовали они на своем собственном, шифрованном языке и облегчали бремя своей трудной жизни тем, что придумывали собственные "внутренние" шутки, понятные только им — "посвященным". Они жили и трудились в обстановке такой герметической секретности, что за все долгие годы существования Тааса англичанам удалось обнаружить не более од-

ной или двух мастерских; и, несмотря на каждодневный риск, только несколько человек получило увечья или погибло. Один из этих погибших (а погиб он при испытании сконструированной в Таасе бомбы, которую можно было сбрасывать с самолета, и случилось это буквально за несколько дней до провозглашения независимости) писал о своих товарищах, с которыми он так долго работал вместе: "Мы — странные субъекты, сотня сумасшедших фанатиков; но, вот увидите, придет день — и от этого нелегального оружия, которое мы тут вручную изготавливаем, будет зависеть судьба этой страны".

Шай и безопасность

Безопасность Тааса, Рехеша, Мосада и практически всей Хаганы в значительной степени зависела от их собственного "сторожевого пса" — подпольной службы разведки, которая называлась *Шай*. Шай был основан в 1940 году Шаулом Авигуром, Иехудой Арази и Давидом Шалтиэлем. Шай (сокращение от слов на иврите "служба информации") занимался не только разведкой и контрразведкой, но также засекречиванием членов Хаганы, верификацией их документов, созданием сети агентов, имевших связь с арабами, и прежде всего сбором информации о работе британской разведки. В Шае работала небольшая группа тесно связанных между собою профессиональных разведчиков, но в своей работе они опирались главным образом на помощь сотен, если не тысяч добровольцев, которые были глазами и ушами Шая и без которых успешная деятельность Шая была бы немыслима.

"Британский отдел" Шая

Так называемый "Британский отдел" Шая не только собирал информацию о том, какие операции англичане собираются предпринять против ишува, но также организовывал "утечку" тщательно продуманной ложной

информации в органы британской администрации в Палестине. Одной из таких "уток" были, например, сведения о численности личного состава и о возможностях Хаганы — цифры, которые обычно намеренно раздувались до невероятных размеров. От всех других разведывательных служб Шай отличался в одном важном пункте: если в нормальных условиях разведывательной службе помогают другие организации, ответственные за безопасность (например, полиция), то с Шаем дело обстоит совсем наоборот. Среди наиболее тонких и деликатных обязанностей Шая была работа с доносчиками и обезвреживание доносчиков. В этой связи любопытны цифры, показывающие, сколько оружия с 1936 по 1947 год англичане конфисковали у арабов и у евреев. У арабов было конфисковано 1376 бомб и почти 5000 револьверов, а у евреев — 650 бомб и гранат и около 360 револьверов; из этих цифр ясно видно, среди кого было больше доносчиков.

Шай также отвечал за меры предосторожности, принимаемые, чтобы не обнаружилась деятельность Тааса и Рехеша. Он следил за тем, чтобы предварительные переговоры об оружейных торговых сделках не оказались ловушками; он заботился о том, чтобы даже офицеры верховного командования Хаганы не знали точного местоположения таасовских мастерских и чтобы эти офицеры не имели возможности туда навестись. Шай обучал и готовил добровольцев для работы на таможне или на почте, где они должны были способствовать ввозу вооружения и боеприпасов в Палестину. Шай завел объемистые досье на арабских лидерах, главарей арабских вооруженных банд и даже на старост арабских деревень. Кроме того, Шай работал со специальными кадрами юристов Хаганы — такими, как Яков С. Шапира, Мордехай Элиаш и Аарон Хотер-Ишай.

Кол Израэль

Особая задача, доверенная Шаю, — и он с радостью принял ее, — была связана с работой подпольной радио-

станции Хаганы Кол Исразль (Голос Израиля), которая сыграла яркую роль в истории маавака, ведя ежедневные дерзкие передачи на иврите, английском и арабском языках.

Эта подпольная радиостанция особенно раздражала англичан — не только потому, что она могла заглушать (и заглушала) переговоры между английскими чиновниками в Палестине и патрульными кораблями, охотившимися за судами хаапалы, но, главным образом, потому, что англичанам никак не удавалось найти передатчик Голоса Израиля. Никакие самые современные технические средства не помогали. Британская разведывательная служба однажды даже заказала очень дорогостоящее оборудование, которое специально привезли из Англии, и вместе с этим оборудованием приехали высококвалифицированные специалисты из Скотленд-Ярда, умеющие с этим оборудованием обращаться, — но и это не дало никаких результатов. Шаю всегда удавалось вовремя предупредить работников радиостанции — и грузовик, на котором был установлен радиопередатчик, переезжал на другое место.

Да и сами передачи Голоса Израиля всерьез тревожили британские власти в Палестине: они тут же переводились, и их ежедневно доставляли в Иерусалим Верховному комиссару Палестины и Генеральному инспектору полиции. Программы Голоса Израиля начинались всегда одинаково: звучало несколько тактов "Хатиквы"; однако звуковой фон часто варьировался. Иногда слушатели отчетливо различали буколическое кудяхтанье или мычание коровы — значит, передатчик находится где-нибудь на скотном дворе; иногда можно было расслышать какой-то типично городской шум; но все это было тщательно продуманным трюком, чтобы сбить англичан с толку.

Шай добывает британский "черный список"

Если уж выбрать какую-нибудь одну операцию из многих, осуществленных Шаем, то, пожалуй, самой

значительной, самой впечатляющей и в то же время очень характерной для Шая было приобретение в мае 1946 года — с помощью одного дружественно настроенного англичанина — "черного списка" британской разведывательной службы, который представлял собою тщательно составленное и помеченное грифом "совершенно секретно" перечисление имен и адресов тысяч членов Хаганы и других подпольных организаций по всей Палестине. Британская разведка потратила не один год, чтобы составить этот список, и она определенно собиралась воспользоваться им, как только власти дадут зеленый свет проведению массовых операций подавления еврейского движения сопротивления. Этот список, объемом в несколько сотен страниц, был позарез нужен Хагане; надо было добыть его из тайника, скопировать и вернуть на место — и сделать все это как можно быстрее. И Шай блестяще справился с этой задачей. На подготовку ушло несколько дней: было куплено все необходимое, чтобы сфотографировать список (фотоаппараты, бумага, химикалии), и в одном киббуце было подготовлено место, где ждали машинистки, готовые засесть за работу. Агенты Шая незаметно проникли в правительственный офис, где хранился список, и так же незаметно выбрались из него; список отвезли к фотографам, те быстро сделали негативы, и эти негативы были выданы машинисткам, которые перепечатали их, считывая с помощью зеркал; отдельные выдержки из "черного списка" отвезли даже в Голос Израиля, который их использовал в своих передачах.

Британский "черный список" содержал многочисленные личные досье на членов подпольных организаций, но в нем были также сведения о том, где, по подозрениям англичан, евреи хранят оружие. Хотя, как мы увидим, англичане заблаговременно и должным образом подготовились к предполагаемому налету на членов Хаганы и на подпольные еврейские организации в июне 1946 года, список, на который они возлагали такие надежды, оказался для них совершенно бесполез-

ным. С самого своего возникновения и до превращения в разведывательную службу Израиля в 1948 году Шай работал столь эффективно, что вполне заслужил комплимент генерала Баркера, командующего британскими войсками в Палестине, который с горечью назвал Шай "разведывательной службой, достигшей совершенства".

Иммиграция в Палестину

В конце этого тревожного лета 1945 года главной заботой ишува была иммиграция евреев в Палестину — а мосадовским судам все реже удавалось успешно прорывать установленную англичанами блокаду палестинского побережья. Бедственное положение беженцев, ухудшение бытовых условий в переполненных лагерях для перемещенных лиц, антисемитские настроения в Европе (особенно сильные в Польше, откуда в панике бежали тысячи евреев) и несговорчивость британского правительства начали привлекать внимание мировой общественности. В результате применения провозглашенных Гитлером законов, против которых мир не возражал и осуществлению которых он не противился, в нацистских концлагерях погибло шесть миллионов евреев. И теперь потревоженная совесть западного мира ставила под вопрос моральное право на существование нынешних законов, провозглашенных Великобританией, — законов, которые не позволяют людям, пережившим нацистский кошмар, начать новую жизнь в своей стране — в Палестине. Однако британские власти были глухи к любым просьбам — даже к посланию президента Трумэна, который обратился к британскому правительству с призывом проявить гуманность и милосердие и разрешить ста тысячам перемещенных лиц из Германии и Австрии въехать в Палестину. Мистер Эттли ответил, что он весьма сожалеет, однако выполнить просьбу президента Трумэна не может. Но если правительство Соединенных Штатов так тревожится о судьбе еврейских беженцев, ему следовало бы

объединить свои усилия с усилиями британского правительства в попытках найти решение палестинской проблемы. Сейчас, по прошествии стольких лет, нам ясно, что если бы Эттли разрешил ста тысячам перемещенных лиц въехать в Палестину, то дальнейшее развитие событий в Палестине и фактически на всем Ближнем Востоке было бы совершенно иным. Однако вместо этого, по уже ставшему классическим образцу, была создана новая комиссия, которой вменялось в обязанность собрать необходимые факты, — уже восемнадцатая комиссия, призванная заниматься палестинским вопросом. Эта смешанная англо-американская следственная комиссия проехала по всей Европе, расспросила сотни перемещенных лиц, а также представителей британских и американских оккупационных властей и британского и американского еврейства, и в феврале 1946 года она прибыла в Палестину.

Конец легальной иммиграции в Палестину

Тем временем кризис обострился. То количество разрешений на въезд в Палестину, которое соответствовало условиям Белой Книги, было исчерпано. Официальной иммиграции евреев в Палестину пришел конец. Британские власти провозгласили новую политику — политику, которую, учитывая положение в Палестине и настроения ее жителей, нельзя охарактеризовать иначе, как хорошо продуманную провокацию: ежемесячно будет выдаваться 1500 разрешений на въезд в Палестину, при условии, что арабы не станут против этого возражать. Арабы, разумеется, возражали. Через некоторое время британские власти скрепя сердце выдали Еврейскому Агентству 1500 разрешений на въезд в Палестину, несмотря на протесты арабов; однако число это было смехотворно малым — оно только укрепило решимость ишува продолжать нелегальную иммиграцию. Началась скрытая борьба: в значительной степени она велась в открытом море. Королевский флот, его катера и эсминцы, Королевские военно-воз-

душные силы и посты береговой охраны, военная полиция, радарные установки — все было пущено в дело. Кроме того, англичане начали задерживать пойманных ими иммигрантов под предлогом, что среди них могут быть нацистские агенты. К концу 1945 года в Атлите — в восьми милях к югу от Хайфы — скопились сотни задержанных нелегальных иммигрантов — в том числе люди, пришедшие в Палестину пешком из Сирии; как стало известно командованию Хаганы, англичане намеревались депортировать этих бедняг обратно в Сирию. Одно дело — тюремное заключение в Палестине и совсем другое — депортация (само это слово вызывало самые чудовищные ассоциации). И тогда верховное командование Хаганы приняло решение освободить задержанных в Атлите. Во многих отношениях Атлитская операция была, по сути дела, началом вооруженного конфликта или даже началом Войны за Независимость. И уж во всяком случае она показала британским властям в Палестине, что евреи не намерены шутить.

Побег из Атлита

Лагерь в Атлите был расположен неподалеку от военной базы, и подход к нему со стороны какого-либо еврейского поселения был очень затруднен. Однако Хаганае удалось "подсадить" в лагерь своих агентов, которые проникли туда под видом учителей, и эти агенты установили контакты с еврейскими нотрим, работавшими в лагере. Были разработаны планы побега. Приказ Хаганы гласил, что беженцев ни в коем случае нельзя подвергать опасности и что только в самом крайнем случае можно открывать огонь. На рассвете 10 октября особый отряд палмахников численностью около двухсот пятидесяти человек разоружил арабских часовых. Небольшой отряд проник в лагерь и подготовил людей к побегу, а другие палмахники блокировали дороги. Побег удался, хотя во время операции было несколько неприятных неожиданностей: беженцы отказывались уйти без своих вещей, а позднее, устав

от долгого пути, они стали бросать свои чемоданы прямо на землю, "пометив" этим дорогу, по которой шли, и облегчив англичанам преследование; была нарушена радиосвязь между отдельными подразделениями Хаганы, и пришлось прибегнуть к помощи пеших на-рочных; британские самолеты с воздуха обнаружили передвижение беженцев, и Хагана прибегла к тактике, которой она стала часто пользоваться в будущем, — она созвала сотни евреев из окрестных киббуцов и городков от Хайфы до Бет-Орена, где скопились бе-женцы, и на дорогах началось такое столпотворение, что невозможно было отличить нелегальных иммигран-тов от добропорядочных граждан, так что британским солдатам и полицейским ничего не оставалось, как убраться восвояси. Никто из беженцев не пострадал, и всем им удалось скрыться. Атлитский побег доказал — если тому требовались еще доказательства, — что Ха-гана в состоянии планировать и осуществлять сложные операции и что ишув поддержит ее всем, чем может. Этот побег послужил также предупреждением, что все британские средства ограничения иммиграции — поезда с войсками и оружием, военно-морские и авиационные заправочные станции и даже гавани, где стояли британ-ские суда, — отныне станут объектами атак еврейского подполья. Через месяц точно таким же образом Пал-мах совершил нападения на приблизительно двести пунктов британской железной дороги от Рош-Ханикры на севере до Газы на юге; и в ту же ночь — символично, что это была годовщина провозглашения Декларации Бальфура — три катера британской береговой охраны были подорваны подрывниками-водолазами Пал-маха при помощи самодельных мин-присосок, и взры-вами было повреждено несколько полицейских участ-ков на берегу.

"Железнодорожная ночь"

Эта так называемая "железнодорожная ночь" была первой операцией, в которой приняли участие все си-

лы движения сопротивления в Палестине, в том числе крайне правая организация "Иргун цвай леуми" (Эцел) и группа "Лохамей херут Исраэль" (Лехи), которую англичане называли бандой Штерна. В этой операции, как и позднее в ряде подобных совместных операций, общее командование осуществлялось Хаганой. Однако, несмотря на соблюдение этого условия, многие члены Хаганы, и в особенности Палмаха, все же возражали против сотрудничества с Эцелом и Лехи: они считали нежелательным слишком большое количество подпольных организаций и считали, что в движении сопротивления необходимо единоначалие; кроме того, говорили они, участие в мааваке — долг каждого еврея, и существование нескольких разрозненных сил сопротивления противоречит концепции единого народа, единой власти и единой армии. Оппозиционные же группы были непреклонны в своем намерении сохранить самостоятельность, объясняя это тем, что есть только один действенный способ борьбы с мандатным правительством, а именно — полное его непризнание; и они считали для себя трудным, а иногда и невозможным, подчиняться суровой дисциплине Хаганы. Тем не менее, в отдельных случаях Эцел и Лехи, хотя и отказывались самораспуститься, соглашались согласовывать свои действия с Хаганой при осуществлении тех или иных операций в рамках общенациональных задач.

"Берл Кацнельсон" и "Шабтай Лозинский"

В течение зимы и весны 1946 года суда Хаганы продолжали прибывать в Палестину, невзирая на то, что англичане принимали все более и более суровые меры, чтобы не подпустить их к берегу. В ноябре двести одиннадцать беженцев высадились на берег с судна "Берл Кацнельсон", несмотря на попытки англичан этому помешать. К берегу приблизился британский военный корабль, с его борта были спущены моторные катера с вооруженными матросами, которые открыли огонь по беженцам; англичанам удалось захватить око-

ло двадцати иммигрантов. Это было первое контрпредупреждение британских властей: Королевский флот отныне без всяких колебаний будет применять силу против нелегальных иммигрантов. Началась неравная борьба.

Фронт этой борьбы вскоре перекинулся в еврейские сельскохозяйственные поселения. Британские власти обратились к "сочувствующему населению" — прежде всего к жителям киббуцов неподалеку от мест высадки беженцев. При поддержке танков, самолетов и артиллерии британские солдаты тщательно прочесали все эти поселения в поисках оружия. Они рассчитывали, что евреи либо покорятся, либо окажут вооруженное сопротивление: оба варианта их устраивали, ведь можно было представить дело так, будто в Палестине разразилось восстание. Однако евреи предпочли третий — неожиданный для англичан — вариант: пассивное сопротивление. Они отказывались называть свои имена, отказывались помогать солдатам, производившим обыски, отказывались расходиться и просто наблюдали за тем, как англичане переворачивают вверх дном их киббуц, безуспешно пытаясь обнаружить беженцев или найти склад оружия.

Метод отказа называть себя наиболее ярко запомнился по истории с судном "Шабтай Лозинский", замаскированным под грузовое судно, якобы державшее курс на Порт-Саид. Приблизившись ночью к палестинскому побережью возле киббуца Ницаним на юге страны, судно повернулось носом к северу. Если бы ему удалось подойти к берегу, беженцы смогли бы, наверное, высадиться совершенно незаметно. Однако разразился шторм, и "Шабтаю Лозинскому" пришлось всю ночь ждать на рейде, в надежде, что море вскоре успокоится. Но не тут-то было: наступило утро, а волны все бушевали. На горизонте появился британский эсминец, а в небе стал кружить самолет Королевских военно-воздушных сил. Единственным выходом оставалось посадить судно на мель; но и тогда невозможно было бы высадить иммигрантов на берег. И вот по всей

округе раздался призыв о помощи; через час в Ниццим стали стекаться тысячи евреев — но одновременно с ними появились и британские солдаты. И тогда командир отряда Палмаха, командовавший высадкой, принял отчаянное решение — он приказал своим людям: "Плывите к судну, и когда иммигранты начнут прыгать в воду, — хватайте их и помогайте им добраться до берега". Одного за другим беженцев стали переправлять на берег. Эсминец из-за шторма не мог подойти ближе, поэтому он спустил моторные катера, но волнение на море все еще было слишком сильным, и несколько катеров перевернулось. Англичане захватили лишь сто двадцать пять продрогших, промокших и измученных беженцев — тех, кто был слишком стар, болен или напуган, чтобы прыгать с борта в воду. Остальные же семьсот двадцать три иммигранта растворились среди стоявших на берегу людей. Солдаты отчаянно пытались отсеять беженцев от местных жителей и арестовать беженцев и членов Хаганы. Но толпа на берегу знала, что делать. На все свои вопросы англичане получали один и тот же ответ: "Кто я такой? Я еврей из земли Израиля". У палестинцев были удостоверения личности, и одевались они иначе, чем иммигранты, поэтому они во мгновение ока стали меняться с новоприбывшими брюками и рубашками, юбками и блузками, и по рядам скопившихся на берегу людей пронесся клич: "Сжечь удостоверения!" На песке запыхали две груды документов, и все евреи — палмахники, беженцы и местные жители — взялись за руки и пустились в пляс вокруг костров. В конце концов англичане, отчаявшись разобраться в этой искусственно созданной неразберихе, арестовали всех без разбора, но прошли месяцы, пока они сумели разобраться, кто есть кто.

Чрезвычайное положение

Зимой 1945—1946 годов судно Хаганы "Хана Сенеш" отошло от итальянского побережья с "грузом" бежен-

цев. Ему удалось ускользнуть от британских морских патрулей, но, приближаясь к берегу около Нагарии, оно наткнулось на песчаную косу и накренилось. Кто-то из Мосада предложил обратиться за помощью к англичанам, но командир отряда Палмаха, ответственный за операцию, решил образовать живую цепь и по ней переправить беженцев на берег. На рассвете, когда на берегу появились британские полицейские, разбитое и покинутое судно лежало на мели, а около него оставался лишь бело-голубой флаг и промокший кусок бумаги, извещавшей англичан, что "они" благополучно выбрались на сушу. Англичане дали понять, что они получили это извещение, тем, что вычли число беженцев, прибывших на "Хане Сенеш" из официальной месячной квоты в 1500 человек. Но, кроме того, потеряв терпение, британские власти в Палестине издали приказ о введении в стране чрезвычайного положения. Отныне каждый еврей рассматривался как потенциальный правонарушитель, и каждый британский солдат, сыщик и констебль облакался почти неограниченной властью. Палестина снова управлялась по законам военного времени.

В этой атмосфере враждебности и подозрительности в мае 1946 года был обнародован отчет Англо-американской комиссии. В нем, в частности, содержалось предложение допустить в страну в короткий срок сто тысяч иммигрантов и отменить введенные в 1940 году ограничения на продажу евреям земли, а также продлить утвержденный Лигой Наций британский мандат на Палестину с целью создания в стране органов местного самоуправления. Британское правительство сразу же отвергло предложения комиссии — но при этом согласилось, однако, выдать сто тысяч разрешений на въезд в страну, при условии, что евреи распустият, как выразился мистер Эттли, "свои частные армии". На конференции лейбористской партии Эрнест Бевин ясно дал понять, что решение правительства преследует только одну цель: уничтожение Хаганы. Это решение послужило поводом для двух событий, одно из кото-

рых было связано с основанием новых сельскохозяйственных поселений, а другое — с иммиграцией.

Разрушение и восстановление Бири

Весной 1946 года британский патруль остановил автобус на севере Палестины. Ни у кого из пассажиров не оказалось ни оружия, ни документов, однако что-то в поведении группы молодых людей, сидевших в конце автобуса, насторожило британских солдат: они выглядели как бойцы Палмаха (и они в действительности ими были). На основании закона о чрезвычайном положении эти молодые люди были арестованы. Палмах попытался их освободить, но неудачно, — хотя группе, выполнявшей это задание, удалось скрыться. Разыскивая ее, английский военный отряд появился в маленьком северном поселении Бирия на горе Ханаан, арестовал в ней всех мужчин, разрушил деревню и расположился лагерем на ее территории, как маленькая оккупационная армия. Лидеры ишува решили не оставлять разрушенного поселения и построить рядом новую Бирию — невзирая даже на то, что, согласно Белой Книге, в этой зоне евреям селиться запрещалось, хотя бы они и были владельцами земли. Для операции выбрали день, совпавший с годовщиной Тель-Хая. В Бирию двинулись тысячи евреев из всей Галилеи и члены молодежного движения и школьники со всей страны; они несли с собой строительные материалы, саженцы и сельскохозяйственные орудия. Они прошагали всю ночь под морозящим дождем, и когда взошло солнце, англичане увидели, что евреи создали новую Бирию: поставили палатки, высадили саженцы и построили забор. Все было как в дни до Второй мировой войны, только тогда стены и башни ставили засветло, чтобы уже в первую ночь можно было отразить арабский набег, а теперь нужно было избегать англичан и поэтому работать не днем, а ночью. Евреи выставили плакаты и лозунги, и в девять часов утра состоялась краткая церемония с пением "Хатиквы". Британский

окружной комиссар в Цфате предупредил, что солдаты, уже раз снесшие деревню с лица земли, сделают это снова; и днем появились британские танки, которые свалили палатки и высаженные ночью деревья.

Однако некоторые из поселенцев отказались сдвигаться с места, и солдаты тоже остались, чтобы наблюдать за ними. На следующий день в Бирии появилось еще несколько сотен евреев, чтобы снова отстроить поселение. На четвертый день британская армия послала своему отряду в Бирии подкрепление — то же сделал и ишув. Несмотря на то, что была суббота, работа продолжалась. В воскресенье британские власти обнародовали официальное заявление: в Бирии разрешается остаться двадцати евреям. Это была уже моральная победа, достойная дань памяти защитников Тель-Хая; но это лишний раз убедило британское командование, что с Хаганой необходимо покончить.

Другое поражение англичан, которое побудило их принять быстрые и решительные меры против Хаганы, было в итальянском порту Специя, где под нажимом британских властей было задержано два мосадовских судна с беженцами. Тысяча двести человек отказались покинуть суда и заявили, что если их заставят это сделать, они потопят корабли и погибнут сами. Как и события в Бирии, этот эпизод приводил на память былые времена, и, как и в Бирии, британские власти сначала отказывались уступить. Королевская морская пехота заняла позиции на палубах; беженцы же разобрали часть машинного оборудования судов и объявили голодовку. Они были в ужасном состоянии, и попытки англичан преследовать суда Хаганы даже в Европе, а не только в Палестине, получили весьма нежелательную для британских властей огласку, которой еще более способствовало то, что в Палестине пятнадцать лидеров ишува в знак солидарности с беженцами в порту Специя также объявили длительную голодовку. В конце концов оба судна под грозным британским эскортом отплыли в Палестину, но при этом был совершен обычный, пунктуально соблюдавшийся обряд вычита-

ния этого числа беженцев из месячной иммиграционной квоты.

"Макс Нордау"

Прелюдией к принятым британскими властями мерам пресечения деятельности Хаганы послужило событие 14 мая 1946 года. Около самых берегов Палестины было задержано судно Хаганы "Макс Нордау" (названное по имени выдающегося сионистского лидера и мыслителя). Это было самое крупное транспортное судно Хаганы — на его борту было 1760 мужчин, женщин и детей, у которых были визы на въезд в Мексику (они служили им выездными визами). Кроме того, "Макс Нордау" был первым судном с иммигрантами, отплывшими из советской зоны влияния; за ним должны были последовать другие рейсы из румынских, югославских и болгарских портов, куда прибывали евреи через транзитные пункты в Чехословакии, Польше и Венгрии. Пассажиры "Макса Нордау", среди которых было около трехсот сирот, были взяты под стражу и отправлены в лагерь в Атлите, команда судна была арестована, а само судно конфисковано британскими властями и поставлено в специальный док в Хайфе, оборудованный для таких судов, — там уже стояли мосадовские суда "Энцо Серени", "Тель-Хай" и "Уингейт". Ответная операция Палмаха не заставила себя долго ждать: было взорвано одновременно одиннадцать мостов, соединявших Палестину с соседними государствами. Десять мостов были либо совершенно разрушены, либо сильно повреждены; и в завязавшихся после взрывов схватках погибло четырнадцать палмахников. "Ночь мостов", в которой участвовали сотни британских солдат и полицейских, лишний раз подтвердила то, что англичане и так прекрасно знали: в качестве британской военной базы Палестина будет куда как не идеальным местом. Генерал Баркер лично посетил Хаима Вейцмана, президента Сионистской организации, и предупредил его, что таких инцидентов Вели-

кобритания больше не потерпит, хотя в то же время он дал самую высокую оценку храбрости и действенности Хаганы.

Через двенадцать дней, 29 июня, сто тысяч солдат и тысяча пятьсот полицейских окружили несколько десятков еврейских поселений, ворвались во все еврейские национальные учреждения (включая Еврейское Агентство), фактически подвергнув их блокаде, ввели комендантский час во всех крупных городах с преобладающим еврейским населением и заключили примерно три тысячи евреев в тюремные лагеря в Атлите, Рафияхе и Латруне. В двадцати семи поселениях был проведен тщательный обыск с целью обнаружения оружия (для проведения обысков потребовалось ни много ни мало — три дивизии), сотни поселенцев были взяты под стражу и согнаны в специальные загоны, огороженные колючей проволокой, и в киббуцах все было перевернуто вверх дном. Большинство лидеров Хаганы, заранее предупрежденные благодаря тому, что Шаю заблаговременно удалось достать британский "черный список", вовремя скрылись, и англичанам удалось найти сравнительно мало оружия, за исключением центрального арсенала Хаганы, обнаруженного в киббуце Ягур. От руководства всех поселений требовали опознать и назвать по имени всех членов своих киббуцов, и подозрительных англичане собирались арестовать как членов Палмаха. Однако и на этот раз поселенцы отказались сотрудничать с властями, и называли они себя не иначе как "палестинские евреи". От Черной субботы, как стали называть этот субботний день в июне, уже не было пути назад: весь ишув отныне должен был быть готовым к тюрьме или к изгнанию, и в результате в Палестине возникло совершенно новое ощущение осадного положения. Все были готовы стоять до конца, заплатить любую цену за свободную иммиграцию.

Хагана произвела в своих рядах еще одну реорганизацию, создала новые арсеналы, разработала новые шифры и ушла глубже в подполье. Были изменены

имена и удостоверения личности членов Хаганы, шоферы Рехеша, Тааса и Шая получили новые — искусно подделанные — водительские права, и командиры Хаганы при помощи самых элементарных средств несколько изменили свою внешность: Ицхак Садэ отстриг бороду, другие надели очки, третьи отказались от шортов и рубашек цвета хаки и облачились в обыкновенные городские костюмы. Началась вторая фаза маавака.

Депортация на Кипр

К августу 1946 года Палестина превратилась в совершеннейшее полицейское государство. К палестинским берегам прибывал один корабль за другим (теперь уже команды на них состояли исключительно из палестинских евреев); переполнялись тюремные лагеря; и британские власти, в ярости и не желая уступать, предприняли еще один безжалостный шаг: они стали депортировать нелегальных иммигрантов из Палестины в специальные лагеря на Кипре, а кроме того, развили гораздо более активную деятельность за границами Палестины — в частности, оказывали нажим на латиноамериканские страны, требуя, чтобы те не предоставляли беженцам въездных виз. Бриха осложнилась, предстояло найти новые маршруты, по которым можно было ночью переправлять беженцев через леса и долины. Однако границы европейских стран не были еще полностью закрыты; и на тайных тропах люди доброй воли протягивали беженцам руку помощи. Да, в конце концов, даже Кипр был все-таки ближе к Палестине, чем лагеря перемещенных лиц в Германии или Италии.

Телесные наказания и смертная казнь

Однако продолжавшаяся иммиграция и создание новых поселений перед лицом все более суровых и часто совершенно бессмысленных британских репрессий были не единственными заботами, которые легли на пле-

чи Хаганы в эти трагические месяцы 1946 и начала 1947 года. Оппозиционные организации, которые выражали мнение лишь ничтожного меньшинства в ишуве, отказывались подчиняться национальному руководству и по своей инициативе проводили против англичан жестокие операции возмездия. Когда британские солдаты начали подвергать пойманных террористов телесным наказаниям, члены Эцела также стали похищать британских солдат и наказывать их кнутом. Когда британские суды приговаривали членов Эцела и Лехи к смертной казни, Эцел и Лехи убивали англичан, и однажды Эцел взорвал крыло отеля "Царь Давид", где помещались британские административные учреждения. Хагана — измученная, истощенная, обеспокоенная — отказывалась одобрить принцип хладнокровных убийств, каковы бы ни были мотивы или обстоятельства. Руководство Хаганы питало отвращение к самой идее террора: и потому, что оно не могло согласиться с карательными мерами против отдельных людей, и потому, что террор безусловно мог послужить для англичан поводом к жестоким и массовым репрессиям против всего ишува. Однако британские власти уже больше ничто не сдерживало: правительство реагировало на операции отколовшихся от Хаганы организаций не как на действия нескольких сотен горячих голов, которых большинство ишува открыто осуждало, а как на дикие выходки всего еврейского населения. Комендантский час, депортации без суда и следствия, массовые аресты, целый ряд других карательных мер — все это было направлено против всего ишува и, в особенности, против Хаганы. Британским солдатам, и без того напуганным, было запрещено общаться с еврейским населением. Чиновники британской гражданской администрации запирались, как в крепостях, и превращали свои конторы и учреждения в осажденные лагеря, защищаемые усиленной вооруженной охраной и рядами колючей проволоки; а военные бомбардировали Лондон требованиями начать против евреев открытую войну и вели себя (а может быть, и чувство-

вали тоже), как оккупационный гарнизон во вражеской стране. День и ночь по улицам палестинских городов громыхали танки; ни один еврей не был застрахован от унижительных обысков или от опасности быть арестованным; *habeas corpus** перестал применяться в Палестине. Тень, павшая на Палестину, теперь могла только сгущаться — и так это произошло.

Подобно тому, как осуществлением нелегальной иммиграции ишув бросал вызов британской политике ее ограничения в соответствии с Белой Книгой, создание новых поселений в запрещенных зонах являлось вызовом Белой Книге по другому жизненно важному вопросу. За одну ночь в Негеве и в прибрежной равнине возникло одиннадцать новых поселений, и это продемонстрировало британским властям, что никакие запреты селиться на земле Палестины не возымеют действия, что евреев больше никогда не загнать в черту оседлости. Поддержка, которую ишув оказывал своему выборному руководству, лишала Палестинское правительство возможности управлять страной и все более превращала это правительство в глазах ишув в чистую фикцию. А военные операции Хаганы подчеркивали значение еврейского подполья как важного фактора на Ближнем Востоке.

В 1947 году мандатному правительству оставалось принять только одно из двух возможных решений: либо Палестина будет до бесконечности оставаться военным лагерем, в котором многие годы придется содержать в условиях постоянной опасности огромную и дорогостоящую армию против смехотворно немногочисленного, ожесточенного, озлобленного и упрямого противника — и никакого при этом просвета ни для одной из сторон, — либо Великобритания после тридцатилетнего управления Палестиной должна отказаться от нее, вывести свои войска, снять с себя тяжелую и неблагоприятную ответственность за эту страну, и пусть

* *Habeas corpus* (лат.) — закон о неприкосновенности личности, принятый английским парламентом в 1679 году.

другие расхлебывают кашу. Жребий был брошен: в феврале 1947 года мистер Бевин объявил в Палате общин, что Британское правительство передает палестинский вопрос на рассмотрение в ООН. Казалось маловероятным, что англичане, как бы им ни приходилось туго, действительно уйдут из Палестины, однако ООН ничего не оставалось, как создать особую Комиссию ООН по Палестине (сокращенно — УНСКОП, от английских слов "United Nations Special Committee on Palestine"). Эта Комиссия, как и многие до нее, должна была посетить Европу и Палестину. Однако в одной Комиссии УНСКОП была уникальна: это был первый международный, а не английский или американский, орган, которому предстояло разобраться в палестинской проблеме, и эта комиссия отвечала уже не перед правительством Великобритании или США, а перед представительным собранием народов мира. Комиссии было поручено к 1 сентября 1947 года подготовить доклад для Генеральной Ассамблеи Объединенных Наций, в котором следовало принять во внимание "все вопросы и факторы, имеющие отношение к данной проблеме".

УНСКОП посещает Палестину

В июне 1947 года Комиссия, состоявшая из одиннадцати членов и большого секретариата, прибыла в Палестину. Она разъезжала по стране в автоколонне из двадцати шести машин; страна, по выражению одного из членов Комиссии — гватемальца Хорхе Гарсии Гранадоса, "состояла из вооруженных людей, притаившихся в ожидании". Члены комиссии опросили всех палестинских общественных деятелей, за исключением арабских лидеров, которые отказались признать полномочия комиссии; они беседовали с представителями ишува и с представителями британской администрации в Палестине, а позднее встретились также с руководителями арабских государств. Подобно тому, как сделала когда-то Англо-американская комиссия, УНСКОП по-

бывала также в Германии и в Австрии, опросила множество перемещенных лиц и собрала несколько томов записей.

А тем временем британские власти пошли на совершенно непонятный и чрезвычайно вредный для себя шаг: стремясь продемонстрировать, до какой степени нестерпимым стало для них положение в Палестине, они сделали то, что еще год назад было бы совершенно немыслимым. Всем известна история судна "Эксокус": он вышел из Гамбурга и в июле 1947 года прибыл в Палестину с 4500 иммигрантами на борту, но англичане повернули его назад и вместе со всеми пассажирами под эскортом отвели назад в Германию. На эту тему написаны книги и поставлены фильмы. Члены УНСКОП лично опросили беженцев с "Эксокуса", они своими ушами услышали невероятный рассказ о том, как британские солдаты взобрались на палубу судна — в полевом обмундировании, в шлемах, с противогазами, с пистолетами, гранатами и дубинками в руках. И, поняв глубину решимости еврейского подполья, члены УНСКОП попросили разрешения встретиться с офицерами Хаганы. Три члена комиссии получили это разрешение. Были приняты строжайшие меры предосторожности, и встреча с командованием Хаганы стала для членов УНСКОП откровением: они впервые поняли, что Хагана — это действительно независимая организация. Хорхе Гарсия Гранадос, пересказывая эту беседу, цитирует слова одного из анонимных офицеров Хаганы — слова, в которых содержится определение того, что по сути дела представляет собою Хагана; это определение позднее оказало важное влияние на выводы комиссии: "Мы не шайка заговорщиков, не частная армия и не политическая группировка, — сказал этот офицер. — У нас нет других политических целей, кроме служения еврейскому народу... Мы — свободная национальная добровольческая армия, в рядах которой служит практически каждый еврейский юноша и каждая еврейская женщина, способные носить оружие. Наши воинские части находятся во всех

без исключения городах и селениях Палестины... практически — в каждом доме. Наши бойцы — это люди, представляющие все партии и социальные группы”.

Председатель УНСКОП, шведский судья Эмиль Сандстрем, спросил представителя Хаганы, считает ли его организация, что для еврейского населения Палестины может быть приемлем какой-либо план раздела страны, и если да, то сможет ли Хагана справиться с нападением арабов в широком масштабе в случае неизбежного противодействия арабов созданию Еврейского государства. Тот же вопрос задали члены Англо-американской комиссии в 1946 году командующему британскими войсками в Палестине; тогда генерал Д'Арси ответил: ”Если вывести британские войска, Хагана завтра же овладеет положением в стране и сможет защитить Палестину против всего арабского мира”. Теперь члены УНСКОП получили — на этот раз уже от самих командиров Хаганы — такой же утвердительный и недвусмысленный ответ.

В августе 1947 года в Женеве комиссия начала подготавливать свои предложения для Генеральной Ассамблеи ООН. Восемь из одиннадцати ее членов настаивали на том, что существует лишь одно решение палестинской проблемы — именно то, которое предлагали задолго до них члены Комиссии лорда Пиля: раздел Палестины на два государства и интернациональный анклав, состоящий из Иерусалима и его окрестностей; эти государства и иерусалимский анклав должны быть связаны экономическими соглашениями. Меньшинство, состоявшее из представителей стран с большим мусульманским населением (Индия, Иран и Югославия), предложило создать федеральное арабско-еврейское государство. В полночь 31 августа в бывшей резиденции Лиги Наций члены УНСКОП подписались наконец под докладом, который должен был быть предложен Генеральной Ассамблее. Когда они подписывали доклад, оставалось пять минут до истечения срока, оговоренного в поручении.

План раздела Палестины

Реакцию арабов, евреев и англичан на выводы комиссии можно было предугадать. Сионистская организация, отметив, что раздел Палестины на два государства влечет за собой для евреев потерю важной части территории, все же со сдержанной радостью дала согласие на раздел Палестины и призвала к немедленно прекращению британского мандата. Арабы заявили, что они отвергают оба плана: и большинства, и меньшинства; вся Палестина должна была, по их мнению, стать арабским государством, иначе война на Ближнем Востоке неизбежна. Англичане, радуясь, что наконец избавятся от мандата на Палестину, тем не менее двусмысленно провозгласили свою готовность оказать поддержку только такому плану, который будет приемлем как для арабов, так и для евреев. Иными словами, они отказались от сколько-нибудь реального содействия осуществлению плана раздела. Соединенные Штаты, со своей стороны, заявили, что, если не считать нескольких мелких деталей, они целиком поддерживают план раздела; подобное же заявление сделал и Советский Союз. В то время, как Британское правительство хотело, чтобы и волки были сыты и овцы целы, две крупнейшие державы мира, два колосса 1947 года официально полностью присоединились к предложению большинства членов УНСКОП.

УНСКОП рекомендует прекратить британский мандат

Дебаты и обсуждения в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке продолжались более двух месяцев. 10 ноября комиссия ООН по Палестине, выслушав целый ряд возражений, соображений и уточнений, внесла в план раздела некоторые поправки и обнародовала окончательный текст доклада: он призывал Великобританию вывести свои войска из Палестины к 1 мая 1948 года. Срок создания двух государств сокращался до двух

кие цели "священной войны" и перспективы богатой добычи, имели мало общего с арабским населением Палестины, к которому относились с презрением, чего даже не пытались скрывать. Арабские командиры часто были ненадежны, и не было у них под началом достаточного количества опытных младших офицеров. Отдельные командования нередко состояли из талантливых и мужественных офицеров, но они были неспособны и непривычны к координированным операциям. Арабские стрелки, прославившиеся умением наносить короткие удары с последующим отходом, плохо проявляли себя при выполнении тщательно подготовленных операций, требовавших коллективных, слаженных действий. Все эти недостатки арабских армий коренились в самой структуре арабского общества — как палестинского, так и соседних стран.

Здесь нельзя не упомянуть и мотивов, которыми руководствовались воюющие стороны. У евреев был простой и ясный выбор: либо победить, либо погибнуть. В конце концов именно это помогло ишуву выиграть войну. Арабов же вдохновляли эмоции, не имеющие ничего общего с борьбой за дальнейшее существование, и эти чувства в конечном итоге оказались недостаточно вдохновляющими для выполнения задачи, которую арабы перед собой ставили.

В самой Палестине накануне войны проживало более миллиона арабов. Из них, правда, только 6000 человек были опытными ветеранами Второй мировой войны; однако почти все арабские крестьяне с детства приучались владеть оружием и имели хотя бы элементарные познания о партизанской войне. Кроме того, сотни арабов служили в арабских подразделениях палестинской полиции, и около 2000 человек — в трансйорданских пограничных войсках (в начале 1948 года британские военные власти распустили целый батальон таких солдат, которые, таким образом, освободились для службы в арабских вооруженных отрядах). Трансйорданский Арабский легион — бедуинская армия под командованием английских офицеров — имел в своем

составе около 7400 человек. И к 30 ноября 1947 года в Палестине уже находилась в состоянии боевой готовности Арабская освободительная армия, финансируемая арабскими государствами через Арабскую лигу. Когда Великобритания вывела свои войска, в войну официально и активно вступили Трансиордания, Сирия, Ливан, Ирак и Египет — страны с общим населением около 40 миллионов человек.

Для большинства ишува 30 ноября 1947 года было днем праздника, массового веселья и молитвы, несмотря даже на сообщение о том, что арабы напали на автобус, шедший в Лод, и при этом погибло семь евреев. На следующий день палестинские арабы объявили трехдневную забастовку. Давид Бен-Гурион явился на прием к Верховному комиссару Палестины сэру Аллану Каннингему. Сэр Аллан принял председателя Еврейского Агентства холодно, даже не позддравил его.

— Вас, наверно, устраивает резолюция, — вот все, что он сказал.

Бен-Гурион попытался начать обсуждать с сэром Алланом будущее Палестины. Он попросил дать ему фотокопии актов регистрации земель, информацию об источниках снабжения страны продуктами питания и топливом, и попросил разрешения на создание вооруженной милиции, которая в течение переходного периода следила бы за соблюдением законности и порядка и сопровождала еврейский транспорт на главных дорогах, большинство из которых пролегало через районы, населенные арабами. Верховный комиссар обещал подумать и дать ответ. Через день ишув был потрясен еще одной вестью: арабская толпа в Иерусалиме подожгла еврейский торговый центр. По словам очевидцев, британские полицейские стояли поодаль, ничего не предпринимая, а когда Хагана попыталась вмешаться, они оказали ей противодействие. Такие происшествия участились; и радостное настроение ишува сменилось озабоченностью и тревогой.

Последующие недели оказались весьма напряженными. В Каире состоялась конференция Арабской лиги,

которая постановила послать войска (под видом добровольцев) во все соседние с Палестиной арабские государства. Начался процесс арабской инфильтрации в Палестину, и англичане не сделали ничего, чтобы его предотвратить или замедлить.

7 декабря Верховный комиссар вызвал к себе Бен-Гуриона. Британские власти, заявило Его Высокопревосходительство, решили как можно скорее вывести свои войска из Палестины. Конечно, это — сложная операция, и на нее нужно время. У Британской армии в стране большие склады с разными запасами, и перед уходом все это нужно привести в порядок. Бен-Гурион спросил, для кого предназначаются эти запасы, но Верховный комиссар на этот вопрос не ответил.

Бен-Гурион возвратился в Тель-Авив и провел серию срочных совещаний с руководством ишува и с верховным командованием Хаганы. Именно на одном из этих совещаний был выработан фундаментальный принцип, который всю весну был для ишува руководством к действию и который в конечном итоге обеспечил Израилю победу. Как показывала карта раздела Палестины, территория, которую ООН отвела еврейскому государству, была, как древняя Галлия*, разделена на три области: северную, центральную и южную (Негев). В северной области, от Метуллы до Тират-Цви, евреи были меньшинством, рассеянным среди арабов и со всех сторон окруженным ими; в центральной области, от Акры до Беэр-Тувии, евреи составляли большинство населения, а с запада было море. Но даже здесь дороги контролировались арабами. Иерусалим легко можно было отрезать, а населенная арабами Яффа являлась постоянной угрозой для Тель-Авива; Негев демографически был подобен северной области,

* Согласно свидетельству римского полководца Кая Юлия Цезаря, завоевавшего Галлию (нынешняя территория Франции) в 58—51 годах до новой эры, Галлия делилась на три самостоятельные этнические части: Аквитанию, собственно Галлию (центральная Франция) и Бельгику.

(Хиш) общей численностью 9500 человек в возрасте от 18 до 25 лет, еще не прошедших полного боевого обучения, и внутренней охраны, или милиции (Хим), в которой служило 30000 мужчин и женщин в возрасте свыше 25 лет: некоторые из них были выходцами из киббуцов и мошавов, другие — горожанами, и все они в случае чрезвычайного положения должны были встать на оборону своего государства. Помимо этого, существовала еще *Гадна* (сокращение от слов на иврите, означающих "молодежные батальоны"): 9500 юношей и девушек, которые прошли какую-то элементарную боевую подготовку и могли служить сигнальщиками и связными.

*Ветераны Британской армии
и "выпускники" лагерей перемещенных лиц*

Костяком только еще оперяющейся еврейской армии были 32000 ветеранов палестинских воинских частей Британской армии и Еврейской бригады, служившие теперь в различных подразделениях Хаганы. Эти люди обладали бесценным для ведения военных действий боевым опытом — особенно в таких областях, как артиллерия, управление и материально-техническое снабжение.

Были в еврейской армии и бойцы, мобилизованные Хаганой еще когда они находились в лагерях для перемещенных лиц в Германии и на Кипре. Их, конечно, нельзя было обучать с помощью настоящего оружия и боеприпасов, поэтому эти люди — а их были сотни — проходили боевую подготовку с деревянными ружьями и учебными патронами. Тем не менее, когда было провозглашено Государство Израиль и они приехали наконец в страну, куда их так долго не пускали, они — как и многие другие — отправились прямо с судов на поле боя. Однако до 15 мая 1948 года — то есть до окончания мандата — они не играли никакой роли в войне.

Другим источником живой силы, который появил-

ся уже после ухода англичан и начала "официального" вторжения, был поток иностранных добровольцев, главным образом молодых евреев из западных стран: создание Государства Израиль воодушевило их, и они поспешили на помощь стране, оказавшейся в опасности с момента своего рождения. Таких добровольцев было немного, всего несколько сот человек, но они сыграли важную роль в создании израильских бронетанковых и военно-воздушных сил и артиллерийского и медицинского корпусов. Однако в тот момент, когда раздалась первые выстрелы Войны за Независимость, эти люди были еще далеко от Палестины.

Кроме того, в Палестине существовало еще несколько небольших, не входивших в Хагану подпольных военных организаций; самая крупная из них — Иргун цвай леуми (Эцел) — могла выставить от двух до трех тысяч бойцов, многие из которых, правда, успели пройти лишь поверхностное военное обучение; а группа Лохамей херут Исраэль (Лехи) состояла из нескольких сотен добровольцев, обученных, главным образом, диверсионной деятельности.

Запасы оружия, которым располагала Хагана, выглядели куда как не обнадёживающе: произведенная перед самой войной инвентаризация мало чем могла порадовать верховное командование: у Хаганы было 10073 винтовки (из них около 9000 было распределено по стране и лишь 1350 находились на центральном складе); вся артиллерия Хаганы состояла из 672 двухдюймовых и 96 трехдюймовых минометов; не было ни одной пушки, ни одного танка, и ничтожно мало военно-транспортных средств. Правда, за границей было уже приобретено оборудование для производства современного оружия (это оборудование весило несколько тысяч тонн), но привезти его в Палестину до ухода англичан не представлялось возможным. Рехеш активизировал свою деятельность по добыванию оружия, но того, что пока имелось в наличии, было явно недостаточно для выполнения стоявших перед еврейской армией задач. "Военно-воздушные силы", в 1947 году

выделенные из Палмаха в самостоятельный род войск, состояли из 9 легких самолетов (из которых лишь 2 были двухмоторными), и по всей Палестине той зимой насчитывалось всего сорок еврейских пилотов; двадцать из них были "выпускниками" Королевских военно-воздушных сил.

Силы арабов

А чем располагали арабы? Их силы во много раз превосходили силы евреев. Не говоря уже о том, что, напав первыми, арабы захватили инициативу, и это обеспечило им на много недель тактическое преимущество; в их распоряжении были ресурсы Палестины и всего арабского мира, который поднялся на помощь вторгшимся в Палестину армиям. Большинство густонаселенных арабских районов находилось в непосредственной близости один от другого, что обеспечивало арабам глубокий тыл и свободное передвижение с одного фронта на другой, тогда как редко каких два еврейских района соприкасались один с другим. Кроме того, арабы в целом контролировали большую часть гористых районов Палестины, и оттуда им было легко атаковать лежащие в долинах еврейские города и селения. Обладали арабы и преимуществами, не имеющими отношения к топографии: абсолютным превосходством в вооружении и подавляющим превосходством в живой силе — как в добровольцах, так и в потенциальных призывниках. Наконец, на стороне арабов было ощутимое сочувствие и поддержка англичан.

Сравнение, однако, не будет полным, если не упомянуть и о недостатках арабских вооруженных сил, — недостатках, которые проявились с первых дней войны. Ни на одном этапе военных действий среди арабов не было достаточной сплоченности и единства, и они так и не сумели создать объединенного командования. Вторгшиеся в Палестину из других стран в составе арабских армий "добровольцы" и солдаты, которых, как предполагалось, должны были вдохновлять высо-

месяцев. Предлагалось также создать специальную комиссию ООН, ответственную непосредственно перед Советом Безопасности, которая должна была контролировать создание обоих государств и поддерживать в них порядок в течение первых двух месяцев из существования.

ООН утверждает создание Еврейского государства

29 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея ООН большинством в две трети голосов приняла рекомендации большинства УНСКОП: тридцать три государства голосовали за эти рекомендации, шесть — против и десять, в том числе Великобритания, — воздержались. Волей и попечительством ООН возникло первое государство. Мир санкционировал создание Еврейского государства. Мечта, которая вдохновляла когда-то основателей сионистского движения и первых поселенцев, пионеров Второй алии, солдат Еврейского легиона, Еврейской бригады и Хаганы, да и самих репатриантов, — мечта о независимости, о свободе, о национальном очаге для евреев, — теперь эта мечта почти сбылась. Но уже в тот тревожный ноябрьский вечер было ясно, что рождение и дальнейшее существование Еврейского государства будет связано с огнем и кровью.

6. ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

РАЗДЕЛ. СИЛЫ АРАБОВ И ЕВРЕЕВ.
ПАДЕНИЕ ЭЦИОНА. ОСАДА ИЕРУСАЛИМА.
ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ.
ВТОРЖЕНИЕ. ПОВОРОТНЫЙ МОМЕНТ. ПОБЕДА.

Раздел Палестины и война

Резолюция ООН о разделе Палестины на арабское и еврейское государства и иерусалимский международный анклав была принята в Лейк-Саксес (Нью-Йорк) в час ночи по иерусалимскому времени, с 29 на 30 ноября 1947 года. Подписание резолюции послужило сигналом к еврейско-арабской войне, которая велась до 10 марта 1949 года, то есть почти шестнадцать месяцев. Эта война, которая стоила ишуву шесть тысяч жизней, обеспечила дальнейшее существование Государства Израиль, определила на многие годы его границы и навсегда изменила облик и судьбу еврейского народа и всего Ближнего Востока.

Во многих отношениях война Израиля за независимость была совершенно необычной, ни на какую войну не похожей — и по соотношению сил противников, и по условиям ведения военных действий, и по целям, которые преследовала каждая из воюющих сторон: евреи сражались за свое еще не существующее государство, а арабы — за то, чтобы не просто уменьшить территорию этого будущего государства или изменить его форму правления, но чтобы вообще уничтожить его. Необычна и хронология событий этой войны: она началась и кончилась в разное для воюющих сторон время и в разных местах, и ее успех или неуспех определялся не только

воинским искусством и противоборством устремлений противников, но еще действиями и отношением к конфликту британских властей и почти ста тысяч британских солдат.

Размах военных действий

В этой войне евреи провели тридцать девять отдельных военных операций на широком фронте от границ Ливана на севере до глубинных участков Синайской пустыни на юго-западе и до Красного моря на юге. В ходе войны было провозглашено Государство Израиль, еврейское движение сопротивления превратилось в Армию Обороны Израиля и набранная посредством тотальной мобилизации армия ишува, который в то время насчитывал 650 000 человек, — армия плохо вооруженная и лишь частично обученная, — выдержала нападение не только миллиона палестинских арабов, но еще и пяти регулярных армий соседних арабских государств. И, наконец, эта война навсегда доказала твердую решимость ишува выжить.

Силы Хаганы

Ударной силой армии ишува была, разумеется, Хагана: ее личный состав насчитывал 45 000 человек (мужчин, женщин и подростков), из которых лишь менее 2000 (еврейская полиция) имело законное право носить оружие. Палмах состоял тогда из четырех батальонов, в которых было в общей сложности 2 100 мужчин и женщин на действительной службе и еще 1 000 человек в резерве. Один батальон Палмаха базировался в Изреельской долине, другой — в Галилее и долине Иордана, третий — в Негеве, и еще один состоял из крошечных военно-морских, военно-воздушных и разведывательных частей (этот батальон находился в распоряжении генерального штаба).

Остальные силы воинского потенциала Хаганы состояли из двух родов войск: пехотных соединений

за тем исключением, что он был заселен евреями куда менее густо.

"Не отдавать ни одного поселения!"

Один из высших офицеров Хаганы предложил, поскольку невозможно укрепить и обеспечить защитниками такое большое количество не граничащих друг с другом районов на севере и на юге, некоторые поселения оставить; в конце концов, откуда Израилю взять столько солдат и вооружения? Как собрать необходимые деньги, да еще так быстро? Не разумнее ли организовать оборону только там, где есть действительно значительное еврейское население?

Однако предложение об эвакуации хотя бы самых скромных и отдаленных еврейских аванпостов возле Газы, Акко, Иерусалима и на севере было решительно отвергнуто. В море неуверенности, которое захлестнуло ишув, отчетливо вырисовывалось одно твердое, как скала, решение: евреи должны сохранить все, нельзя отдавать ни одного из трехсот с лишним еврейских поселений, какое бы оно ни было крошечное, как бы его ни тревожили арабы, как бы ни велика была опасность его захвата.

Справедливы оказались слова Хаима Вейцмана: "Ни одному народу еще не преподносили государства на серебряном блюде". Концепция локализованной защиты была отброшена; вместо нее была принята стратегия, основанная на принципе общенациональной обороны — то есть обороны не того или иного поселения, но всего ишува в целом. Разумеется, требовалось внедрить новые виды оружия. Прошло время, когда можно было обходиться винтовками, пулеметами и гранатами; теперь исход войны должны были решить танки, самолеты и даже военные корабли.

Некоторые сомневались, так ли уж тревожна ситуация, что нужно пойти на такие чудовищные расходы для приобретения дорогостоящего вооружения. Наверняка, говорили они, ООН примет необходимые меры

против арабского вторжения. Высказывались и надежды, что англичане, накануне выхода из Палестины, изменят свое отношение к положению дел. Однако общее мнение среди верховного командования Хаганы склонялось к тому, что так или иначе ишув должен подготовиться к часу "Ч"*.

Были посланы делегации за границу для сбора денег и для покупки оружия, самолетов и военно-транспортных средств — в надежде, что все это удастся вовремя доставить в Палестину.

Дорога на Иерусалим

Между тем ситуация ухудшалась с каждым днем. Арабы перешли от обстрелов еврейских легковых машин и грузовиков к блокированию движения еврейского транспорта на дорогах — в особенности на красивой, извилистой дороге из Тель-Авива в Иерусалим, пролежавшей в основном через территорию, населенную арабами. Оборона иерусалимской дороги юношами и девушками Палмаха — особая страница в истории Войны за Независимость. Потеря контроля над дорогой в Иерусалим грозила потерей самого Иерусалима. Узкий коридор между Иерусалимом и побережьем нужно было защитить любой ценой, в противном случае Иерусалиму, уже и без того окруженному со всех сторон, грозила неминуемая гибель. И так случилось, что защита иерусалимской дороги — во многих отношениях самое трудное, самое опасное и самое, казалось, бесперспективное мероприятие всей войны — была поручена сравнительно немногочисленному отряду палмаховской молодежи.

Шаар-Хагай

Самой опасной частью дороги была изумительной красоты долина, которая на иврите называется Шаар-

* Час "Ч" (военный термин) — время начала наступления, решительный час.

Хагай, а по-арабски Баб эль-Вад; крутые, покрытые лесом склоны этой долины служили отличным укрытием для арабских снайперов. На этом участке и люди, и автомобили были прекрасной мишенью — и действительно, там погибло много людей и было уничтожено большое количество автомобилей.

В январе 1948 года не только дорога из Тель-Авива в Иерусалим была смертельной ловушкой; по всей стране участились арабские нападения — в Негеве, в Галилее, в окрестностях Иерусалима; даже в самом Иерусалиме арабы нередко нападали на еврейский транспорт. Способность евреев противостоять арабским налетам подвергалась суровому и решительному испытанию в Гуш Эционе — анклав из четырех поселений, прилепившихся к Хевронским холмам, на дороге, ведущей из Иерусалима через Бет-Лехем в Хеврон. Четыре поселения на Хевронских холмах были полностью блокированы арабами и в конце концов пали — это случилось накануне провозглашения независимости Израиля. В истории обороны эционского энклава — истории горестной, героической, трагической, стоившей многих жизней, — ярче, чем в чем бы то ни было, отразилось положение в раздираемой войной стране ранней весной 1948 года.

Нападение на Эцион

В декабре 1947 года конвой Хаганы, двигавшийся в направлении эционского энклава, был атакован арабами, и десять юношей из конвоя были убиты. В середине января арабский отряд численностью в тысячу человек совершил нападение на сам энклав; этим отрядом командовал один из наиболее одаренных и прославленных арабских военачальников Абд ал-Кадир Хуссейни, родственник иерусалимского муфтия. Арабы тщательно и подробно разработали планы увоза из Эциона захваченной добычи: у них и сомнений не было, справиться с поселениями не составит ни малейшего труда. Однако конвои, которые всю зиму ходили в

Эцион, привозили с собою не только продукты питания и оружие; они привезли еще взвод палмахников, и сейчас эти палмахники открыли огонь по арабам. Те ночью бежали, но в поселениях осталось ничтожно мало оружия и боеприпасов.

В Иерусалиме Хагана собрала взвод добровольцев — наполовину палмахников, наполовину студентов университета — членов Хиша, — и послала их в Эцион на подкрепление. Это было 15 января 1948 года. Карабкаясь по холмам, один из юношей вывихнул ногу, и его в сопровождении двух товарищей отправили обратно на базу. Оставшиеся тридцать пять человек продолжили свой путь, но им так и не удалось добраться до Эциона, и никто их больше не видел. Много лет спустя от местных арабов и из британского полицейского архива удалось выяснить, что произошло. Отряд был окружен несколькими сотнями арабов и принял неравный бой. В британском отчете впоследствии сообщалось, что один из погибших сжимал в мертвой руке камень — последнее оружие, которое у него осталось. Однако одной лишь отваги оказалось недостаточно; и 17 января британский патруль доставил в Эцион тридцать пять обезображенных тел, и они были похоронены в братской могиле.

Январь, февраль, март... Положение в Эционе было критическим. Хагана поддерживала нерегулярные контакты с эционскими поселениями при помощи крошечных самолетиков, которые называли "примусами" (по примитивным керосиновым плиткам, на которых многие палестинцы тогда готовили еду); а в самом Эционе палмахники и поселенцы делали все возможное, чтобы нарушить арабские коммуникации на хевронской дороге; для этого они строили на дорогах баррикады и завалы и закладывали мины. Тем не менее было ясно, что если блокада не будет прорвана, то Эцион обречен. И вот 27 марта в Эцион отправилась автоколонна из тридцати трех грузовиков, четырех бронированных машин и двенадцати обшитых стальными листами автобусов; в них ехали сто сорок бойцов Хиша в сопро-

вождении ста палмахников. В полдень грузовики разгрузились в Эционе и двинулись в обратный путь в Иерусалим: они были позарез нужны на дороге между Тель-Авивом и Иерусалимом. Около Бет-Лехема арабы соорудили на дороге огромную баррикаду и крупными силами начали атаку. Один из "примусов", летевший перед автоколонной, дал сигнал, что дорога перегорожена, и командир дал приказ поворачивать назад, к Эциону, но было уже поздно: лишь несколько грузовиков успело развернуться. Бой продолжался весь день и всю ночь. Штаб Хаганы из Иерусалима приказал бойцам держаться: к утру должны были подойти на помощь британские солдаты. Действительно, утром появился отряд англичан; он должен был доставить защитников Эциона назад в Иерусалим. Но англичане начали с того, что на глазах у веселящихся арабов заставили евреев собрать оружие и сдать его англичанам. Бой продолжался тридцать часов, в нем приняло участие примерно три тысячи арабов; четырнадцать евреев были убиты и много больше — ранены. Это были серьезные потери, но для бойцов Хаганы было совершенно невыносимым зрелище оставшихся на дороге бронированных машин — еще совершенно новых и даже не запылившихся.

После этого связь между Эционом и остальной частью еврейской Палестины поддерживалась только по воздуху. 4 мая бои возобновились: седьмую и последнюю атаку на Эцион начали части трансйорданского Арабского легиона, все еще входившего в состав британских вооруженных сил в Палестине. Через несколько дней сотни арабов напали на Кфар-Эцион, который был отрезан от остальных трех поселений энклава. Шестнадцать раз солдаты Арабского легиона и несколько сотен двигавшихся за ним жителей арабских деревень прорывали оборону Кфар-Эциона, и шестнадцать раз атаки были отражены. Но конец был неизбежен: истощив последние, уже совсем примитивные средства обороны и видя перед собой пришедшие на подмогу арабам танки Арабского легиона, поселенцы вынуж-

дены были сдаться, и Кфар-Эцион пал. В Иерусалим была послана телеграмма: "Свяжитесь с Красным Крестом". В Кфар-Эционе оставалось в живых пятнадцать евреев, и их тут же на месте расстреляли. Уже позже, ближе к вечеру, Красный Крест обеспечил отправку в арабский плен поселенцев из остальных трех поселений — Масуот, Ревадим и Эйн-Цури.

Тем временем борьба за другие палестинские дороги вступила в решающую стадию. К марту множество бойцов и большое количество бронированного автотранспорта Хаганы было выведено из строя; дороги, ведущие на север и на юг, были блокированы, а Иерусалим был отрезан от прибрежной равнины. Комитет по осуществлению решений ООН, которому было поручено наблюдать за созданием на территории Палестины двух государств — еврейского и арабского, — прибыл в Палестину, посмотрел, что там делается, и укатил, выразив сомнение в жизнеспособности создаваемого Еврейского государства. Правительство Соединенных Штатов тоже уже готово было изменить свое мнение: если ценой создания Еврейского Государства должна быть еще одна резня евреев, то, пожалуй, с государством можно подождать. Может быть, наилучшее решение вопроса — это не независимость, а опека. С 29 ноября 1947 года в Палестине погибло 1 200 евреев, и каждый день приносил новые жертвы. Но ишув был непреклонен в своем стремлении создать Еврейское государство.

Операция "Нахшон"

Разумеется, Иерусалим, как всегда, очень многое значил для евреев. Если бы пал Иерусалим, Еврейскому государству был бы нанесен смертельный удар, и воля ишува выстоять под натиском арабов могла быть поколеблена. Нужно было во что бы то ни стало овладеть дорогой на Иерусалим и ослабить петлю, душившую его. Для этого была разработана операция "Нахшон", названная по имени еврея, который во вре-

мя исхода детей Израилевых из Египта первым пересек Красное море. Эта операция была проведена с 3 по 15 апреля, и в ней приняло участие 1 500 бойцов из Палмаха и Хиша, вдвое больше, чем в любой из прежних операций Хаганы. Вся страна приняла участие в снабжении их оружием: каждый киббуц, каждый аванпост ответил на призыв Хаганы и пожертвовал что-нибудь из своего собственного скудного арсенала. В ночь перед началом операции на тайной посадочной площадке на юге Палестины приземлился четырехмоторный самолет "Дакота", доставивший первую партию оружия, приобретенного Хаганой в Чехословакии, и это оружие в еще нераспакованном виде было спешно доставлено в штаб "Нахшона". В операции "Нахшон", которой командовал Шимон Авидан, евреи впервые захватили инициативу, и в результате этой операции дорогу на Иерусалим удалось удержать ровно столько времени, сколько понадобилось, чтобы отправить в Иерусалим три огромных конвоя с оружием, боеприпасами и пищей; это позволило Иерусалиму продержаться еще полтора месяца, пока не была, наконец, открыта "Бирманская дорога".

В Иерусалиме в 1947 году было сто тысяч евреев (шестая часть населения ишува); из них две тысячи жили в перенаселенном Еврейском квартале в южной части Старого города — это были богобоязненные евреи, полные ученой премудрости и не от мира сего. Арабов было 65 000. Хотя к ноябрю все еврейское население Иерусалима было начисто отрезано от прибрежной равнины, и хотя начиная с этого времени арабы не прекращали нападений на все еврейские кварталы, именно эта группа евреев Старого города была в наибольшей опасности — и именно к ним было приковано внимание всего ишува в течение всей первой зимы войны.

Положение в Старом городе Иерусалима

Арабы на глазах у англичан преградили дорогу в Старый город всем еврейским автомашинам. Время

от времени в еврейский квартал пропускался грузовик с продуктами питания и медикаментами, и в декабре и январе Хаганы удалось обманом ввезти туда несколько солдат и очень ограниченное количество оружия, в основном револьверы. Арабы, равно как и англичане, явно надеялись, что евреи, полуголодные и отрезанные от остальной части города, в конце концов покинут свой квартал. "С чисто военной точки зрения, — писал Дов Иосеф, уроженец Канады, член Еврейского Агентства и губернатор Иерусалима в те трудные времена, — усилия, затрачиваемые на то, чтобы удерживать Старый город, были бесполезной тратой энергии и людей; а снабжение Старого города было неразрешимой проблемой". Однако ни у кого не появлялось даже мысли о том, чтобы оставить Старый город.

В новой части Иерусалима в декабре 1947 года евреи создали Чрезвычайный комитет. Этот комитет ввел пищевой рацион, следил за экономией воды, сокращал до минимума использование топлива, создал внутреннюю охрану; и моральный дух иерусалимских евреев поддерживали регулярные передачи "Голоса защитника" — тайной радиостанции Хаганы. Были предприняты аналогичные попытки наладить жизнь в Еврейском квартале: там был создан крошечный отряд гражданской обороны, и кучка бойцов Хаганы всячески старалась справедливо распределять продовольствие, обеспечивать работу школ и обучать жителей квартала по крайней мере оказанию первой медицинской помощи.

Парни и девушки из Хаганы, попавшие в такую необычную для них среду, старались действовать как можно мягче и проявляли поразительное терпение; ведь все, чего эти благочестивые евреи из Старого города хотели — это чтобы им позволили работать, молиться и жить поблизости от Стены Плача и Храмовой горы, несмотря даже на то, что арабы давно уже не давали им даже приблизиться к этим святым местам. А защитники города хотели только, чтобы квартал продолжал сопротивляться.

20 апреля 1948 года, накануне Пасхи, в Иерусалим пришел последний конвой после операции "Нахшон" — около трехсот грузовиков с провизией. Еще один конвой, из двенадцати грузовиков с оружием, прорвался в Иерусалим 17 мая, но это было все. С этого дня Иерусалим оказался в замкнутом кольце блокады.

Англичане уходят из Старого города

13 мая 1948 года англичане начали вывод своих частей из Старого города. Бойцы Хаганы приготовились к тому, что вот-вот начнется нападение тысяч двадцати хорошо вооруженных арабов, которые уже несколько недель с нетерпением ждали ухода британских войск, чтобы захватить Старый город. 14 мая сэр Аллан Каннингем выехал из Иерусалима; он сел в самолет на находившемся неподалеку аэродроме и улетел в Хайфу. На доме правительства был спущен "Юнион Джек"*.

В Иерусалиме и Хайфе некоторые люди махали вслед уходящим англичанам, но никаких фанфар и никаких речей не было. Уход англичан, на который возлагались такие надежды и которого так боялись, прошел в Палестине практически почти незамеченным; но он послужил сигналом к открытому столкновению между двумя враждующими сторонами.

Бои за Иерусалим

Теперь бои за Иерусалим разгорелись и внутри и за пределами его стен. С 14 мая по 11 июня 1948 года на иерусалимских улицах и в домах триста человек было убито и более тысячи четырехсот ранено; в еврейских районах города разорвалось более десяти тысяч снарядов Арабского легиона. В разных кварталах Иерусали-

* Юнион Джек — обиходное название британского национального флага.

ма то и дело вспыхивали рукопашные схватки — они начались немедленно после отъезда сэра Аллана Каннингема и продолжались более шестидесяти часов; будущее рисовалось иерусалимским евреям в довольно мрачных красках. Истощенные физически, уставшие, но отнюдь не отчаявшиеся, иерусалимские евреи из новой части города, поглощая свой скудный ежедневный рацион на тысячу калорий, умываясь раз в день в нескольких чашках воды и живя под постоянным огнем артиллерии Арабского легиона, гораздо меньше заботились о своей собственной судьбе, чем о судьбе жителей Еврейского квартала Старого города.

18—20 мая один из отрядов бригады Эциони предпринял новую попытку прорваться в Старый город через Яффские ворота, но арабы отразили атаку, и отряд понес тяжелые потери.

19 мая крошечный отряд Палмаха занял гору Сион и прорвался в Еврейский квартал Старого города. Этот отряд удерживал свои позиции несколько часов, но когда обещанные подкрепления бригады Эциони не подошли, он вынужден был отступить.

Еврейский квартал уже корчился в предсмертных муках. К 27 мая там уже нечего было есть; нечем было стрелять; сто членов Хаганы были убито, и многие были ранены. Атаки арабов не прекращались, и Арабский легион предлагал защитникам Еврейского квартала сдаться, обещая защитить гражданское население от ярости толпы. 28 мая Еврейский квартал капитулировал. 290 евреев в возрасте от четырнадцати до семидесяти лет были взяты в плен Арабским легионом; 1200 старикам, женщинам и детям было разрешено пройти через линии арабских войск в новую часть города. Не прошло и дня, как Еврейский квартал был превращен в груды развалин: синагоги были снесены, дома разрушены и разграблены. Этим развалинам пришлось ждать девятнадцать лет, пока евреи снова вернулись в Старый город.

Первая фаза Войны за Независимость началась, можно сказать, 29 ноября 1947 года; она продолжалась до апреля 1948 года, до начала отхода британских войск. В этот период явно ощущалось недружественное отношение англичан к евреям; сроки и порядок вывода британских войск из Палестины определялись не только организационными требованиями и возможностями Британской армии, но еще и согласовывались с требованиями и возможностями арабов. Разделяя неприязнь арабов к евреям, Палестинская администрация взяла на себя часть арабской задачи, которая заключалась в том, чтобы доказать, что Еврейское государство, даже если оно и будет создано, никогда не станет достаточно жизнеспособным. Арабы взяли на себя непосредственное ведение военных действий; англичане же рассчитали порядок вывода своих войск таким образом, чтобы арабам было легко после этого занять оставленные ими позиции. Прежде всего британские войска были выведены из всех территорий, населенных арабами, — из так называемого Арабского треугольника (Дженин—Тул-Карем—Шхем) и из Хеврона, и в то же время — в середине декабря 1947 года — из Тель-Авива и прибрежной равнины. Латрун, ключевой аванпост на дороге из Тель-Авива в Иерусалим, был также передан арабам. Затем англичане оставили иерусалимский коридор и арабскую часть Негева. Теперь Арабская освободительная армия могла спокойно действовать на территории треугольника, и ее штаб — под командованием Каукджи — расположился в самом центре Палестины. Арабские экстремисты из Египта — опять же совершенно открыто — сразу же после ухода англичан вступили в оставленную ими Газу. Хотя английские войска еще некоторое время оставались в Галилее, их присутствие нисколько не мешало арабам формировать новые подразделения. То же самое случилось, как уже говорилось, в Иерусалиме и Яффе. Помимо дороги между Тель-Авивом и Иерусалимом,

арабы, разумеется, сразу же блокировали единственную дорогу в Негеве, соединявшую юг Палестины с еврейскими районами в центре страны.

Была сделана последняя попытка убедить казавшегося умеренным эмира Абдаллу воздержаться от участия в войне. Голда Меир, позднее ставшая премьер-министром Израиля, ночью пересекла границу и тайно встретила с эмиром. Эмир прямо заявил, что вести переговоры теперь слишком поздно: он уже взял на себя обязательство принять участие в войне против только что родившегося государства, и, более того, на него возложена обязанность координировать действия всех арабских армий.

Вторая фаза Войны за Независимость началась с вывода британских войск и продолжалась до 15 мая, то есть до вторжения арабских армий. На этой стадии арабы проводили интенсивные локальные наступательные операции, стремясь нарушить связь между отдельными еврейскими районами и готовясь к массированному арабскому вторжению.

Теперь начали уже вырисовываться контуры окончательного исхода войны. На севере под командованием Игала Аллона была проведена операция "Ифтах", которая существенно и очень явно укрепила позиции евреев. Эта операция преследовала три цели: овладение ключевыми опорными пунктами, захват контроля над северными дорогами и заблаговременная подготовка Галилеи к обороне, прежде чем арабские войска вторгнутся в Палестину через северные границы. Но еще до того, как в Верхней Галилее началась операция "Ифтах", а в Западной Галилее — операция "Бен-Ами" (под командованием Моше Кармела), евреи захватили целый ряд важных городов: Тверию и Цемах на берегу Киннерета, средиземноморский порт Хайфу и Бет-Шеан в центре долины Бет-Шеан. Позднее были захвачены еще два крупных города: Яффа (около Тель-Авива) и Акко (в Западной Галилее).

Центральным моментом операции "Ифтах" было

сражение за город Цфат — самый северный город, расположенный выше всех других городов над уровнем моря. В 16 веке Цфат прославился как центр еврейско-

В 16 веке Цфат прославился как центр еврейского мистицизма, и сейчас, в 20 веке, еврейская община Цфата все еще занималась главным образом богословскими науками и толкованием еврейского закона. Цфатские арабы были известны своей воинственностью и непримиримым национализмом.

Беспорядки в Цфате начались в середине декабря 1947 года. В одном из трех арабских кварталов Цфата был убит еврей, а через несколько дней арабская толпа напала на одинокий еврейский квартал. Нападение было отбито, но с этого дня началась пятимесячная осада арабами еврейского квартала. Большинство цфатских евреев прожило тут всю свою жизнь; в памяти многих были еще живы события Первой мировой войны, когда большая часть Галилеи была отрезана от остальной Палестины и арабы то и дело устраивали в Цфате еврейские погромы. Тогда в Цфате жило тысяч десять евреев, теперь их осталось меньше двух тысяч, и им предстояло столкнуться не только с двенадцатью тысячами цфатских арабов, но и с трехтысячным арабским военным отрядом, набранным со всей Галилеи и служившим под началом одного из самых способных арабских военачальников Адиба аш-Шишакли; а кроме того, в Галилее еще было около семисот сирийских "добровольцев".

14 апреля из Цфата ушли британские войска. Перед тем как покинуть город, они в торжественной обстановке передали арабам не только полицейский участок в самом Цфате, но еще и огромный, считавшийся неприступным форт — из тех, что были построены Тоггартом во время арабских бунтов 1936—1939 годов. Форт этот был расположен на вершине горы Ханаан и господствовал над всей окружающей местностью. То же самое произошло с древней крепостью в центре города. Только после этого англичане дали себе труд уведомить евреев о своем отбытии.

Скучившись в своем живописном и крайне уязвимом квартале, над которым то и дело свистели пули, евреи со страхом ожидали, что с минуты на минуту в квартал ворвутся арабы и всех перережут. В руках у арабов были все северные дороги, так что в Цфат никак нельзя было пробраться и невозможно было защититься, когда арабы пойдут на последний приступ. И все же той ночью в квартал каким-то чудесным образом проник с тыла взвод Палмаха, пробравшийся через горы; это был передовой отряд операции "Ифтах". Он принес с собой не только оружие и продовольствие, но и надежду. Цфатские евреи, уже больше не чувствуя

Цфатские евреи, уже больше не чувствуя себя покинутыми на произвол судьбы, засучили рукава и принялись укреплять свой квартал. Все пасхальные дни, под яростным неприятельским огнем, старики, женщины и дети строили импровизированные баррикады из кусков скальной породы. У них не было даже цемента и гвоздей. Работая, они распевали странные новые песни, которым их научили палмахники, но в душе у них была тревога: неужели же несколько жалких пулеметов да самодельных минометов в руках у кучки оборванных юнцов в вязаных шапках смогут защитить их от арабского полчища. Уже начались было разговоры о том, что не худо бы эвакуировать в Хайфу детей; но командир палмахников не позволил этого сделать. Много позднее, когда война уже давно закончилась, он объяснил, почему так поступил:

— Сказать "нет" было страшно тяжело, и еще тяжелее было смотреть, как эти ребятишки бегают по узким, кривым улочкам древнего городка. Я понимал, что беру на себя огромную ответственность; но мне пришлось пойти на риск. Если бы мы увезли детей, в городе упал бы боевой дух, а нужна была максимальная воля к победе. К тому же нам дорог был каждый человек, и мы не могли себе позволить отпустить какую-то часть наших солдат для сопровождения в спо-

койное место через такие опасные горы нескольких сотен детей с матерями.

1 мая арабы начали массированное наступление на Рамат-Нафтали, в северных горах около ливанской границы. Если бы поселение пало, арабы захватили бы контроль над долиной предгорья, Палмах не смог бы посылать подкрепления в Цфат, и тогда прощай хрупкая мечта о победе евреев в Галилее. Рамат-Нафтали был основан в 1945 году двумя организациями еврейских ветеранов Второй мировой войны; одна из этих организаций была названа в честь Орда Уингейта. Всю весну Рамат-Нафтали подвергался бешеному обстрелу, и оттуда уже эвакуировали женщин и детей. К маю это была уже не сельскохозяйственная коммуна, а боевой аванпост, от которого зависела судьба большей части Галилеи. "Примусы" сбрасывали в Рамат-Нафтали оружие и продовольствие, эвакуировали раненых и делали жалкие попытки "бомбить" вражеские огневые позиции. Через несколько дней Рамат-Нафтали остался без радиосвязи, и боеприпасы там почти кончились. 10 мая Лорна Уингейт, молодая вдова Орда Уингейта, не имея возможности добраться до поселения, перегнулась с борта самолета и сбросила в Рамат-Нафтали Библию и вместе с ней записку: "Эта Библия была с Уингейтом во всех его походах и вдохновляла его. Пусть она будет символом договора между нами — в победе или в поражении, отныне и во веки веков".

Освобождение Цфата

Арабов несколько раз отбрасывали от Рамат-Нафтали. В конце концов они, возможно, и взяли бы его, но Палмах укрепил свои силы у Цфата, и арабы вынуждены были перевести часть своих пулеметов с подступов к Рамат-Нафтали под Цфат; но там их уже поджидал Палмах. Началась битва за Цфат — одна из самых яростных и кровопролитных за все время Войны за Независимость; она продолжалась всего только одну

ночь, и весь Цфат содрогался от взрывов и выстрелов. К рассвету древняя цитадель в центре города была в руках палмахников, и впервые с начала зимы в городе, наконец, стало тихо. Только на крыше городского отделения полиции засела группа сирийцев; но вот и полицейский участок был взят. В это время к Хагане присоединился арабский отряд, состоявший из воинов бедуинского племени араб ал-хейб, живших в деревне к востоку от еврейского поселения Рош-Пина. Босые, но в шлемах, переименовавшие себя временно в Пал-Хейб, они приняли участие в операции на стороне Палмаха под командованием ветерана Палмаха, который вел отряд, восседая на белой лошади.

А по другую сторону границы, в Ливане, муфтий и его окружение готовились объявить о создании арабского правительства с временной резиденцией в Цфате. Захват арабами еврейского квартала Цфата должен был послужить сигналом, предзнаменованием и символом завоевания арабами Палестины. Но рассказы о еврейской обороне и о поражении арабов под Цфатом распространялись, как лесной пожар, от одной арабской деревни к другой, и уже через неделю вся Галилея только о том и говорила, что на север движется огромная армия евреев. Тысячи арабов в панике бежали, как это уже было в Тверии и Хайфе.

Захватив Цфат как раз перед вторжением в Палестину армий арабских государств, еврейские вооруженные силы, участвовавшие в операции "Ифтах", заняли гряды холмов вдоль ливанской границы и, таким образом, не дали арабам воспользоваться одним из важнейших путей проникновения в Палестину извне.

С этого дня северные границы приобрели особую важность. Палмах предпринял несколько глубоких рейдов с прорывом неприятельских линий и, в частности, взорвал мосты на границах Галилеи с Сирией и Ливаном и уничтожил большую вражескую базу к северо-востоку от верховий реки Иордан.

Завоевание Галилеи

В это же самое время была проведена операция "Бен-Ами" — одна из немногих еврейских операций с использованием морского десанта; в результате этой операции еврейские войска овладели Западной Галилеей, которая по плану ООН вообще должна была остаться за пределами еврейского государства. До этого она много месяцев была почти совершенно отрезана от ишува. Операцию "Бен-Ами" начала передовая группа, которая атаковала и захватила Наполеонову горку к востоку от Акко. Другая группа — отряд десантников — высадилась с небольших катеров около еврейской деревни южнее Нагарии и, проделав переход в глубь по шоссе, связывающему Акко с Бейрутом, вместе с вооруженным конвоем, подошедшим от Хайфского залива в обход Акко, захватила арабскую деревню Самария. Затем конвой проехал мимо Нагарии и снял осаду с нескольких киббуцов на ливанской границе.

Теперь в руках евреев были два наиболее плодородных района Галилеи; только центральная, гористая часть оставалась в руках арабов. Однако близок был день, когда всей Галилее предстояло стать еврейской.

Поселения в Негеве

На юге положение тоже медленно, но верно улучшалось. В Негеве в двадцати семи поселениях жила всего тысяча евреев, и поселения эти были разбросаны по огромной территории, на которой проживало более ста тысяч коренного арабского населения и еще тысяч двести беженцев. Дороги в Негеве были почти наглухо закрыты для евреев; к тому же линии водопроводов — от которых зависело само существование поселений и которые тянулись по пустыне на многие мили — были постоянными объектами арабских диверсий. Арабы не без основания рассчитывали, что если непосредственные нападения на еврейские поселения не помогут им

выкурить евреев из Негева, то голод и жажда, сделают это наверняка. Мало того, что, казалось, сама природа пришла на помощь неприятелю, чтобы сокрушить евреев на юге; Хагана в состоянии была обеспечить бригаду Негева лишь минимумом вооружения. Не было даже транспортных средств, и бойцам Палмаха в Негеве приходилось патрулировать пешком; они проделывали многие мили по горячему песку или продираясь сквозь колючий кустарник.

В этих трудностях возмужало новое поколение бойцов Хаганы — отряды командос из бригады Негева. Из воинских соединений, принимавших участие в Войне за Независимость, они были самые закаленные и выносливые, ими больше всего восхищались и их больше всего боялись, и они реже, чем кто-либо, пользовались общепринятой, рутинной военной тактикой. Беспокойные, густо обросшие бородами, обветренные и обожженные солнцем, они всегда были на марше, всегда в пути по просторам Негева, где их воинское искусство, их выносливость и их репутация подверглись испытанию в сражениях сначала с бандами палестинских арабов, а затем с фанатиками из Мусульманского братства, которые уже проникли в южную Палестину из Египта и вскоре должны были влиться в регулярную египетскую армию.

К весне 1948 года, когда прибрежную автостраду из Негева на север все еще блокировали арабы, была проложена небольшая проселочная дорога: только таким путем еврейские автоколонны могли пробираться на юг. Но и эта дорога была чрезвычайно опасной: она проходила недалеко от трех крупных и очень враждебно настроенных арабских деревень, из которых наибольшую опасность представляла деревня Брейр, часто служившая опорным пунктом для арабских снайперов. Позарез необходимо было что-то предпринять, чтобы эта дорога перестала быть смертельной ловушкой. И Хагана нашла решение, которое полностью соответствовало ее жизненной философии и ее традициям. Чтобы нейтрализовать Брейр и сделать дорогу

по крайней мере менее опасной, решено было основать рядом с Брейром новое еврейское поселение. Оглядываясь назад и вспоминая, что творилось тогда в Палестине, не можешь не думать о том, что решение Хаганы основать в самом пекле новое поселение было таким смелым, что дух захватывает; а для верховного командования Хаганы это решение было в те времена просто делом элементарного здравого смысла.

Брор-Хаил

Так началась операция "Авраам" (по имени юноши, погибшего при конвоировании транспорта, направлявшегося в Негев): в результате этой операции было основано поселение Брор-Хаил. Официальный отчет о создании Брор-Хаил был, что очень характерно, предельно лаконичен: "В ночь с 18 на 19 апреля пехотные подразделения заминировали подъездные пути, ведущие к новому поселению, создаваемому около Брейра. Акция завершилась 19 апреля в 01.30. В 02.00 на место операции был послан вооруженный конвой. В 03.00 вышел главный конвой Палмаха. Подготовка к строительству была закончена в 04.30, работы начались немедленно. К рассвету операция была закончена, и лагерь был официально передан подразделению Палмаха. В настоящее время Брор-Хаил контролирует положение".

Вылазки из Брейра прекратились. После этого в Негеве был основан другой еврейский аванпост. А 12 мая в результате координированного наступления одновременно с юга и с севера неасфальтированная дорога была, наконец, полностью в руках еврейских войск; и Брейр тоже был взят — это произошло за три дня до арабского вторжения. Теперь дорога из Негева на север была свободна, и блокада Негева временно прорвана.

Декларация Независимости

В полночь на пятницу 14 мая, под салют семнадцати пушек, британский Верховный комиссар Палестины

отплыл из Хайфы. Срок действия мандата закончился. В этот же день, ровно в четыре часа, лидеры ишува (за исключением тех, кто находился в Иерусалиме и не мог приехать в прибрежную равнину) и несколько избранных гостей собрались в небольшом, выдавшем виды здании художественного музея в Тель-Авиве. Стоя под огромным портретом Теодора Герцля, Давид Бен-Гурион твердым голосом зачитал Декларацию Независимости государства Израиль, в которой, в частности, были слова: "Мы призываем сынов арабского народа, проживающих в государстве Израиль, блюсти мир и участвовать в строительстве государства". Декларация завершалась словами: "Мы призываем еврейский народ во всех странах рассеяния сплотиться вокруг евреев Израиля в деле алии и строительства и присоединиться к их великой борьбе за воплощение извечной мечты народа Израиля об избавлении. Уповая на Твердыню Израиля, мы скрепляем нашими подписями сказанное в настоящей Декларации на заседании Временного государственного совета на родной земле, в городе Тель-Авиве, в сей день, канун субботы, 5 дня месяца ияр года 5708, 14 мая 1948 года".

Затем голос Бен-Гуриона впервые дрогнул, и он зачитал первый декрет Еврейского государства: "Все законы, принятые в соответствии с положениями Белой Книги по Палестине, обнародованной британским правительством в 1939 году, а также все законы, вытекающие из этих положений, настоящим декретом объявляются недействительными и лишенными силы".

В ту же ночь армии пяти арабских государств вторглись в Палестину. Так началась третья фаза войны — борьба с агрессией, причем использовалась как пассивная, так и активная оборонительная тактика; эта фаза длилась до первого соглашения о прекращении огня, которое состоялось 11 июня.

Здесь уместно спросить: зачем арабам понадобилось вторгаться в Палестину? Ведь арабскому миру должно было быть совершенно ясно, что за шесть недель, прошедших после операции "Нахшон", положение на

фронте для евреев, хотя и оставалось достаточно серьезным, все же значительно улучшилось; территория, отведенная Еврейскому государству Организацией Объединенных Наций, была уже почти полностью в руках евреев; безусловно, арабский мир знал, что сила палестинских арабских отрядов, а также действовавших с ними заодно различных добровольческих групп, сломлена. Евреи захватили около сотни арабских деревень; Западная и Восточная Галилея была частично под контролем евреев; евреи добились частичного снятия блокады Негева, и даже многими участками дороги из Тель-Авива в Иерусалим арабы уже больше не владели. Однако у каждого арабского государства был свой расчет. Король Трансиордании Абдалла хотел захватить всю Палестину — в особенности Иерусалим. Ирак — не говоря уже о том, что его правящая династия была в родстве с правящей династией Трансиордании — хотел получить выход к Средиземному морю, если понадобится, даже через Трансиорданию, и поэтому он хотел продемонстрировать свою солидарность с Абдаллой. Сирия зарилась на Галилею, и надеялась, как и Ирак, получить выход к Средиземному морю через Западную Галилею. Влиятельное мусульманское население Ливана давно с жадностью поглядывало на Центральную Галилею. А Египет, хотя у него не было территориальных притязаний, носился с идеей стать признанным лидером арабского мира. Ну, и, конечно, помимо того, что у каждого из вторгшихся в Палестину арабских государств были свои основания для агрессии, всех их привлекала перспектива легкой победы, и эту сладкую мечту в них умело поддерживали англичане.

Самой крупной, организованной и лучше всех вооруженной из вторгшихся армий была армия Египта, сконцентрированная на юге — в районах Эль-Ариша, Абу-Агейлы (на пересечении основных дорог Синайского полуострова) и Рафияха. У египетского командования была довольно точная информация о численности личного состава и вооружения Хаганы, но, как

оказалось, не было почти никакого представления об уровне подготовленности и боевом духе в киббуцах и других палестинских поселениях, и этот просчет оказался для египтян роковым.

Имеющиеся в их распоряжении сведения о еврейских войсках в Негеве, вполне оправдывали самоуверенность египтян. Бригада "Негев" под командованием Нахума Сарига состояла из двух батальонов; несколько севернее базировалась бригада "Гивати" под командованием Шимона Авидана; еще в Негеве было двадцать семь поселений, в которых несколько десятков молодых людей образовывали более или менее подготовленные военные отряды, да пять поселений покрупнее. Несколько еврейских поселений было как раз на путях вторжения (дорога от Рафияха через Газу на Ашкелон и дорога от Ауджи ал-Хафира через Беер-Шеву на Хеврон), но по всем стандартам эти поселения не обладали достаточной живой силой для своей защиты и едва ли могли задержать египетское наступление на Тель-Авив. Задача всех этих войск заключалась в том, чтобы попытаться остановить неумолимый натиск египетской военной армады.

Египетское вторжение началось одновременно в двух местах: главное наступление развивалось от Рафияха через Хан-Юнис к Газе, тогда как менее крупные силы должны были стереть с лица земли небольшие киббуцы, включая Нирим, Кфар-Даром и Беерот-Ицхак. Киббуцы эти оказались более крепкими орешками, чем на то рассчитывали египтяне. Египетские войска были отброшены от всех трех аванпостов и при этом понесли тяжелые потери. Наиболее сокрушительное поражение египтяне потерпели под Ниримом, где ветераны Палмаха прогнали разобщенные, разбитые и напуганные египетские отряды обратно в Рафу. Даже артиллерийским обстрелом египтянам не удалось подавить сопротивление защитников Нирима. Египетская артиллерия, тщательно соблюдая дистанцию, начала систематический обстрел упрямо державшегося поселения, а тем временем египетская армия решила про-

рваться к Тель-Авиву через поселение Яд-Мордехай, находившееся на дороге между Газой и Ашкелоном.

Яд-Мордехай

Атака на Яд-Мордехай, названный в честь Мордехая Анелевича, первого руководителя восстания в Варшавском гетто во время Второй мировой войны, началась 19 мая, когда египтяне приблизились к киббуцу. В тот день они были отброшены, но наутро нападение возобновилось. 20 мая египтяне четыре раза шли на приступ и четыре раза были вынуждены отступить. Измученные, понесшие тяжелые потери, жители Яд-Мордехая просили у районного командования подкрепление и оружие. Траншеи в киббуце были разрушены, огневые точки подавлены, не оставалось даже достаточно надежных укрытий для раненых. Но все мольбы о помощи были тщетны; вовремя помочь киббуцу было просто невозможно: арабское наступление развивалось с юга, с севера и с востока, и почти целиком разрушенному киббуцу оставалось рассчитывать только на свои силы. 23 мая атака египтян возобновилась; два египетских отряда особого назначения на легких танках и бронетранспортерах прорвали еврейскую оборону, и тогда было принято решение сдать Яд-Мордехай. "Мы больше не в силах защищаться, — передали из киббуца, — у нас слишком тяжелые потери". Но в ту ночь, прорвавшись сквозь египетские линии на десяти сильно поврежденных бронетранспортерах, в киббуце появились негевские командос; они помогли вывезти раненых и попытались помочь сдержать египтян: это была мужественная, но безнадежная попытка. Оставшиеся в живых жители Яд-Мордехая с боем прорвали неприятельские силы, состоявшие из двух пехотных батальонов, бронетанкового батальона и артиллерийского полка, и добрались до поселения Гварам. Осада Яд-Мордехая обошлась египтянам в триста человек убитыми, и они потеряли драгоценные пять дней. За эти пять дней евреи успели создать ли-

нию обороны на севере и укрепить свои позиции в Негеве. Яд-Мордехай, павший 24 мая, был первым еврейским поселением, которое не выдержало египетского натиска. Но позже, 5 ноября, в ходе операции "Иоав", киббуц будет снова взят еврейскими войсками и восстановлен.

Теперь путь на север был для египетских войск открыт. Быстро продвигаясь, вторгшиеся войска дошли до арабского города Мадждала (Ашкелон), заняли еврейское поселение Ниццаним (которое сдалось, отрезанное и подавленное артиллерийским обстрелом и бомбардировкой с воздуха) и в конце концов подошли к Явне, севернее крупной арабской деревни Исдуд (Ашдод), в 20 милях к югу от Тель-Авива. В то же самое время другая египетская колонна, не намного меньше численностью, двигалась от Ауджи ал-Хафира на границе Синайского полуострова через Бир Аслудж. Она достигла сначала Беер-Шевы, затем Хеврона, Бет-Лехема и наконец южных окраин Иерусалима. Здесь, у поселения Рамат-Рахель (основанного в 1926 году Рабочим батальоном), египтян встретила бригада Эциони (ею командовал сначала Давид Шалтиэль, а затем Моше Даян), поддержанная отрядом особого назначения бригады "Харэль" (ее командиром был сначала Ицхак Рабин, потом Иосеф Табенкин), и египетское наступление захлебнулось.

Первое перемирие

В южной части прибрежной равнины основные египетские силы все еще вели тяжелые бои с бригадами "Негев" и "Гивати".

Жителям поселения Рамат-Рахель война была не новинку. Еще во время арабских бунтов 1929 года поселение было полностью разрушено арабами. И теперь жители Рамат-Рахель были полны решимости выстоять в Войне за Независимость. За десять дней поселение шесть раз переходило из рук в руки, но в конце концов им прочно овладели евреи, и попытка египтян про-

рваться в Иерусалим с юга потерпела неудачу: египетские войска сначала были задержаны, а затем потерпели полное поражение.

Тогда основные египетские силы построили новую линию укреплений: она тянулась от средиземноморского порта Ашкелон до Хеврона, Бет-Лехема и южных подступов к Иерусалиму. Хотя захват Тель-Авива пришлось "отложить", Негев был полностью отрезан от остальной части страны.

Защита Тель-Авива и его окрестностей, а также города Рамле была поручена бригаде "Кирьяти" под командованием Михаэля Бен-Гала. Бойцы бригады подготовились также к защите Явне в случае чрезвычайного положения, которое, к счастью, так и не возникло.

Весь апрель и весь май евреи не прекращали попыток овладеть дорогой на Иерусалим; но главным камнем преткновения здесь был удерживаемый арабами полицейский форт в Латруне, который преграждал путь на Шаар-Хагай. Нужно было во что бы то ни стало захватить форт, и это было поручено 7-й бригаде, которой командовал Шломо Шамир; в поддержку 7-й бригаде была направлена группа особого назначения от бригады "Гивати". Однако Латрун был отлично укреплен, атаковать его было трудно, и евреи, предпринявшие несколько лобовых атак, понесли большие потери и вынуждены были отступить. Дорога на Иерусалим оставалась закрытой.

В конце мая бойцы 7-й бригады захватили несколько арабских деревень в центральной равнине, и тогда Иосифа Табенкина вдруг осенило: а что если прорваться позади позиций 7-й бригады и пойти в обход Латруна? Немедленно было принято решение, и небольшой патруль, состоявший всего лишь из горстки бойцов, получил задание найти такую дорогу. Они были убеждены, что она существует. Целую ночь пробирались они по валунам и сквозь заросли куманики, обходя патрули Арабского легиона, и наконец трое бойцов достигли другого конца иерусалимской дороги. Когда они

явились в штаб Палмаха в Тель-Авиве и заявили, что пришли из Иерусалима, им никто не поверил; тем не менее запасной путь в Святой город был найден.

1 июня отряд бригады "Харэль" прошел по этой дороге, длиной всего в шесть миль, которая вела через Иудейские горы. Для нее тут же придумали название: "Бирманская дорога". Один участок "Бирманской дороги" был непроходим даже для джипов: здесь, на так называемом "джиповом перекрестке", грузы для Иерусалима приходилось перевозить на мулах или на собственных спинах, и так продолжалось многие недели. Дважды за ночь двести сорок человек — в основном новых репатриантов — на собственных плечах перетаскивали через "джипов перекресток" тяжелые мешки и ящики, весом иной раз фунтов по шестьдесят. Путь в один конец занимал часа полтора. Карабкаясь по валунам, они шли цепочкой в полной темноте. Время от времени они опускали свою ношу и отдыхали, и никто не подгонял их подниматься и идти дальше — но они несли пищу для бойцов и детей Иерусалима. И до тех пор, пока валуны не были убраны и дорога не была расчищена для транспорта, каждую ночь цепочка людей ходила взад и вперед по скалам, и в осажденный город продолжало поступать продовольствие.

В Хефере и в долине Шарон расположилась бригада "Александрони" (под командованием Дана Эвена, которого позднее сменил Бенцион Зив); этой бригаде противостояли крупные арабские силы в горных районах и на равнине. Бригаде удалось, отбросив неприятельские силы, расчистить коридор через центральную часть прибрежной равнины — правда, только с ограниченным успехом.

Именно на этой стадии войны в Палестине появилась одна из тех редких и сильных личностей, которые иной раз приходили на помощь ишуву извне. Это был полковник американской армии Дэвид Маркус, по прозвищу Микки, еврей, выпускник Уэст-Пойнта. Маркус — как прежде Орд Уингейт — предоставил свои обширные воинские познания и выдающиеся организа-

торские способности в распоряжение верховного командования Хаганы. Мужественный офицер, преданный делу защиты Еврейского государства, он был случайно убит часовым на иерусалимской дороге буквально за несколько часов до первого перемирия. Но он успел внести существенный вклад в военное искусство и организацию израильской армии.

В 6 часов утра 11 июня Организация Объединенных Наций добилась прекращения огня (так называемое "первое перемирие"). Евреи уже отразили натиск с юга — один военный комментатор назвал это "смесью изобретательности, мужества, воинского искусства и удачи", — и теперь у них были основания уверенно смотреть в будущее и гордиться своим упорством. Но Иерусалим все еще находился под серьезной угрозой. С востока и с севера город осаждали иорданцы, а на юге — египтяне, задержанные у поселения Рамат-Рахель. Еврейские силы не только удерживали власть в Иерусалиме, но еще и продвинулись на восток до Мертвого моря. Кроме того, среди защитников Иерусалима была бригада "Харэль", которая сражалась и в самом Иерусалиме, и на холмах по обе стороны от дороги, ведущей в осажденную столицу с равнины. Судьба Иерусалима зависела от того, сумеет ли его измученное и голодное население выдержать осаду, а это, в свою очередь, зависело от того, будут ли в город продолжать поступать продовольствие, оружие и боеприпасы.

Первое перемирие длилось двадцать восемь дней, и за это время соотношение сил в войне изменилось. В соответствии с условиями перемирия новые иммигранты призывного возраста в Израиль не должны были допускаться, за исключением тех случаев, когда на то будет получено особое разрешение главы швейцарского Красного Креста графа Фольке Бернадотта, которому ООН поручила быть посредником между враждующими сторонами в Палестине. Другое условие перемирия запрещало обеим сторонам наращивать свои запасы вооружения.

Попытки найти новые источники снабжения оружием начались еще в трудные дни начала войны. В Восточной Европе рехешники вели переговоры с Польшей, Чехословакией, Францией и Румынией. Соединенные Штаты наложили эмбарго на поставку оружия на Ближний Восток. На Великобританию нечего было даже рассчитывать. Но гораздо благожелательнее оказалась позиция правительства Чехословакии, и рехешники, полные надежд, устремились в Прагу и — с несколько меньшей надеждой — в Париж.

Цены были непомерно высокие: несколько сотен тысяч долларов стоил один-единственный далеко не новый военный самолет. Но главная трудность упиралась не в деньги. Было достигнуто соглашение, что оружие и самолеты будут куплены от имени какой-нибудь другой страны. Но как все это доставить в Израиль? Югославия согласилась предоставить в распоряжение Хаганы свои порты и аэродромы; суда Рехеша уже ждали в югославских портах, готовые принять драгоценный груз. Пожалуй, наиболее известным из этих судов был "Бореа". 13 мая, проделав путь под панамским флагом, он доставил в Тель-Авив пушки, снаряды, пулеметы и примерно четыре миллиона пуль в тысяче ящиков — все это было спрятано под четырехсотпятидесятитонным грузом лука, крахмала и банок с томатным соком. Судно уже готово было пришвартоваться, но тут англичане решили еще раз осмотреть "Бореа". Британский офицер потребовал у капитана отвести судно в Хайфу для тщательной проверки, поскольку есть подозрение, что судно везет контрабандные товары. До провозглашения независимости Израиля оставалось двадцать четыре часа; между "Бореа" и группой Рехеша на берегу произошел обмен радиограммами; в конце концов под конвоем британского военного корабля "Бореа" двинулся в Хайфу. В полночь британский офицер взглянул на часы.

— Мандат кончился, — сказал он капитану "Бореа".

— Вы свободны, продолжайте свой путь. Шалом!

”Бореа” возвратился в Тель-Авив. Моряки с борта судна увидели, как в Тель-Авиве разорвался первый египетский снаряд, не причинивший, впрочем, никакого ущерба. ”Бореа” стал первым судном, разгрузившимся в свободном еврейском порту.

Во время перемирия следовало соблюдать строжайшую секретность; теперь уже не британский флот, а ООН была настороже, а Хагане позарез нужна была военная авиация. Чехословакия продала Израилю партию самолетов, и еще одну партию самолетов — в том числе несколько старых ”констеллейшнов” — группа американских добровольцев помогла раздобыть из запаса военно-воздушных сил США. Израиль приобрел права двух прекративших свое существование авиакомпаний и снова воспользовался панамским флагом. 20 мая 1948 года был создан воздушный мост (операция ”Балак”); к 11 июня было сделано уже тридцать полетов, и Израиль получил более ста тонн груза; самолеты взлетали с чехословацкого аэродрома, зашифрованного Хаганой под названием ”Эцион”. Операция была закончена 12 августа того же года.

Призыв в армию

К концу мая были обнародованы два важных государственных документа. Одним из них был Приказ по обороне, согласно которому в случае чрезвычайного положения государство могло объявить призыв в армию; в этом приказе указывалось, что постоянная армия Израиля будет состоять из сухопутных сил, морского флота и военно-воздушных сил. Было также заявлено о введении ”всеобщей воинской повинности”. Каждый гражданин, служащий в Армии Обороны Израиля, был обязан дать присягу верности государству, и всякие другие вооруженные силы, помимо Армии Обороны Израиля, объявлялись вне закона. Кроме того, был опубликован Указ о контроле над личным составом вооруженных сил, который предусматривал

мобилизацию всех израильтян в возрасте от семнадцати до тридцати пяти лет. 31 мая был опубликован приказ, где, в частности, говорилось: "После провозглашения государства Израиль Хагана вышла из подполья и стала регулярной армией... Если бы не Хагана, ее военный опыт, планирование, воинское искусство и командный состав, если бы не преданность и мужество ее бойцов, ишуву не удалось бы выстоять в трудной борьбе, которую он вел в течение последних шести месяцев, и государство Израиль не могло бы быть создано". Под документом стояла подпись Давида Бен-Гуриона, первого главы правительства и министра обороны Израиля.

Солдаты Армии Обороны Израиля должны были присягнуть на верность своему государству, и эта церемония состоялась 28 июня, через семь месяцев после начала военных действий. Яков Дори — начальник штаба Хаганы, Игаэль Ядин — молодой студент-археолог, превратившийся в начальника оперативного отдела штаба, и тысячи других приняли присягу Армии Обороны Израиля, *Цва Хагана ле-Исраэль* (сокращенно — *Цахал*). Первыми командирами Цахала были Иосеф Авидар (военно-хозяйственное снабжение), Моше Цадок (личный состав), Элияху Бен-Хур (военное обучение), Иссар Беэри (военная разведка), Аарон Ремез (военно-воздушные силы), Гершон Зак (военно-морской флот), Шмуэль Адмон (артиллерия), Эммануэль Шахар (инженерные войска) и Ицхак Алмог (служба связи). Во многих отношениях церемония принятия присяги была, конечно, формальностью; она сделала "легальным" то, что прежде было "нелегальным", она узаконила вооруженные силы, которые существовали уже много лет. От Хаганы молодая армия Израиля унаследовала не только солдат и офицеров и накопленный опыт, не только организационную структуру и вооружение, но также и победы, одержанные в последние несколько недель.

В июне в военных действиях принимало участие с обеих сторон около 50000 человек; к 9 июля 1948 го-

да, когда закончился срок первого перемирия, в еврейских и арабских вооруженных силах насчитывалось в общей сложности уже около 100000 человек — прост этот объяснялся в основном увеличением численности личного состава израильской армии. Война вступила в четвертую фазу — широких наступательных операций на северном и центральном фронтах. 11 июня и евреи, и арабы удерживали за собой четко очерченные позиции. Сирийцы владели предмостным укреплением на реке Иордан в Галилее — в поселении Мишмар-Хаярден, которое они полностью разрушили; там находились некоторые из отборных сирийских частей. Укрепившись в Мишмар-Хаярден, они рассчитывали, продвинувшись к Рош-Пине, захватить контроль над всей Верхней Галилеей. В центральной Галилее все еще находилась Арабская освободительная армия под командованием Каукджи, снабжавшаяся из Ливана и контролировавшая большую территорию — в частности, город Назарет. Однако Цахал удерживал и восточную, и западную части Галилеи, так что Арабская освободительная армия была, по сути дела, в ловушке, хотя ее командиры, по-видимому, этого не сознавали. В узкой центральной полосе страны, в Самарии ("Арабский треугольник"), довольно прочные позиции занимали иракские войска, которые являли постоянную угрозу долинам Хефер и Изреель.

Что же до Арабского легиона, он удерживал не только Старый город и окрестности Иерусалима, но и большую часть долины, включая арабские города Лод и Рамле, и занимал позиции в опасной близости к Тель-Авиву. Египтяне владели большой территорией вдоль западного побережья от Рафияха до Явне (в том числе Газой и Ашкелоном), и в их руках была также тонкая полоса земли от Ауджи ал-Хафира до Беер-Шевы и от Беер-Шевы до Рамат-Рахель. Египетские позиции тянулись с запада на восток от Ашкелона до Хеврона и отрезали Негев от остальной части страны.

Израиль же занимал позиции на трех важнейших фронтах: в Негеве, в центре страны (где ключевое по-

ложение занимал Иерусалим) и в Верхней Галилее. Израилю предстояло сделать мучительный выбор: какому фронту уделить наибольшее внимание, и в конце концов основные силы были сконцентрированы на двух направлениях: на севере, где нужно было отбросить сирийцев, и в центре, где командование надеялось занять Лод и Рамле и не дать Арабскому легиону соединиться с египтянами в прибрежной равнине, а самих египтян отогнать подальше от Тель-Авива.

9 июля, в день окончания срока перемирия, началось десятидневное израильское наступление: серия коротких, мощных, решительных и победоносных бросков. Израильская армия, четко сознававшая свои задачи и хорошо организованная, прекрасно понимала, что теперь тот, кто захватит какую-то территорию, удержит ее за собою, и что следует ясно определить границы будущего государства, прежде чем ООН вмешается и навяжет сторонам новое перемирие. Когда десятидневное наступление закончилось — а произошло это, как и предвидели израильтяне, в результате навязанного ООН нового прекращения огня, — Цахал занял 677 квадратных миль территории, контролировавшейся ранее арабами, ликвидировал угрозу Тель-Авиву, Хайфе и районам прибрежной равнины, расширил иерусалимский коридор, снял, наконец, блокаду с Иерусалима, проделал большую брешь в арабской территории в центре Палестины и уничтожил все основные арабские базы в Галилее. Арабы потеряли двадцать процентов личного состава своих вооруженных сил, и Война за Независимость была евреями выиграна — хотя еще и не закончилась.

Операция "Данни"

Операция "Данни" (в честь Данни Массы, командира последнего подкрепления, посланного в Эцион), которая началась 9 июля, развернулась по всей полосе палестинской территории от Тель-Авива до южных подступов к Иерусалиму, хотя сам Иерусалим не затрону-

ла. Направлена она была, главным образом, против Арабского легиона, хотя на ряде участков пришлось вести боевые действия также против иракских и египетских войск. На первой стадии операция преследовала следующие цели: нанести врагу тяжелый удар везде, где это было возможно, захватить территории, продвинуть израильские линии ближе к гористым, легко обороняемым районам центрального сектора, овладеть ключевыми дорогами и такими жизненно важными объектами, как аэропорт Лод и железнодорожная сеть. И, кроме того, нужно было раз и навсегда вырвать инициативу из рук противника.

В операции "Данни" принимали участие и пехотные, и бронетанковые войска, состоявшие из подразделений Палмаха и Хиша, при поддержке артиллерии и авиации. Это была самая крупная и разнообразная по тактике операция, какая когда-либо проводилась на каком-либо фронте с самого начала Войны за Независимость. Командование операцией осуществляли Игал Алон и штабные офицеры Палмаха. Новая ударная сила особого назначения состояла из 8-й бронетанковой бригады под командованием Ицхака Садэ, бригады "Ифтах" под командованием Мули Кохена (самого молодого бригадного командира Цахала), бригады "Харэль" и бригады "Кирияти" из Тель-Авива.

Операция была начата двумя колоннами — одна из них повела наступление от Тель-Авива на юго-восток, другая ударила от Гезера на северо-восток; отряды должны были сомкнуться около Бен-Шемена — сельскохозяйственного поселения для детей к востоку от Лода, которое уже несколько месяцев было отрезано от остальных территорий ишува. Бригады должны были совместно атаковать Лод, рассчитывая на то, что город Рамле, западнее Лода, сдастся. Объединенная атака на Лод была проведена с тыла; в ходе атаки один механизированный батальон 8-й бригады проделал отчаянно смелый бросок, и в городе бойцы "Ифтах" приняли участие в ожесточенной уличной схватке. Урок не прошел даром для Рамле, который сдался Ца-

халу 12 июля. Непосредственная угроза Тель-Авиву была ликвидирована, и в центре страны была создана гораздо более эффективная линия обороны.

Лод и Рамле в руках Цахала

За два дня палмахники достигли пересечения дорог Латрун—Рамалла, и в то же самое время передовые части бригады "Харэль", продвигаясь на северо-запад, соединились с бригадой "Ифтах", таким образом окружив Латрун. В любой момент ООН могла объявить перемирие. В попытке соединиться с египтянами Арабский легион послал им подкрепление от Латруна, в котором был оставлен лишь небольшой гарнизон. Израильяне в отчаянии двинулись на Латрун, но атака была отбита арабским гарнизоном. В последние часы в бой был введен небольшой отряд особого назначения — механизированная пехотная рота, поддержанная двумя танками и артиллерией; 19 июля, в последний день десятидневного наступления, израильские войска попытались преодолеть неприятельское сопротивление, атаковав Латрун с северо-запада, но один из двух приданных пехоте танков вышел из строя, и взять Латрун снова не удалось. Так Латрун и остался в руках арабов, соринкой в глазу Израиля, вплоть до июня 1967 года.

Но дальше к северу бригаде "Харэль" удалось расширить клин между египетскими войсками и Арабским легионом, и Хар-Тув, ранее захваченный арабами, стал первым освобожденным еврейским поселением. В целом операция "Данни" удалась; она стоила жизни многим бойцам и проводилась в обстановке большого нервного напряжения. Ее результаты могли бы быть гораздо более впечатляющими, если бы ООН не навязала второе перемирие. Отчасти операция эта велась по классической системе, отчасти в ней применялась тактика партизанских рейдов, или "малой войны": днем военные действия велись одним способом, ночью — другим. В ходе операции был допущен ряд ошибок и просчетов, но главные цели операции были достигну-

ты: взяты Лод и Рамле, а с ними — что символично — и Модиин, крохотная деревушка, в которой две тысячи лет назад родились братья Маккавеи и которая теперь вошла в состав Еврейского государства.

Операции "Брош" и "Декел"

За эти десять дней боев были также проведены две кампании на севере. Одна из них, операция "Брош" (что значит "Кипарис"), под командованием Мордея Макклефа, ставила целью захватить сирийское передовое укрепление возле Мишмар-Хаярдена в Верхней Галилее. Сирийцы настолько хорошо окопались, что, невзирая на непрерывные атаки, недостаточно вооруженным израильским частям так ничего и не удалось сделать. Сирийцы сумели продержаться вплоть до начала второго перемирия, объявленного ООН. Более успешной оказалась другая операция — "Декел" ("Пальма") в Нижней Галилее; целью этой операции был захват Назарета и окружающих гор. Наступление велось совместно пехотными и бронетанковыми частями и увенчалось захватом всей этой местности; арабские войска под командованием Каукджи были обращены в бегство. Командовал операцией Бен Дункельман, позднее его сменил Хаим Ласков. Общее командование фронтом осуществлял Моше Кармел.

Второе перемирие

Второе перемирие началось 19 июля 1948 года, и даты его окончания установлено не было. Командование Цахала использовало передышку для того, чтобы произвести ряд коренных изменений в структуре израильских вооруженных сил: было выделено четыре "фронта", или командования, и все войска на каждом фронте были подчинены командующему фронтом (тогда как прежде в каждом районе существовали обособленные бригады, каждая из которых подчинялась своему бригадному командиру). Командующим Северным

фронтом был назначен Моше Кармел, Восточным — Дан Эвен, Центральным — Цви Аялон и Южным — Игал Алон. Более того, с учетом введения всеобщей воинской повинности, в результате которой в армию влились бы необученные новобранцы, было принято решение ввести в Цахале строжайшую регламентацию и дисциплинарный устав. Вводились чины, были открыты офицерские столовые и создан корпус военной полиции, для которого была введена форма, сходная с формой британской военной полиции.

Израиль был жизнеспособен и силен, однако его границы не были четко определены, и Негев все еще был осажден арабскими войсками. Граф Бернадотт, который считал себя скорее не судьей и примирителем, но государственным деятелем высокого полета, дал понять, как он мыслит себе будущее Израиля: он предполагал отдать Негев арабам и, возможно, даже ограничить еврейскую иммиграцию в страну. Вопрос стоял не о каких-то незначительных уступках или изменениях границ ради установления мира, а о самом существовании Еврейского государства. Если евреям будет запрещено приезжать в Еврейское государство в любое время, при любых условиях и в любом количестве, то сущность Израиля станет фарсовой и бессмысленной. Если Израиль лишится Негева, это явится таким же *reductio ad absurdum**; значительную часть Негева можно было использовать для развития сельского хозяйства, и израильтянам казалось невероятным, что эту территорию у них отнимут дабы убогатить государства, которые и войну-то начали.

Как это ни странно ввиду развития событий в Палестине за последние пятьдесят лет, мир, казалось, так и не понял, что ищув никогда не откажется от своего требования свободной еврейской иммиграции; и человек, которого ООН назначила своим представителем, что-

* *reductio ad absurdum* (лат.) — доведение до абсурда, приведение к нелепости.

бы примирить враждующие стороны, тоже этого явно не понимал.

Граф Бернадотт вел бесконечные переговоры с британским министерством иностранных дел и с американским Государственным департаментом. Англичанам его планы ничуть не претили: в конце концов, если Негев и не станет частью Еврейского государства, он будет идеальной альтернативой британским базам в Египте. Кроме того, Бернадотт предложил превратить аэропорт Лод в международную зону и установить постоянное наблюдение ООН над хайфской гаванью.

Когда план графа Бернадотта был наконец обнародован, он превзошел самые худшие опасения израильтян. В плане официально предлагалось отдать Негев Трансиордании, ввести надзор ООН над всеми израильскими аэродромами и морскими портами и ввести "особый статус" для Иерусалима, включая Новый город.

Израиль в возмущении заявил в ООН, что рекомендации графа Бернадотта вообще едва ли можно принимать всерьез, и отверг этот план целиком и полностью; особенное негодование, как указывалось в израильском заявлении, вызвало предложение отторгнуть от Израиля Иерусалим и передать его арабам. К сентябрю даже сам Бернадотт понял, что его план передачи Иерусалима арабам совершенно неприемлем, и предложил установить над городом контроль ООН. Однако не успела ООН что-либо предпринять в связи с этим планом, как Бернадотт был убит на тихой улочке в Иерусалиме, и наступил еще больший хаос. Арабы постоянно нарушали соглашение о прекращении огня, и ООН была не в силах — или не очень хотела — этому помешать. Озабоченность евреев судьбой Негева росла; казалось, не оставалось иного выхода, как снова взяться за оружие. К октябрю египетская армия на юге получила крупное подкрепление, и у египтян были все основания не ожидать какого-то серьезного сопротивления от горстки еврейских поселений, которые, будучи отрезанными от остального государства, все еще не же-

лали сдаться. Связь между этими поселениями и Цахалом все лето поддерживалась по воздуху (операция "Пыль"); часто за ночь делалось до восьми перелетов. Но сухопутного сообщения воздушный мост заменить не мог. Кроме того, время поджимало: если status quo вскоре не изменился бы, окончательное соглашение по Негеву могло оказаться роковым.

Операция "Десять казней"

И тогда Цахал подготовил операцию "Десять казней", или, как ее еще называли, операцию "Иоав" (в честь командира Палмаха, погибшего при защите кибуца Негба). Задачей этой операции было окончательное изгнание египтян из Негева. Силы, участвовавшие в операции "Десять казней", включали бригады "Гивати", "Ифтах", "Негев", 8-ю бригаду и позднее 9-ю бригаду (которой командовал Ури Иоффе, а после него — Ицхак Пундак), эскадрон военно-воздушных сил и разведывательное подразделение — всего около 15000 человек. Сигналом к началу операции послужило нападение египтян на конвоируемую автоколонну, направлявшуюся в Негев, и 15 октября началась военная кампания, которая длилась 142 часа. Подготовка к проведению операции велась уже с середины августа: израильские "примусы" и "мессершмиты", только что прибывшие "констеллейшны" и "коммандо-46" присоединялись к частям Цахала за неприятельской линией через определенные промежутки времени.

Захват Беер-Шевы

И вот, застав врага врасплох, Цахал двинулся двумя плотными клиньями на сильно растянувшуюся египетскую линию, проходившую от района севернее Газы до предгорий Хевронского хребта; египетская армия была отрезана от уже налаженных путей снабжения. Затем направление главного удара сместилось на перекрестки важнейших дорог Негева, которые нахо-

дились в руках египтян. Перекрестки были захвачены Цахалом, и блокада с Негева была снята — наконец-то юг снова был воссоединен с остальной территорией Израиля. Отлично зная тенденцию ООН вмешиваться именно тогда, когда арабам угрожает опасность, Цахал поспешил закрепить успех, и 21 октября штурмом с запада был взят город Беер-Шева. Как и предполагалось, немедленно последовало постановление ООН о прекращении огня. Время вышло, израильтяне не могли продвигаться дальше, но тем не менее они успели соединить зону Сдома с Беер-Шевой до того, как на всем Южном фронте вступило в силу соглашение о прекращении огня.

Взятие Бет-Лехема и Хеврона на Центральном фронте было уже делом всего каких-нибудь нескольких часов, однако правительство приказало Цахалу остановиться. 17 ноября сама ООН в лице преемника графа Бернадотта, доктора Ралфа Банча (которому позднее предстояло получить Нобелевскую премию мира за свою деятельность в Палестине), предложила, чтобы израильтяне сохранили гарнизон в Негеве, хотя и вывели оттуда свои основные силы. Несмотря на прекращение огня, на Хевронской гряде еще велись отдельные военные операции, и египтяне продолжали уводить свои войска с юга — частично морем (при этом еще не набравший силу израильский флот сумел потопить два египетских корабля — одним из них был флагман египетского флота "Эмир Фарук").

На юге теперь израильтянам сопротивлялся только так называемый "Фалуджский мешок", к концу операции он был шириной всего мили в три: там в окружении оказалась целая египетская бригада со всем своим вооружением. У этой бригады не было ни малейшей возможности вырваться из окружения и соединиться с основными египетскими силами, которые в это время отступали на всем фронте, но она продолжала храбро сражаться. Даже прямые переговоры между израильским командующим и Саидом Тахой, суданским бригадным генералом в Фалудже, ни к чему не приве-

ли. Саид Таха отказался сдаться (кстати, под его началом в Фалудже служил молодой офицер египетской разведки Гамаль Абдель Насер). Пока положение сдвинулось с мертвой точки, прошло несколько недель; но в конце концов, во время переговоров о перемирии, которые велись под эгидой ООН на греческом острове Родос, было достигнуто соглашение о выводе египетских войск из "фалуджского мешка".

Операция "Хирам"

Не успело наступить затишье на Южном фронте, как снова закипели бои на севере. Войска Каукджи, спешно заново экипированные Ливаном, снова начали нападать на еврейские поселения в Галилее. Каукджи самолучно заявил, что поскольку ни он, ни его войска в ООН не представлены, они, следовательно, не обязаны соблюдать соглашение о прекращении огня. Израильцы не приняли вызов и нанесли удар по поселению Манара в Рамат-Нафтали: пришло время положить конец арабским провокациям. Длившееся шестьдесят часов наступление на Арабскую освободительную армию в конце октября 1948 года было названо операцией "Хирам" — по имени Хирама, Тирского царя, которому царь Соломон подарил "двадцать городов в земле Галилейской". Наступление под командованием Моше Кармела велось четырьмя колоннами, которые, как зубцы вил, врезались в расположение остатков неприятельских войск в восточной Галилее, под Цфатом и южнее дороги Акко—Цфат; в помощь пехоте были приданы авиация и артиллерия. Сирийцы из Мишмар-Хаярдена попытались вмешаться, но израильское наступление развивалось столь стремительно и неудержимо, что ни сирийцы, ни ливанцы, ни Арабская освободительная армия не смогли противостоять этому натиску. Операция "Хирам" продолжалась двое с половиной суток. В результате этой операции Галилея была очищена от неприятельских армий, Каукджи был отброшен от Израиля, мощь Арабской освободительной армии бы-

ла навсегда сломлена, а израильские войска даже перешли на короткое время ливанскую границу и продвинулись вплоть до реки Литани.

Теперь Израиль снова вернулся к вопросу о заключении мира. К середине декабря закончились почти все военные действия в Негеве, однако египтяне все еще отказывались вести мирные переговоры. В Израиле усиливалось ощущение, что неприятеля нужно просто-напросто заставить сесть за стол переговоров и что если Египет первым эти переговоры начнет, остальные арабские государства последуют его примеру. А такой мир, истинный и прочный, стоил даже еще одного раунда военных действий — если уж не было никакого другого пути поставить египтян на колени. Так была задумана и осуществлена операция "Хорев", которая длилась с 22 декабря по 7 января и привела к тому, что сразу же после ее окончания начались израильско-египетские мирные переговоры на острове Родос.

Израильский рывок на юг

Операция "Хорев" началась отвлекающей атакой на полосу Газы, но ее истинная и тайная цель заключалась в овладении пересечением дорог Ауджа ал-Хафир, откуда Цахал мог продвинуться в глубь Синайской пустыни, поставив под угрозу все египетские войска. Отвлекающий маневр сработал: египтяне бросили в полосу Газы подкрепления. Тут же основные израильские силы устремились на юго-запад под аккомпанемент завывания ветра, песчаных бурь и проливных дождей. Наступление развивалось не по единственной дороге от Беер-Шевы на юг к Бир Аслуджу, как можно было бы предполагать, но по остаткам древней римской дороги — может быть, той самой, по которой армия Тита шла в Палестину в 70 году нашей эры. Египтяне совершенно растерялись, когда перед ними, как гром среди ясного неба, появились бойцы Цахала; и хотя они делали все возможное, чтобы удержать Ауджу, 27 декабря пересечение дорог оказалось в руках израильтян. Тысячи еги-

петских солдат и офицеров поднимали руки, предпочитая плен гибели от жажды в песках пустыни. В те дни израильские солдаты в первый (но не в последний) раз видели это ужасное зрелище: недавние враги гибнут от жажды; тогда еще никто не предполагал, что за два десятилетия еще дважды предстоит наблюдать такое.

Первая стадия операции "Хорев" завершилась, но израильское наступление продолжалось: Цахал все дальше углублялся в Синай. 28 декабря израильские передовые части пересекли египетскую границу возле Ауджи ал-Хафира, завладели мощным укреплением в Умм-Катеф, заняли Абу-Агейлу — важное пересечение дорог в северном Синае, и крупные силы повернули к северу на Эль-Ариш, главную египетскую базу в Синае, чтобы напасть на нее с тыла. Менее крупные силы двинулись на юго-запад по направлению к Суэцкому каналу, заняли аэродром Бир-Хама и приблизились к каналу на расстояние 50 миль. В то время Суэцкий канал был в руках англичан. Третья группа войск двинулась на юг и заняла Кусиму, Кунтиллу и Бир-Хаму в центре Синая. Все египетские аэродромы попали в руки израильтян, а несколько самолетов было захвачено в совершенно исправном виде. Египтяне, деморализованные и пораженные, обратились в беспорядочное бегство. Это была, несомненно, величайшая победа в войне, и за ней последовал грубейший политический просчет. Южное командование получило разрешение вбить клин в египетские линии южнее Рафияха, чтобы изолировать всю египетскую армию. В этот момент в военные действия вмешалась британская авиация, и в сражениях было сбито несколько британских "спитфайров". Весь мир затаил дыхание. В Палате общин британского парламента разразилась буря, и в результате британское правительство вынуждено было признать новое государство. Еще важнее было то, что египтяне наконец поняли, что продолжать войну бессмысленно, и согласились на прямые переговоры с Израилем под эгидой ООН при одном условии: что израильтяне уберут свой клин южнее Рафияха. Последовал второй политический

просчет: 9 января 1949 года одержавшие победу израильские войска отступили. Израиль потерял важное преимущество, которое делало его позицию на переговорах более прочной, и совершил еще одну ошибку, согласившись на прекращение огня без гарантий, вместо того, чтобы настаивать на мирном договоре, заключения которого можно было в то время добиться. Израильское правительство уступило под британским и американским нажимом, и к 31 декабря 1948 года израильские войска практически ушли из Синайской пустыни.

У операции "Хорев" было одно важное продолжение: 12 марта 1949 года, когда в израильских школах праздновался день обороны Тель-Хая, во дворе полицейского участка в Эйлате (Умм Рашраш) на берегу Красного моря, в 155 милях к югу от Беер-Шевы, состоялся небольшой парад израильских войск. Он ознаменовал конец последней фазы Войны за Независимость и операции "Увда" ("Факт"), начавшейся 6 марта (когда на Родосе велись израильско-трансиорданские переговоры) и закончившейся пять дней спустя завоеванием южного Негева и укреплением Израиля на западном берегу Мертвого моря — в Масаде, Эйн-Геди и Иудейской пустыне. Слова поэта Ицхака Ламдана "Масада никогда больше не падет" приобрели новое значение.

Для Израиля настало время предъявить свои права на приобретенные территории.

И снова были привлечены ветераны-разведчики Палмаха. Часами они рылись в памяти, перелистывали дневники и заметки, изучали карты, вспоминали расположение тропок, холмов и долин, восстанавливали в памяти размеры валунов, длину горных вадди (пересохших русел рек), растительность. Крохотная "особая группа" на двух джипах изъездила все русла пересохших рек и холмы, наметила план местности и вернулась домой, чтобы составить окончательный план сражения. Бригада "Голани" под командованием Нахума Голана должна была продвинуться к югу через пустыню.

ную равнину Арава, а вместе с ней — группа инженеров и техников: им было поручено расстелить на песке сети, чтобы по дюнам могли пройти противотанковые орудия, джипы и грузовики с пехотинцами, и подготовить в тридцати милях к северу от Эйлата взлетно-посадочную площадку — так называемый "аэродром Авраама" — для приема транспортных самолетов с людьми и оборудованием. Центром связи намечался Эйлат.

Генеральный штаб израильской армии отдал четкий приказ: ни в коем случае не нападать на иорданцев, пусть они первыми открывают огонь. Прозвучал стартовый сигнал, и на юг двинулась бригада "Негев", а за ней — бригада "Голани", которая следовала вдоль Аравы поблизости от границы, захватывая один иорданский укрепленный пункт за другим. Только через несколько дней, когда бригаду "Негев" обнаружил разведывательный самолет, иорданские войска получили приказ отойти; после этого израильские войска взяли Эйлат с двух сторон в клещи и захватили его. Командующий Южным фронтом протелеграфировал главе правительства Давиду Бен-Гуриону и начальнику Генерального штаба: "Рад сообщить операция завершена в соответствии с планом включая освобождение Эйлатского залива точка Флаг Израиля поднят над полицейским участком Умм Рашраш точка Южная армия ликует точка Подпись Игал Алон". 10 марта в Эйлат вошла бригада "Негев"; к трем часам дня полицейский участок был занят израильскими солдатами. А еще до сумерек появились и передовые части бригады "Голани".

И снова между Израилем и Трансиорданией было подписано всего лишь соглашение о перемирии, а не мирный договор. Обобщая результаты кампании, Игал Аллон сказал группе старших офицеров: "Мы выиграли войну, но проиграли мир".

Операция "Увда" поставила мир перед свершившимся фактом: это был эпилог Войны за Независимость. Особая группа Палмаха, дойдя до Красного моря, доло-

жила: "Мы достигли конца карты". Она достигла также конца войны; и хотя эта война не принесла Израилю мира, она обеспечила его дальнейшее существование, и сделала его фактом.

7. ТЕРРОР И ВОЗМЕЗДИЕ

ХАГАНА ПРЕВРАЩАЕТСЯ В АРМИЮ ОБОРОНЫ ИЗРАИЛЯ. ФИДАЙЙУН. СИНАЙСКАЯ КАМПАНИЯ. ОККУПАЦИЯ СИНАЯ И ОТВОД ВОЙСК. КОНЕЦ ВТОРОГО РАУНДА.

Отгремели бои Войны за Независимость, улеглась пыль на израильских дорогах, и по всей стране усталые мужчины и женщины радостно приветствовали друг друга из джипов и автобусов: наконец-то, наконец-то она окончилась! Солдаты скидывали потрепанную форму и сдавали в арсеналы свои винтовки — некогда столь драгоценные. Однако никто — а меньше всего ветераны, которые дождаться не могли, когда их демобилизуют, — никто не заблуждался насчет того, что до настоящего, прочного мира, мира в полном смысле этого слова, еще куда как далеко. А положение молодого государства, несмотря на победу, было очень ненадежно: его границы были непропорционально растянуты — они протянулись почти на шестьсот миль, — и соседние страны отнюдь не смирились с существованием Израиля. Его военные базы, порты и аэродромы находились в опасной близости к вражеским территориям; и за соглашениями о перемирии, которые с превеликим трудом под эгидой ООН удалось подписать в феврале 1949 года с Египтом, в марте 1949 года — с Ливаном, в апреле 1949 года — с Иорданией и в июле 1949 года — с Сирией, — за этими соглашениями громоздилось множество нерешенных проблем; поэтому казалось маловероятным, что перемирие будет дли-

тельным или, как надеялись израильтяне, постепенно перерастет в нормальные добрососедские отношения между Израилем и арабскими странами.

Эти соглашения рассматривались как переходная стадия от войны к миру, который наступит тогда, когда стороны вступят в прямые переговоры и подпишут соглашение о недопущении каких бы то ни было военных действий друг против друга. Но лидеры арабских государств нашли новые, менее опасные для них пути продолжения войны. Категорически отказавшись признать Еврейское государство, они наглухо закрыли свои общие с ним границы. Арабские страны в большинстве случаев отказывались допускать на свою территорию всех, у кого была виза на въезд в Израиль, и поэтому направлявшиеся на Ближний Восток вынуждены были запасаться двумя, а то и тремя паспортами. Кроме того, арабы установили экономическую блокаду не только самого Израиля, но и всех стран, которые поддерживали с Израилем экономические связи. Наиболее эффективной эта блокада оказалась в Суэцком канале и в Акабском заливе: здесь, на южной оконечности Синайского полуострова, в Шарм-аш-Шейхе мощные египетские батареи держали под прицелом вход в залив, так что за семь лет в новый израильский порт Эйлат, на который возлагалось столько надежд, не смогло войти ни одно судно. Арабский бойкот фактически распространялся на весь мир; он предусматривал самые разнообразные меры: компании, которые отваживались торговать с Израилем, заносились в "черные списки"; самолетам, державшим курс на Израиль или из него, запрещалось пролетать над арабскими территориями; а Суэцкий канал был закрыт для израильских судов и для судов с израильским фрахтом (в нарушение Константинопольской конвенции 1888 года, согласно которой свободный проход через канал должен быть гарантирован судам всех стран как в мирное, так и в военное время).

Рейды террористов в глубь Израиля

Кроме того, не успели еще просохнуть чернила на соглашениях о перемирии, как, помимо экономических и политических санкций, арабы стали подкреплять свои попытки изолировать, сломить голодом и экономически обескровить Израиль еще и насильственными действиями. С 1949 года на территорию Израиля стали проникать вооруженные банды. Началось все, казалось бы, достаточно невинно. Банды мародеров угоняли скот, похищали урожай, совершали в пограничных поселениях мелкие кражи. Однако очень скоро стало ясно, что все эти набеги очень тщательно организованы, что за ними стоят арабские государства и что все это — не что иное, как начало необъявленной войны в малых масштабах. Когда набеги участились и, помимо краж и поджогов, начались еще и убийства мирных жителей, Израиль обратился за помощью к ООН. Однако ООН заявила, что прекратить бандитизм или помешать его расширению, увы, она не в силах. Кроме того, говорили чиновники Организации Объединенных Наций, нет ведь никаких доказательств того, что набеги не являются всего лишь проявлением стихийного недовольства людей, которых война выгнала из насиженных мест и превратила в беженцев; это, конечно, — очень печальное и достойное всяческого сожаления явление, однако со временем оно, несомненно, изживет себя.

Массовая репатриация

В первые бурные годы своего существования Израиль, казалось, мало что мог сделать, чтобы положить конец нарушениям соглашений о перемирии. И, помимо этого, у молодой страны было достаточно других забот: невиданными темпами увеличивалось население — прежде всего за счет массовой репатриации — и изменялись характер действий и цели израильских воору-

женных сил; все это порождало множество новых проблем.

В июле 1950 года Кнесет (израильский парламент) единогласно принял уникальный Закон о Возвращении, согласно которому каждый еврей имеет право репатриироваться в Израиль и автоматически получить израильское гражданство. В мае 1948 года в Эрец-Исраэль было примерно 650 000 евреев. К концу 1964 года Израиль принял и абсорбировал более 1 200 000 репатриантов. После провозглашения независимости в Израиль устремились сотни тысяч евреев из лагерей для перемещенных лиц на Кипре, в Германии, в Австрии, в Италии, а также из ближневосточных и североафриканских арабских государств. Эти люди были уроженцами более семидесяти стран, и почти ни у кого из них не было никакого имущества. Всех их нужно было срочно обеспечить пищей, одеждой, жильем; необходимо было их устроить, обеспечить работой, научить ивриту, определить их детей в школы. Перед Израилем стояла задача неимоверной трудности, но она требовала решения — для молодого государства это был вопрос жизни и смерти. В Законе о Возвращении воплотился руководящий принцип сионистского движения — *raison d'être** Еврейского государства. И израильтяне, все вместе и каждый в отдельности, засучили рукава и принялись за дело. По всей стране, как грибы после дождя, росли малопривлекательные на вид палаточные городки, которые превращались в скопления столь же неказистых, но более прочных асбестовых и жестяных домиков. Возникали передвижные школы и поликлиники — в зависимости от того, сколько прибывало иммигрантов и где они селились. Это было время кипучей деятельности, когда всему нужно было уделять равное внимание и ничем нельзя было пренебрегать, время многочисленных ошибок и строжайшей экономии. Жизненный уровень населения резко снизился: тем, что в 1948 году хватало на одну семью, в 1951 го-

* *raison d'être* (франц.) — смысл существования.

ду приходилось делиться еще по меньшей мере с двумя семьями. Мировое еврейство очень много жертвовало в пользу Израиля, но даже самый щедрый жертвователь не знал, что такое скудный паек по карточкам, невыносимая перенаселенность и столкновения между старожилками и новыми репатриантами, зачастую ничего или почти ничего не знавшими об истории и стремлениях ранних поселенцев.

В первые же годы после Войны за Независимость по всему Израилю выросло множество новых городов развития и десятки мошавов и киббуцов, в которых селились как вновь прибывшие, так и старожилы. Это массовое поселение на земле напоминало времена до создания государства. Так же, как и до 1948 года, освоение и заселение земель было не просто делом статистики — хотя и сама статистика производила достаточно внушительное впечатление, — но еще и долгом и правом еврейского народа. Евреи теперь составляли большинство населения страны; они создавали колоссальный промышленный, сельскохозяйственный и торговый потенциал и начали широко использовать все имеющиеся природные ресурсы.

Создание израильских вооруженных сил

Принимая во внимание необычный состав и характер подпольных вооруженных сил, лишь недавно превратившихся в нормальную регулярную армию, не приходится удивляться тому, что именно армии довелось сыграть важнейшую роль в деле абсорбции новых репатриантов и приобщения их к жизни страны. Конечно, не часто бывает, что солдаты и офицеры обучают чтению и письму, помогают осваивать новый язык, строят детские спортивные площадки, кашеварят на общественных кухнях и служат живым мостом между разными культурами. Но ведь израильская армия и не замышлялась как обычная армия: задачи ее отличались от задач большинства армий мира, и она считала себя важным звеном в еврейской истории вообще и в исто-

рии ишува в частности. И она всегда была — и стремилась быть — прежде всего гражданской армией.

Когда формально окончилась Война за Независимость, Израиль столкнулся с необходимостью создать какую-то постоянную систему обороны, продумать и осуществить демобилизацию, определить структуру вооруженных сил. Согласно этой структуре, вооруженные силы должны были состоять из четырех элементов: небольшая регулярная армия, призывники на военную службу, военнослужащие запаса и отряды местной обороны, созданные в поселениях. Кроме того, было принято решение о введении всеобщей воинской повинности — как для мужчин, так и для женщин, — и о создании вооруженных сил особого назначения. Из четырех перечисленных составных частей труднее всего было, конечно, с регулярной армией. Одно дело было пойти добровольцем в подпольные вооруженные силы в трудное для страны время, чтобы сражаться за свободу, другое — на всю жизнь выбрать военную карьеру. Решение проблемы заключалось в создании постоянных вооруженных сил особого типа: небольшая армия, состоящая из преданных, хорошо подготовленных кадровых военных — офицерского и сержантско-ефрейторского состава, — такая армия, если сделать в ней упор на специализацию, могла привлечь израильскую молодежь. Учебное командование Цахала открыло целую сеть специализированных военных училищ; армия поощряла стремление офицеров к высшему образованию и нередко посылала их для повышения военной квалификации за границу — в основном в Англию и Францию. Для военнослужащих и их семей строились жилые кварталы и открывались магазины. Прием в регулярные вооруженные силы производился только на основании личных заслуг и способностей, а внешнему лоску и молодцеватости уделялось меньше всего внимания — без ущерба для *esprit de corps**. Кроме того, это должна была быть молодая армия, свобод-

* *esprit de corps* (франц.) — боевой дух.

ная от лицемерия и сковывающих закостенелых традиций. Например, Игаэль Ядин в 1949 году занял пост начальника штаба Цахала в возрасте всего 33 лет, и мало кто из его коллег был старше.

Женщины не имели права принимать участия в боях и служили в особых частях, однако их не считали просто вспомогательным персоналом. Женский корпус назывался *Хен*, что на иврите значит "обаяние" — это случайное совпадение, ибо сам термин возник как аббревиатура слов "женская армия". Хен был неотъемлемой частью израильских вооруженных сил; женщины служили — и по сей день служат — как в регулярной армии, так и во всех категориях запаса, от которого в конечном итоге всегда зависела обороноспособность Израиля. Юноши и девушки подлежали призыву на действительную военную службу с 18 до 20 лет или до 21 года, и они оставались военнослужащими запаса до 45 лет. По понятным причинам арабы — граждане Израиля — не подлежали обязательной воинской повинности; однако сотни арабов — христиан и мусульман — охотно шли добровольцами на разные должности в систему обороны. Но друзья, которых в стране было всего 35000 человек, и еще более малочисленные черкесы потребовали, чтобы их призывали на военную службу. Все молодые мужчины-друзы служат в Цахале или — чаще — в пограничной полиции, и проявляют при этом высокое мужество. Для того, чтобы даже в военное время большинство населения до последней минуты могло жить нормальной жизнью, была разработана процедура призыва, которая обеспечивает быстрейшую в мире мобилизацию. Для этого было решено использовать все средства: радио, газеты, повестки, плакаты, письма и телеграммы. Резервисты, согласно предварительно составленным спискам, обязаны в определенное время являться в определенные места для регистрации. После того, как резервист обследован, зарегистрирован и направлен в определенную часть, ему сообщают условное кодовое слово: это слово, произнесенное по радио или напечатанное, например, в газете или на пла-

кате, должно стать для него сигналом, что ему следует явиться в полном снаряжении на место сбора. В государстве без достаточно глубокой линии обороны и с непомерно вытянутыми границами со странами, руководители которых то и дело во всеуслышание объявляли о своем намерении при первой возможности начать второй раунд войны, быстрота и эффективность мобилизации были не просто тренировкой в проворстве. Осенью 1950 года Цахал провел свои первые большие маневры: оказалось, что меньше чем за сорок восемь часов все резервисты получили сигнал, собрали свое снаряжение и явились на заранее установленные передовые позиции.

На́хал

Но, как и в первые годы существования ишува, оборона Израиля в значительной мере зависела от жителей пограничных поселений. В течение всей Войны за Независимость поселения служили наковальней, тогда как Хагана была молотом; и государство Израиль было в значительной мере выковано между этим молотом и этой наковальней. Армия Обороны Израиля в поисках сочетания военной службы с сельскохозяйственным трудом в конце концов разработала план, который привел к созданию *Нахала* (сокращение от слов на иврите, означающих "сражающаяся поселенческая молодежь"). Ничего подобного Нахалу не существовало еще ни в одной стране, и с его помощью удалось основать ряд поселений в отдаленных частях страны, что крайне повысило обороноспособность Израиля в этих важных районах. Особые формы набора в Нахал позволяли группе молодежи — ядру будущих поселений — находиться вместе весь срок военной службы; вместе они обучались как военному делу, так и сельскохозяйственному труду в уже существующих киббуцах, а после службы их направляли в пограничные поселения, где они все так же вместе трудились на земле. Это был,

пожалуй, самый ярко выраженный новаторский элемент Армии Обороны Израиля.

Одновременно с созданием новой структуры, выпуском новых военных учебников и нового устава израильские вооруженные силы приобретали новую технику. Место "мессершмитов" и "спитфайров" занимали "метеоры", а место снабженных орудиями рыбацких шхун, несших в 1948 году береговую охрану, — фрегаты; появились танки взамен грузовиков с железной обшивкой, остовы которых до сих пор лежат по обочинам иерусалимской дороги. Но основной упор делался не на техническую сторону и даже не на армейскую структуру, а на людей. Нужно было создать армию, первоклассную с точки зрения ее состава. Большинство молодежи, служившей в Цахале в период Войны за Независимость, вернулось к гражданской жизни — многие впервые со времен детства. Кому же предстояло — и кто мог — их заменить? Цахал взялся за обучение тысяч новых репатриантов, он превратился в самое большое и, возможно, самое лучшее учебное заведение Израиля: в нем был создан Учебный корпус, члены которого не только учили стрелять, но и преподавали молодежи, никогда по-настоящему не учившейся и выросшей в обстановке крайнего бескультурья, также географию, историю и грамматику.

На границах становится все тревожнее

Именно этими проблемами и занималась в первую очередь Армия Обороны Израиля в первые годы существования страны. Беспокойное положение на границах с арабскими государствами, учащающиеся нападения на израильскую территорию вооруженных банд — все это было прежде всего делом комиссий по перемирию и объектом нескончаемых бесплодных дебатов. Но к 1952 году количество пограничных инцидентов достигло трех тысяч. Снова евреев убивали на дорогах и в городских предместьях, в полях и в собственных домах. Терпение лопнуло. В 1953 году Цахал создал крошеч-

ный отряд, человек из двадцати, которому было поручено проводить рейды возмездия по ту сторону границы. Нужно было положить конец арабскому террору. К январю 1954 года этот отряд при поддержке парашютистов провел десятки боевых акций; он атаковал лагеря Арабского легиона, египетские позиции, египетский штаб в Газе (которая, хотя и считалась демилитаризованной зоной, служила стартовой площадкой для проникновения на территорию Израиля) и сирийские огневые позиции.

Этому маленькому отряду предстояло стать ударной боевой силой Цахала. Его бойцы изучали тактику ночного боя, борьбу дзюдо, методы разведки и проникновения на вражеские базы; они учились нападать с тыла, с фронта и с фланга — в любом месте и в любое время, если речь шла о вражеских позициях. Так выковывался новый тип израильского солдата — сурового, изобретательного, бесконечно мужественного, как и его предшественники, но, к тому же, еще и профессионального воина. Это были уже не солдаты-фермеры, а командос, армейская элита, люди, знавшие, что террору нужно положить конец и понимавшие, что это зависит от них.

В 1955 году положение ухудшилось. Египет решил шире использовать вооруженные банды, которые он поддерживал в течение многих месяцев. Так появились федаины — вооруженные отряды, поставившие себе целью постоянно угрожать Израилю и в конце концов добиться его уничтожения. Они базировались главным образом в секторе Газы, но их лагеря возникли также в Иордании, Сирии и Ливане — везде, откуда удобно было проникать как можно глубже на территорию Израиля, чтобы там минировать дороги, нападать на автомашины, взрывать колодцы и разрушать дома. За год от рук федаинов погибло больше четырехсот евреев, включая детей, около тысячи евреев было ранено, и общее количество акций федаинов достигло двенадцати тысяч.

”Мы не можем, — заявил начальник штаба Цахала

Моше Даян, — гарантировать, что ни одна водопроводная труба не будет взорвана и ни одно дерево не будет выкорчевано из земли. Мы не можем предотвратить убийства рабочих в апельсиновых рощах или целых семей в их собственных постелях. Но мы можем сделать так, чтобы их кровь оплачивалась дорогой ценой — настолько дорогой, что арабам, арабским армиям и арабским государствам станет невыгодно платить ее”.

И Армия Оборона Израиля такую цену установила: взрывались вражеские установки в Хан-Юнисе, Кунтилле, Калькилии. Обстановка настолько накалилась, что всего лишь через восемь лет после окончания Войны за Независимость ишув, которому нужны были лишь время и мир, чтобы развивать свое молодое государство, снова оказался в состоянии войны.

Вновь звучит призыв к оружию

Непосредственной прелюдией к Синайской кампании была так называемая Чехословацкая сделка 1955 года, когда между советским сателлитом Чехословакией и Египтом было заключено соглашение о продаже Египту большого количества оружия, в том числе истребителей, танков, бронетранспортеров, грузовиков, эсминцев и подводных лодок. Это укрепило намерение Египта ”снова завоевать Палестину”, как выразился в январе 1956 года египетский президент Гамаль Абдель Насер. Диспропорция между военной мощью Израиля, которому большинство его друзей отказало в поставках оружия, и военной мощью его самого опасного противника угрожающе увеличилась. Видя, чем это неизбежно грозит, Израиль возобновил свои попытки найти оружие — и встретил благожелательную реакцию Франции, — а также начал строить на границах гораздо больше новых поселений, чем это предполагалось по первоначальному плану. Когда-то, в 1946 году, тринадцать новых поселений дали понять англичанам, что евреи не отдадут Негева; через десять лет, в 1956 году, подобное заявление сделали еще пять новых поселений

Нахала на юге страны. В 1956 году израильская разведка установила, а Цахал позднее подтвердил, что весь Синайский полуостров превратился в мощную египетскую военную базу, с которой арабы готовились ринуться в атаку на Израиль; у самой границы с Израилем были построены взлетные площадки для реактивных самолетов, вдоль возможных осей наступления располагались пункты полевого снабжения, а склады ломились от горючего, вооружения, медикаментов и продовольствия, собранных в количествах, во много раз превышающих обычные нужды египетских войск, расположенных на Синайском полуострове.

Если до того кто-то еще сомневался в намерениях Египта, эти сомнения окончательно рассеялись, когда в октябре 1956 года было создано объединенное египетско-сирийско-иорданское командование; верховным главнокомандующим был назначен египетский генерал. Прежде, в 1948 году, тоже существовало такое объединенное командование; но тогда оно лишь безуспешно пыталось координировать действия различных арабских армий. Но в 1956 году создание нового объединенного командования было серьезной попыткой создать настоящую монолитную армейскую структуру. Весной 1956 года Насер захватил и национализировал Суэцкий канал; этим он недвусмысленно показал, что ни мировое общественное мнение, ни ООН не остановят его в намерении напасть на Израиль; это был его самый дерзкий вызов.

Египтяне предвкушают победу

Октябрь 1956 года был долгий, напряженный, жаркий месяц. Каждый день приносил новые зловещие известия. Сирийская пехота впервые появилась на территории Иордании и заняла позиции около израильской границы вдоль реки Иордан. Зарубежные политические комментаторы рассуждали о намерениях Насера: похоже, что египетская военная хунта рассчитывает создать Арабскую империю от Атлантического океана на запа-

де до Персидского залива на востоке и до истоков Нила на юге. Уничтожение Еврейского государства Египтом неизбежно должно было еще больше поднять египетский престиж. А после ликвидации Израиля Египет, Сирия, Иордания и Палестина создадут естественный блок, в котором Египет — самая мощная арабская держава — в итоге захватит политическое и военное руководство, о котором так мечтал египетский лидер. Лелея эти голубые мечты, арабы забыли об уроках 1948 года — так велик был соблазн.

Однако в Израиле над комментариями и анализом довлела суровая действительность, выраженная в цифрах и фактах. Снова возникло простое и знакомое соотношение, и, размышляя над ним, израильтяне приняли его логику: опять немногим придется воевать против многих; экономике и без того напрягшейся до предела, придется выдержать тяготы войны против экономики, основанной на нефтяном богатстве; политически изолированное демократическое государство выступит против мощного военного союза тоталитарных режимов, неустанно ублажаемых и с востока, и с запада. Обстановку можно было обрисовать несколькими красноречивыми фактами: арабские бомбардировщики базировались в пятнадцать минут полета до главных городов Израиля, и даже меньше — до его баз; неожиданное нападение с воздуха неминуемо превратило бы израильские поля в пожарища, парализовало бы израильские города, разбило бы и лишило возможности действовать израильскую армию. Опасное геостратегическое положение государства требовало единственно возможного хода действий: вырвать инициативу из рук противника. Так в глубокой тайне начала принимать определенные очертания Синайская кампания — классический пример превентивного нападения.

Израиль готовится к войне

Синайская кампания преследовала три основные цели: наголову разбить египетскую армию и тем самым

отвратить опасность войны, стереть с лица земли египетские военные базы (включая лагеря фидайун) на Синайском полуострове и в секторе Газы и открыть Суэцкий канал и Акабский залив для израильского судоходства. 24 октября, в строжайшей секретности, Израиль начал мобилизацию военнотружущих запаса. Через семь дней, к 5 ноября, меньше чем через сто часов после того, как первые израильские транспортные самолеты перелетели через Синай, машины и бойцы Цахала проехали сотни миль по дорогам и по бездорожью пустыни, атаковали и победили противника на его собственной земле и захватили территорию, в два с половиной раза превышающую территорию самого Израиля. Тщательная — хотя и ускоренная — подготовка, четкое выполнение всех намеченных планов, мужество и упорство солдат и офицеров и их умение применяться к обстановке — все это дало свои плоды и обеспечило Израилю вторую победу над Египтом.

Четыре дня потребовалось, чтобы провести мобилизацию, собрать, вооружить, развернуть и сконцентрировать войска, которым предстояло столкнуться с тремя полными египетскими дивизиями и еще двумя приданными им бригадами (общей численностью более 30000 человек) на такой суровой и труднопроходимой местности, которая мало где есть в мире. Тщательно отработанные детали сделали свое дело; несмотря на кое-какие промахи и ошибки, мобилизация прошла точно по плану: сообщения передавались устно, по телефону, по телеграфу, и через четыре дня Израиль располагал девятью готовыми к бою бригадами. Была соблюдена строжайшая секретность: никто, кроме генерального штаба, не знал, что скоро начнется война не на жизнь, а на смерть с Египтом. Для населения, а еще больше — для египетского военного руководства был пущен слух о готовящемся нападении на Иорданию, около иорданско-израильской границы были сконцентрированы войска и объявлен комендантский час. В штабе Цахала был окончательно уточнен план четырехэтапной операции, успех которой зависел от неожи-

данности удара, его молниеносности, скорости и от риска. План был разработан с таким расчетом, чтобы, если в дело вмешается ООН (которая имела обыкновение вмешиваться всегда, когда арабам приходилось туго) или если египтяне окажутся более искусными в военном отношении, чем ожидалось, первый этап кампании выглядел бы в глазах всего мира лишь как очередная операция по возмездию.

Ход операции "Кадеш"

Синайская кампания началась 29 октября; ею руководил генерал Асаф Симхони, командующий Южным фронтом. Как только стемнело, недалеко от четырнадцатимильного перевала Митла на Синайском полуострове, к востоку от Суэца, был выброшен десантный батальон парашютистов. Говорят, что тот, в чьих руках этот перевал, владеет подступами к Суэцкому каналу из центрального Синая. Остальная часть парашютной бригады была послана для отвода глаз в прямо противоположную сторону — на иорданскую границу, а затем направилась через Синай на соединение с парашютистами на перевале Митла.

Генерал Меир Амит, начальник операционного отдела, так описал начало кампании, которая была названа операцией "Кадеш" (по названию места, где, согласно Библии, дети Израиля, видимо, готовились к своему походу в Землю Обетованную):

"В 14.30 я прибыл на аэродром. Транспортные самолеты были расположены буквой U, носовой частью внутрь... У каждого самолета стояли группы парашютистов, проверяя оборудование, занимаясь чисткой оружия. В 15.00 они начали подниматься на самолеты. В 15.10 первое формирование самолетов покатило к взлетной полосе. Через семь-восемь минут все самолеты были в воздухе, и мы с земли закричали "шалом!" и помахали им на прощанье".

Пересекая границу, парашютисты могли видеть внизу колонну своей бригады, тоже двигавшуюся на запад

в машинах и танках. Только через сутки им предстояло встретиться в Синайской пустыне у памятника британскому офицеру, полковнику Палмеру, который дважды был губернатором полуострова. Через тридцать девять минут после того, как самолеты перелетели через границу, в воздухе раскрылись первые парашюты. Еще до захода солнца бойцы стали окапываться вокруг памятника, и на рассвете 30 октября они были готовы удерживать эту территорию до подхода сухопутных частей. Как и вся кампания, эта операция была основана на совершенно необычной тактике. Батальон парашютистов был единственным израильским подразделением на всем безбрежном пространстве Синайской пустыни — батальон, отрезанный от своих, с ограниченным запасом боеприпасов, в сотне миль по прямой от израильской границы, в окружении египетских войск, контролирующих все ведущие к нему и от него дороги, — этот батальон был в чрезвычайно уязвимом положении.

”Восточный штаб” египетской армии отреагировал быстро. К Митле была направлена механизированная бригада, получившая задание прорваться к памятнику. 30 октября над позициями парашютистов появился первый египетский самолет, и началось первое сражение Синайской кампании. Но израильские сухопутные войска были уже на пути к Митле, они захватили по пути три важные египетские базы, и застигнутые врасплох египтяне отступили в глубь пустыни. В руках израильтян оказались Кунтилла, Тхемед и Нахл. Израильские войска, то и дело принимая бои, пробирались вперед по такому глубокому песку, что транспортные средства непрерывно увязали и выходили из строя и их либо быстро ремонтировали в передвижных мастерских, либо бросали в пустыне. Быстрота и неудержимость продвижения бригады вошли в военную историю; просто поразительно, что такое могли сделать люди, которые всего несколько дней назад надели военную форму. Встреча у перевала Митла состоялась. Однако на перевале притаились еще два египетских ба-

тальона, окопавшихся на скрытых позициях в пещерах и на скалах, и сражение за перевал не обошлось без тяжелых потерь. Но после кровопролитного боя торжествующие бойцы бригады овладели высотами над египетскими позициями и захватили перевал. Путь через Синайскую пустыню был открыт, и бригада двинулась на запад.

Тем временем — другое бронетанковое соединение под командованием полковника Иосефа Харпаза и полковника Ури Бен-Ари шло по центральной оси, где было особенно жарко. Оно овладело перекрестком дорог в Кусиме, атаковало и захватило тщательно укрепленный египетский военный комплекс в Абу-Агейле в центре Синая и взяло курс на Исмаилию — город на Суэцком канале. Третье соединение под командованием генерала Хаима Ласкова, двигавшееся по северной оси, подготовилось к захвату Газы; оно совершило прорыв через Газу, овладело египетскими укрепленными пунктами Рафиях и Эль-Ариш и направилось к Кантаре на Суэцком канале. А 9-я бригада, состоявшая полностью из резервистов уже далеко не первой молодости, под командованием ветерана полковника Авраама Иоффе, вышла из района Беэр-Шевы — по южной оси — беспрецедентный рывок на двести сорок миль через пустыню в направлении южной оконечности Синая, к Шарм-аш-Шейху. Во многих отношениях история похода 9-й бригады на Шарм-аш-Шейх — это в концентрированной форме история всей кампании, с ее прямо-таки марафонской быстротой, важными победами и усилиями, их обеспечившими.

Бросок к Шарм-аш-Шейху

Южный Синай, или собственно Синайский полуостров, напоминает лунный ландшафт: безлюдный, покрытый горами, прорезанный глубокими ущельями и почти непроходимый. Пески там образуют барханы, они глубокие и коварные. Там нет ни тени, ни воды.

Кто-то очень точно охарактеризовал Южный Синай как "двадцать четыре тысячи квадратных миль изрезанной пустоты". Но для того, чтобы открыть для судоходства Акабский залив, и для того, чтобы вывести из строя египетские батареи у Тиранского пролива, и для того, чтобы обеспечить Израилю доступ к Красному морю, нужно было во что бы то ни стало перейти через эту выжженную, безжизненную, неприветливую пустыню; и Иоффе со своими бойцами, в караване из двухсот причудливо разнотипных машин, перешел через нее быстрее, чем это когда-либо удавалось в прошлом. Не было машины, которая не увязала бы в дюнах, не было тягача, которому не пришлось бы кого-то вытаскивать из песков, не было человека, которому не довелось бы тащить или толкать пулеметы или джипы вверх и вниз по склону. Однако сто восемьдесят машин из двухсот все-таки прошли этот путь; и 5 ноября Иоффе телеграфировал начальнику штаба из Шарм-аш-Шейха. "Слава Богу, кончено", — написал он. Египетский укрепленный пункт в Шарм-аш-Шейхе оказал минимальное сопротивление. После шестичасового боя он сдался, и Тиранский пролив был открыт для израильского судоходства.

Марш 9-й бригады был завершающим сражением Синайской кампании. Все цели были достигнуты в результате молниеносной атаки. Кампания велась не для захвата территорий или трофеев, тем не менее трофеи оказались огромными. В панике бежав в глубь пустыни, египтяне бросили сотни тысяч тонн всяческого оружия; оставлены были танки, транспортные средства и миллионы комплектов боеприпасов. Кампания не ставила перед собой целью захват пленных; но по пустыне было теперь рассеяно около тридцати тысяч египтян. Сотни из них сбились с пути, погибли от жажды и истощения. Пришлось взять в плен около пяти тысяч египтян, причем это было по отношению к ним актом милосердия. Они были позднее возвращены Египту в обмен на единственного взятого в плен израильтянина.

Поражение Насера

Поражение Египта было полным; треть насеровской армии была разбита, египетская авиация была уничтожена, а Синай оказался в руках Израиля. Это могло и должно было положить конец военным действиям.

Операция "Мушкетер"

Однако война, которую вел Израиль и в которой он одержал победу, была не единственной войной в рамках Синайской кампании. Англия и Франция решили тоже попытать счастья. Операция "Мушкетер" явилась попыткой отобрать у Насера Суэцкий канал. Пока Египет был занят войной с Израилем, а Россия — подавлением восстания в Венгрии, перед Парижем и Лондоном открылась заманчивая возможность вновь утвердить влияние Запада на Ближнем Востоке. Если бы не операция "Мушкетер", Израиль, возможно, взял бы в свои руки весь канал, позиции египетской военной хунты пошатнулись бы, и Насер предстал бы перед всеми в крайне невыгодном свете; теперь же египтяне, да и большая часть мира смотрели на него как на героя, отразившего нападение трех государств. Французы и англичане вмешались в военные действия под предлогом разъединения враждующих сторон. На второй день кампании они направили Израилю и Египту общий ультиматум с требованием о прекращении огня. Израиль дал согласие, но Египет ультиматум отверг, и тогда английские и французские войска напали на Порт-Саид. В Нью-Йорке собралась на чрезвычайную сессию Генеральная Ассамблея ООН; СССР пригрозил, что может вспыхнуть новая мировая война; и США ударились в панику. Генеральная Ассамблея ООН потребовала немедленно прекратить огонь, вывести английские и французские войска из зоны канала и после этого вернуть израильские войска к линиям перемирия 1949 года. Было оказано очень серьезное давление — как с востока, так и с запада, и Англия и Франция уступили. В

этой обстановке мало кто обратил внимание на предупреждение Израиля, что если израильские войска уйдут из Синая или из Газы, положение на Ближнем Востоке будет чревато новой войной.

ООН твердо стояла на своем; было принято предложение создать Чрезвычайные вооруженные силы ООН для наблюдения за положением на границах между Израилем и полосой Газы, а также в Шарм-аш-Шейхе с целью обеспечить свободу судоходства через Тиранский пролив. Оказавшись в одиночестве, слыша со всех сторон требования вывести войска из Синая, вынужденный думать о последствиях возможного прекращения американской помощи и получив недвусмысленное предупреждение от великих держав, что в случае отказа вывести войска он будет нести ответственность за третью мировую войну и за неисчислимые бедствия для всего человечества, — Израиль отступил. Израильские войска покинули Шарм-аш-Шейх и Газу в марте 1957 года.

Снова улеглась пыль на израильских дорогах, и по всей стране усталые молодые люди кричали друг другу из джипов и автобусов: наконец-то она закончилась! Никто на сей раз не ликовал, но, в конце-то концов, была хоть надежда на мир. Угроза арабского нападения — второго раунда войны — миновала. Миф об арабском единстве был развеян — возможно, навсегда — ведь ни одно арабское государство не пришло на помощь Египту. ООН активно и беспристрастно наблюдала за положением на границах — хотя это наблюдение, как показала история меньше, чем десять лет спустя, оказалось совершенно неэффективным. А Цахал завоевал свои лавры — хотя его и лишили права их носить.

8. ТРЕТИЙ РАУНД

”АЛ-ФАТХ”. У ТАН

И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ООН.

НАСЕР БЛОКИРУЕТ ТИРАНСКИЙ ПРОЛИВ.

МОБИЛИЗАЦИЯ. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА.

КОЛЕСО ДЕЛАЕТ ПОЛНЫЙ ОБОРОТ.

Если Израилю вообще довелось после 1948 года жить мирной жизнью (а такие передышки, когда не велось никаких военных действий с соседями, упорно стремившимися его уничтожить, были очень короткими), то период с 1957 по 1967 год можно охарактеризовать, как если не полностью безмятежным, то, по меньшей мере, относительно спокойным. Государство росло и процветало, города расширялись, повышался материальный уровень, и для большинства израильтян жизнь стала значительно легче. Люди начали ездить в туристские поездки за границу, и в первый раз наметился даже тоненький ручеек эмиграции из Израиля. Старожилы вздыхали по канувшим в вечность романтическим временам первых поселенцев и предсказывали, что осуществление страной своих национальных стремлений может отрицательно сказаться на молодежи, которая казалась очень беспокойной и склонна была все на свете критиковать.

Непрочный мир

Мир, истинный, прочный мир, все еще казался неосуществимой мечтой, и хотя после Синайской кампании на границах стало спокойнее, все же Израиль постоянно, хотя и спорадически, тревожили террористы.

С 1963 года премьер-министром и министром обороны стал Леви Эшкол. До того он занимал много важных постов — в частности, был министром финансов. Он уделял много внимания укреплению израильской армии, как с точки зрения качества, так и количества. Хотя в течение многих лет Эшкол олицетворял стремление Израиля к миру, он никогда не забывал о насущных задачах обороны, и этому как он, так и начальник штаба генерал Ицхак Рабин, посвятили много времени, мыслей и энергии.

Спокойнее всего было на израильско-египетской границе; Чрезвычайные вооруженные силы ООН численностью до четырех тысяч человек патрулировали в Шарм-аш-Шейхе и в секторе Газы. А в 1962 году Насер направил значительную часть своей армии в Йемен для участия в затяжной войне. Несмотря на то, что Египет постоянно заявлял о своей готовности начать против Израиля "священную войну", казалось маловероятным, что Египет сможет или захочет начать сколь угодно значительные военные действия. Дело было не только в том, что египтяне по горло увязли в неудачной войне в Йемене. Насер активно поощрял и поддерживал различные террористические организации — среди них самую крупную, "Ал-Фатх", основанную в 1965 году, — которые действовали как из Иордании, так и из сектора Газы. Однако его отношения с правительством Иордании и, в частности, лично с королем Хуссейном были такие, что хуже некуда, и годы не ослабили соперничества между двумя лидерами, каждый из которых стремился возглавить весь арабский мир.

Гораздо больше неприятностей Израилю причиняла Сирия, которая всегда была самым непримиримым и яростным врагом Израиля. Начиная с 1960 года — отчасти в результате нового сближения между Каиром и Дамаском — с сирийской территории в Израиль начали проникать банды террористов; сирийцы время от времени обстреливали киббуцы, которые находились в долине под принадлежавшими Сирии холмами в пределах

ближнего огня сирийской артиллерии и представляли собою заманчивую мишень; а израильские рыбаки на озере Киннерет часто становились жертвами сирийских снайперов. Во многих отношениях ситуация на израильско-сирийской границе напоминала небольшую войну, но в целом сирийцев удавалось держать в узде. Сирийцы делали попытки изменить курс реки Иордан, чтобы она не текла в Киннерет; это сорвало бы план снабжения водой поселений в засушливых районах Негева. Когда сирийцы слишком долго или слишком интенсивно обстреливали израильские киббуцы, в воздух поднимались самолеты израильских военно-воздушных сил, и на несколько недель, а то и месяцев на границе становилось спокойно. Действия террористов с территории Иордании тоже удавалось как-то контролировать: время от времени Цахал, потеряв терпение, предпринимал массированные операции возмездия против баз террористов в Иордании, и на некоторое время после каждой такой операции на израильско-иорданской границе становилось тихо.

Объединение Египта и Сирии

Но в 1965 году положение ухудшилось. В этом году "Ал-Фатх" предпринял около тридцати рейдов на территорию Израиля из Сирии и Иордании, и в течение нескольких последующих месяцев резко участились сирийские обстрелы израильских поселений. В начале весны 1967 года чуть ли не каждый день на пограничные поселения нападали отряды террористов, а в апреле произошел воздушный бой, в результате которого израильские самолеты сбили шесть сирийских МИГов. Сирия немедленно обвинила Израиль в том, что он готовит против нее агрессию в широких масштабах. А в начале мая произошла целая серия зловещих событий. Каир и Дамаск, связанные пактом о взаимной обороне, объявили, что в Сирию прибыл начальник генерального штаба египетских вооруженных сил генерал Махмуд Фавзи, который должен осуществить последние меры

по претворению пакта в жизнь. В Египте было объявлено чрезвычайное положение. И Насер, утверждая, что выполняет просьбу Сирии, которой угрожает смертельная опасность, открыто сконцентрировал войска на Синайском полуострове. Египет пользовался в то время полной поддержкой Советского Союза. Когда Леви Эшкол лично предложил советскому послу поехать и убедиться, что на границе с Сирией нет никакой концентрации израильских войск, посол отказался. Но на Ближнем Востоке уже настолько привыкли к воинственным заявлениям арабов, что многие израильтяне отказывались принимать всерьез эту новую вспышку злобы и не придавали особого значения насеровским словоизвержениям.

У Тан уступает нажиму Насера

Однако 16 мая Насер сделал еще один, теперь уже критический шаг, который меньше чем через месяц привел его к катастрофе: он потребовал вывода из сектора Газы и из Шарм-аш-Шейха Чрезвычайных вооруженных сил ООН. Два дня спустя Насер послал в ООН официальную телеграмму, в которой повторил свое требование, подчеркнув, что войска ООН с 1956 года находились на египетско-израильской границе только благодаря согласию на то Египта. Теперь же это согласие отменяется. История несомненно отметит, что если бы генеральный секретарь ООН попросил Насера либо отложить вывод войск ООН, либо вообще отказаться от своего требования, Шестидневная война, возможно, не разразилась бы. Однако У Тан, хотя и указал, что со стороны Насера это — "серьезная ошибка", все же немедленно подчинился. 19 мая под аккомпанемент восторженных криков египтян и несмотря на неодобрение всего мира, в Шарм-аш-Шейхе и в Газе был спущен бело-голубой флаг ООН, и египтяне заняли бывшие позиции войск ООН. Не встретив, к своему удивлению, никакой оппозиции в ООН, Насер предпринял еще более решительный шаг: 22 мая он объявил египетскую

блокаду Тиранского пролива. Все входы в Акабский залив предполагалось блокировать при помощи мин, береговых батарей, воздушных и морских патрулей; любой израильский корабль, который попытается пройти через пролив, будет обстрелян и потоплен, если откажется вернуться в Эйлат.

Со времени Синайской кампании Тиранский пролив — единственный путь, связывающий Израиль со странами Азии и Африки — был свободен и открыт для судоходства. В апреле 1958 года Конференция ООН по выполнению Закона о мореплавании (ратифицированного тридцатью странами, к которым, правда, Египет не присоединился) подтвердила без всяких оговорок право Израиля на навигацию в этом чрезвычайно узком проливе, ведущем из Акабского залива в Красное море. В других обстоятельствах такое наглое нарушение международной конвенции было бы немыслимым, но Насер, чувствуя за собою поддержку Советского Союза и опьяненный собственной пропагандой, ни в грош не ставил мировое общественное мнение. Закрытие Тиранского пролива, заявил Насер, "даст Израилю возможность проверить боеспособность своих вооруженных сил: пусть он убедится, что все, написанное про 1956 год и про оккупацию Синая — несусветная чушь. И мы должны быть готовы, — добавил он, — к развертыванию широких военных действий против Израиля".

Советский Союз подливает масла в огонь

Большая часть западного мира была поражена. В Вашингтоне президент Джонсон назвал блокаду "противозаконной", того же мнения были министерства иностранных дел Великобритании и Канады. Однако Франция, заявив о своей озабоченности, заняла враждебную по отношению к Израилю позицию, а Москва обвинила главу правительства Эшкола в том, что он "нагнетает напряженность". Харолд Уилсон, премьер-министр Великобритании, вылетел в Вашингтон и Оттаву, чтобы попытаться убедить канадское и американ-

ское правительства создать международные ударные силы, которые обеспечили бы свободу судоходства в Акабском заливе, но из его попыток ничего не вышло. Кремль, который с 1955 года заваливал Каир самолетами, танками, вооружением и посылал туда своих военных советников, теперь продолжал подстрекать и поддерживать египетского лидера. Опомнившись наконец, У Тан потелел в Каир, чтобы попытаться вразумить Насера, но было слишком поздно. Арабская военная истерия уже не знала удержу. Насер холодно уведомил У Тана, что ни одному израильскому судну не будет позволено пройти через Тиранский пролив.

Израиль готовится к войне

Окруженный со всех сторон, Израиль, которому угрожало вторжение, начал спешные попытки решить вопрос дипломатическим путем. Министр иностранных дел Абба Эвен посетил Париж, Лондон и Вашингтон в надежде выяснить, намереваются ли правительства Франции, Великобритании и США выполнить гарантии, которые они дали Израилю, когда он вывел свои войска из Синая в 1956 году. Однако везде он получил либо отрицательный, либо неопределенный ответ. А напряженность тем временем все усиливалась. Начался короткий, но очень всем нам памятный период изоляции Израйля, и вместе с тем — проверка его нервов и его выдержки, известная под названием *коненут*, или готовность: мучительная прелюдия к Шестидневной войне. Дело было не только в блокаде Тиранского пролива; на карту было поставлено само существование Израйля: неприятель сконцентрировал на его границах значительные военные силы.

30 мая король Хуссейн открыто стал на сторону президента Насера. Невзирая на уверения Израйля, что если Иордания воздержится от вступления в войну, ей не будет причинено никакого вреда, Хуссейн подписал с Насером военный пакт против Израйля. "Хашимитская шляха", как еще несколько дней назад Насер

именовал Хуссейна, была прощена. По всему арабскому миру прокатилась волна массовых демонстраций: демонстранты требовали уничтожения Израиля, истребления его жителей, окончательной победы панарабизма над сионизмом. 4 июня пакт о взаимной обороне заключили Египет и Ирак. Лидеры арабских стран на время забыли о своих разногласиях; они не сомневались, что теперь, после двадцати лет существования Израиля, настал наконец момент, когда Еврейскому государству можно нанести смертельный удар. Возбуждение, вызванное перспективой победоносной войны, не знало границ.

Египет, помимо того, что ему предстояло осуществлять военное и политическое руководство войной, должен был вывести из строя израильский военно-воздушный флот, отрезать от основной территории страны южный Негев и Эйлат и тем самым завершить столь удачно начатую блокаду Тиранского пролива. К концу мая Египет имел в своем распоряжении 100 000 солдат, более 900 танков и примерно столько же орудий в Синае. Сирия, со своей стороны, планировала нападение на Израиль по тем же направлениям, по которым она его атаквала в 1948 году, — хотя на этот раз, разумеется, сирийцы рассчитывали на больший успех. Одна сирийская колонна должна была двигаться по маршруту Мишмар-Хаярден—Цфат—Назарет, другая — через долину Иордана, огибая озеро Киннерет с юга, и обе колонны намечали после победоносного марша встретиться в Хайфе. Это наступление должно было вестись силами шести сирийских бригад при поддержке 260 танков. Иордания, у которой было семь бригад, около 270 танков и 150 орудий, да еще, по меньшей мере, одна иракская бригада, предполагала блокировать еврейскую часть Иерусалима, захватив значительную его часть, и парализовать несколько израильских аэродромов (для чего в помощь иорданской армии были приданы два подразделения египетских командос). Всего в распоряжении у арабских стран, непосредственно принявших участие в конфликте в июне 1967 года, бы-

ло примерно 1 500 танков, около 1 300 артиллерийских орудий и более 500 самолетов. Это была объединенная арабская военная мощь, в которую внесли свой вклад еще и Ирак, Кувейт, Саудовская Аравия и Алжир; всего у арабских стран было около 547 000 солдат, 5 404 танка и более 900 боевых самолетов.

Мобилизация

В этой обстановке, когда в арабских странах лихорадочно нагнеталась военная истерия, когда со сцены и с киноэкрана, из радиоприемников и телевизоров и из уст взбудораженной толпы по всему арабскому миру несся клич "Смерть Израилю!", когда арабы яростно потрясали оружием, накопленным в таких количествах, какие Израилю и не снились, — Израиль в эти последние дни мая и первые дни июня вновь, в третий раз за девятнадцать лет, готовился защищать свое право на существование. Во всех городах и поселках, в киббуцах и мошавах израильтяне мрачно расчищали подвалы, делая из них примитивные бомбоубежища; взрослые и дети наполняли мешки песком и рыли окопы, а молодежь спокойно ответила на призыв взяться за оружие. К 1 июня, когда все надежды на мир лопнули, население Израиля, вздохнув, взглянуло в лицо трем важным фактам, имеющим отношение к ближайшему будущему страны: во-первых, никакая сила извне не придет — или, вероятно, даже не сможет придти — на помощь Еврейскому государству; во-вторых, война неизбежна; в-третьих, если евреи Израиля хотят выжить, они обязательно должны победить. О нормальной жизни оставалось только мечтать; общественный транспорт был мобилизован для нужд армии, и движение на дорогах почти прекратилось; школьники работали на полях и разносили почту; на окна наклеивались полоски ленты и вешались шторы на случай затемнения; и домохозяйки начали делать запасы продуктов. Наступили дни ожидания.

Напряженность нарастает

В Негеве обожженные солнцем и покрытые пылью израильские солдаты томились в ожидании и считали часы и дни; напряжение с каждым днем становилось все невыносимее. Тель-Авив наводнили зарубежные корреспонденты. В субботу, 3 июня новый министр обороны генерал Моше Даян устроил пресс-конференцию. На вопрос, потерял ли Израиль военную инициативу, генерал Даян спокойно и, пожалуй, несколько двусмысленно ответил: "Если вы хотите сказать, что у нас нет никаких шансов победить, то я с вами не согласен".

Он также заметил, что Израиль не просит помощи иностранных солдат.

В тот выходной день напряжение как будто немного ослабло. Впервые за несколько недель солдат отпустили домой. Некоторые иностранные корреспонденты были разочарованы; войны, решили они, удалось избежать: Израиль сдался, уступил Насеру, и можно разъезжаться по домам. Однако немало было и таких, которые чувствовали, что все не так просто, что напряжение нарастает; они остались и продолжали работать, и они были поражены, когда два с половиной миллиона израильских евреев буквально за одну ночь сплотились воедино.

Расстановка сил

Хотя точные данные об израильских вооруженных силах и об их расположении хранились, естественно, в секрете, большинство корреспондентов примерно представляло себе, сколько у Израиля солдат и вооружения; и соотношение сил было пугающе не в пользу Израиля. У Израиля было около 800 танков и 300 с лишним боевых самолетов. Против семи египетских дивизий на юге Цахал располагал тремя дивизиями особого назначения, которыми командовали генерал-майор Исраэль Таль, генерал-майор Авраам Иоффе и

генерал-майор Ариэль Шарон; общее руководство южным фронтом осуществлял генерал-майор Иешаяху Гавиш. Каждое из этих трех военных соединений (на иврите — *угда*) было самостоятельной единицей особого назначения. Кроме того, у Израиля было несколько независимых подразделений пехоты и бронетанковых войск против сектора Газы, подразделение в Эйлате и смешанные подразделения где-то в Негеве. В пустыне, таким образом, египтян поджидала отнюдь не мощная военная машина, но это были хорошо обученные, высоко сознательные войска, умевшие быстро передвигаться и наносить сокрушительные удары. Многие из солдат и офицеров, которым довелось сражаться в Шестидневной войне, встречались с неприятелем и прежде: в 1948 и 1956 годах и во время операций возмездия; а некоторые еще помнили арабские бунты 1936—1939 годов или сражались во Второй мировой войне. Все они знали, что во время Второй мировой войны было убито шесть миллионов евреев, и что массовое уничтожение евреев — дело отнюдь не невозможное. Многие пехотинцы, летчики и моряки Цахала были в буквальном смысле слова прямыми наследниками — внуками — дозорных, которые защищали эту землю с оружием в руках всего лишь пятьдесят лет тому назад. И они знали не только, что именно необходимо сделать, — они знали, как это делать.

С 1956 года Цахал изменился и провел ряд усовершенствований. Были созданы военно-воздушные силы, парашютные войска, бронетанковые войска, артиллерия. Пропасть между небольшой регулярной кадровой армией и военнослужащими запаса сузилась. Возникла территориальная служба противовоздушной обороны, которая придавалась полевым подразделениям. Были усовершенствованы, модифицированы и приспособлены к местным условиям существующие самолеты, танки, артиллерийские орудия, электронное оборудование. Изобретательность, которая когда-то сделала возможной работу Тааса, пригодилась и здесь. Волшебники из корпуса материально-технического снабжения

возвращали в строй старые танки, заменяя моторы и совершенствуя конструкцию орудий. Но что было еще важнее, чем технические новшества, чем упор на точность и гибкость, — Цахал установил тесную связь между фронтом и "тылом", научил солдат верить в то, за что они сражаются, а "тыл" убедил в том, что на армию можно положиться. Пока продолжался коненут, людей обуревали одни и те же чувства, и от успокоенности и даже разочарования прошлых нескольких лет теперь, когда пришла опасность и ее надо было встретить грудью, не осталось и следа.

История Шестидневной войны описана во многих книгах. Мало о какой локальной войне говорилось так много и так ярко, мало какой войне придавался такой символический смысл и мало какая война так обростала легендами. Нет еще трезвого, обстоятельного, профессионального анализа этой войны; и автор не собирается делать это сейчас. Но и опустить рассказ о Шестидневной войне нельзя, ибо она, помимо всего прочего, показала, каков калибр пращи Давида, а всевозможным скептикам она напомнила о Голиате.

Война

Знаменитое превентивное контрнаступление началось около половины восьмого утра в понедельник, 5 июня, и продолжалось целый день. Без остановки, волна за волной, израильские серебристые иглоносые "миражи" и стреловидные "мистеры", пилотируемые летчиками, многие из которых сделали за день от восьми до десяти боевых вылетов, описывая на бреющем полете широкую дугу над Средиземным морем, превратили египетские аэродромы в море огня. Только за первые шесть часов военных действий израильская авиация уничтожила на земле около 280 египетских самолетов, сбивла еще двадцать в воздушных боях, а потом повернула к сирийским и иорданским аэродромам и вывела из строя 52 сирийских и 20 иорданских самолетов. За день израильские летчики уничтожили более

400 вражеских самолетов — количество совершенно беспрецедентное. Израиль завоевал абсолютное господство в воздухе от Синая до Галилеи. Вечером того дня начальник штаба авиации генерал-майор Мордехай Ход, обратившись к народу по радио, подвел итоги первого дня военных действий.

Израильские летчики сделали свое дело так быстро, что вечером того же дня они уже нашли время, чтобы оказать неоценимую поддержку израильским наземным войскам. Позднее кто-то попросил генерала Хода рассказать, что именно обеспечило Израилю победу. Ход дал несколько ответов, но один из них был особенно весомым: годы тщательной подготовки, сказал он, воплотившиеся в одном воздушном ударе; годы практики, методической разведывательной работы, четкого руководства операциями; воображение, дисциплина и концентрация сил. В тот день бросок, подобный тому, что принес Израилю победу в воздухе, повторился и на земле — в Синае. Израильские танки с утра до вечера и затем с вечера до утра шли с боями через Синай. В этой битве в пустыне приняло участие больше танков, чем в каком-либо другом танковом сражении в истории, — больше даже, чем в кровопролитном сражении под Ал-Аламейном. Это было самое стремительное бронетанковое наступление в военной истории — несмотря на порою отчаянное сопротивление египтян, несмотря на то, что эта сильно пересеченная местность кишела египетскими минными полями; при поддержке военно-воздушных сил Цахал двинулся в Синай по тем же трем осям, что и в 1956 году, отрезал сектор Газы, взял Хан-Юнис, Эль-Ариш и саму Газу, достиг Абу-Агейлы, а южнее — Кусимы и Кунтиллы, и по всем трем линиям наступления дошел до Суэцкого канала. Железный кулак ударил — и сокрушил все, что пыталось ему сопротивляться.

Контрнаступление в Иерусалиме

В то же время начались военные действия на цент-

ральном фронте, которым командовал генерал-майор Узи Наркис. Попавшись на приманку египетского начальника штаба объединенного арабского командования, иорданцы начали обстреливать Иерусалим и поселения вдоль границы. Тем самым они пренебрегли секретными посланиями Израиля, в которых говорилось, что если Иордания воздержится от военных действий, ей не будет причинено никакого вреда. Иорданская армия заняла здание ООН в Иерусалиме (в годы мандата там была резиденция Палестинского правительства), несмотря на то, что там еще находился персонал ООН. Тогда Израиль предпринял ответные действия. С захватывающей дух быстротой началась атака. Израильтяне захватили здание ООН, и разгорелось сражение за гору Скопус. Бои на иерусалимском фронте были особенно ожесточенными и оставили много жертв. Пострадало и гражданское население; но в ту же ночь иерусалимцы в своих импровизированных бомбоубежищах узнали, что израильские войска одержали полную победу.

5 июня 1967 года не был самым длинным днем в истории, но за этот день произошло много событий. Алжир, Ирак, Кувейт, Судан и Йемен объявили войну Израилю; а конференция арабских стран, производящих нефть, решила объявить эмбарго на поставку нефти любой стране, которая оказывает Израилю помощь. В Нью-Йорке собралась чрезвычайная сессия ООН, на которой выступил представитель Египта: он заявил, что вооруженные силы его страны защищаются от "коварного" нападения. И Совет Безопасности начал обсуждать предложение о немедленном прекращении огня.

Однако к 6 июня израильские бронетанковые части еще глубже продвинулись в глубь Синайского полуострова, губернатор Газы официально сдал Газу израильтянам, тысячи египтян были взяты в плен. Практически вся египетская армия в Синае была окружена, и пути ее отступления были отрезаны войсками Цахала, приближавшимися к Суэцкому каналу. На центральном фронте был окружен Старый город Иерусалима и захвачены города Калькилия, Дженин, Хеврон и Бет-

Лехем. Латрун, который с 1948 года удерживала Иордания, был тоже занят Цахалом. На севере сирийская артиллерия продолжала интенсивный обстрел расположенных в долине киббуцов, но настоящих военных действий там еще не было.

К среде, 7 июня, израильские колонны, подошедшие с разных сторон, соединились на пути к Суэцкому каналу. Египтяне понесли огромные потери: около трети личного состава египетской армии было выведено из строя (включая убитых, раненых или взятых в плен); Цахал подбил или захватил 600 египетских танков, уничтожил почти всю египетскую авиацию. Сокрушительное поражение Египет потерпел не только на суше и в воздухе, но и на море; ни одно израильское судно не было повреждено, и через израильские линии не проник ни один диверсант, ни один солдат из отрядов командос. Но израильский флот не только защищал родные берега, он сделал нечто большее: ночью 5 июня он атаковал Порт-Саид и Александрию. После Синайской кампании сторонники Египта приписывали военные успехи Израиля англичанам и французам; и вот теперь Египет был наголову разбит одним только Израилем.

Деморализованные, напуганные египтяне разбежались по безжалостной пустыне. Они в панике бежали через весь полуостров, оставив даже Шарм-аш-Шейх. Когда туда на патрульных катерах из Эйлата прибыла израильская морская пехота, парашютисты и наземные войска, Шарм-аш-Шейх был пуст. Тиранский пролив снова оказался под контролем Израиля, снова над Шарм-аш-Шейхом взвился бело-голубой флаг — на этот раз уже не ООН, а Израиля. Блокада, из-за которой началась война, была прорвана, выход в Красное море был снова свободен.

Но даже захват Шарм-аш-Шейха, который должен был стать кульминационным моментом войны, померк по сравнению с другой победой. В среду вечером Израиль объявил о том, что он полностью овладел Старым городом Иерусалима. Израильтяне, не отходившие от своих радиоприемников, едва могли в это поверить. В

этот исторический момент глава правительства Леви Эшкол обратился к арабам с искренним предложением мира. Для того, чтобы стало возможным это историческое обращение, потребовались долгие часы упорных, кровопролитных боев, часто врукопашную, на улицах Иерусалима. Не желая повредить многочисленные святые места Старого города, сражаясь с врагом, для которого Иерусалим был самой яркой жемчужиной в диадеме его монарха, — жемчужиной, сверкавшей на весь арабский мир, — ведя бои на узких, извилистых улочках, израильтяне понесли тяжелые потери. Но они захватили гору Скопус и пробили оттуда путь в Старый город, к Храмовой горе и, наконец, к Западной Стене (Стене Плача). Хотя с завоеванием Старого города Шестидневная война еще не закончилась, это был ее кульминационный момент. Иерусалим был освобожден, и весь Израиль ликовал. На всех фронтах солдаты Цахала, усталые, измученные, поверить не могли, что это правда, и навсегда запомнили эти минуты; не забыли их и израильтяне, которые, несмотря на то, что вокруг еще постреливали, устремились в Старый город; и так продолжалось весь день. У израильского народа появилось много новых героев — генералов и простых солдат; и возникли новые легенды. Помимо генералов, приведших войска к победе, — Рабина, Хода, Бар-Лева, Вейцмана, Гавиша, Наркиса и других, — героями дня, особыми героями, были парашютисты: они первыми прорвались к Храмовой горе под командованием бригадного генерала Мордехая Гура, заслужившего глубокую признательность своих соотечественников.

Вокруг Иерусалима все еще гремели бои, но иорданская армия, хотя и оказывала героическое сопротивление, явно проигрывала войну. К ночи 7 июня она потеряла чуть ли не половину своей территории: были захвачены Бет-Лехем и Шхем, Иерихон сдался на милость победителя, и в руках Израиля снова оказался район Эциона — место, где ишув потерпел горькое поражение во время Войны за Независимость. Перед лицом из-

раильского наступления, лишенная воздушной поддержки и понесшая тяжелые потери, армия Хуссейна стала просить о прекращении огня. Так закончился третий день войны. Генерал Рабин подвел итоги: Израиль оккупировал весь Синайский полуостров до Суэцкого канала, захватил Шарм-аш-Шейх, занял большую часть территории Иордании к западу от реки Иордан и воссоединил Иерусалим. К этому времени был уничтожен 441 арабский самолет. И — принимая во внимание важность достигнутых целей — потери Израиля были "не очень значительными", хотя каждый погибший был горько оплакан.

К четвергу, 8 июня, израильские войска надежно укрепились на восточном берегу Суэцкого канала, на центральном фронте бои окончились, и оставалось усмирить еще только одного агрессора, на третьем и последнем фронте. В пятницу, 9 июня, войска северного фронта, которым командовал генерал-майор Давид Элазар, были готовы к наступлению на сирийские позиции, откуда в течение последних двух дней неприятельские батареи безжалостно обстреливали поселения в Галилее. Сирийские огневые позиции считались одними из наиболее надежно укрепленных позиций в мире, и уж во всяком случае самыми мощными на Ближнем Востоке: гигантские железобетонные комплексы, протянувшиеся на многие мили неуязвимые для бомб бункеры со стальными перекрытиями, укрывавшие противотанковые пулеметы и артиллерию, доты, оплетенные колючей проволокой и связанные один с другим подземными переходами. Некоторые окопы достигали восьми футов в глубину и трех футов в ширину, и они тоже казались неуязвимыми. Но для того, чтобы уничтожить все эти укрепления, нужно было подняться на занятые сирийцами высоты. Подъем и наступление длились двое суток и одну ночь. К утру 10 июня бригада Голани, части генерала Элада Пеледа, авиация, бронетанковые части и подразделения парашютистов пошли на штурм сирийских позиций. Это был жестокий и героический штурм; бульдозеристы

вели свои машины вверх по усеянному минами склону, очищая путь для пехоты и танков, и авиация ни на минуту не оставляла сирийцев в покое. Те же качества, что помогли за три дня разбить египтян и за два дня иорданцев, — быстрота и решительность, — теперь помогли разгромить сирийцев.

Дамаск обратился в ООН с просьбой добиться прекращения огня. К тому времени, как прекращение огня вступило в силу, бойцы Цахала были уже на склонах горы Хермон, сирийские позиции были полностью захвачены, и сирийские войска в панике бежали. Угроза поселениям в долине, нависавшая над ними девятнадцать лет, была ликвидирована, и израильские войска остановились в двадцати пяти милях от Дамаска.

Восемьдесят часов боев

Шестидневная война окончилась. Практически она была выиграна за восемьдесят часов сражений. Цахал занял примерно 47000 квадратных миль вражеской территории, что в шесть раз превышало территорию самого Израиля. Арабы понесли чудовищные потери: было уничтожено 80% египетской военной техники; сам Насер признал, что было убито и ранено 10000 солдат и 1500 офицеров, и еще 5000 солдат и 500 офицеров взято в плен. Израиль захватил так много вооружения и боеприпасов советского производства, что понадобились месяцы, чтобы все это рассортировать. Однако арабские страны, разбитые и опозоренные, и на сей раз отказались взглянуть в лицо реальности и учесть последствия войны; снова, как в 1948 и 1956 годах, этот урок их ничему не научил.

В августе на конференции глав правительств арабских стран в Хартуме арабские лидеры ответили на призыв Израиля к миру тремя отрицательными ответами: никакого мира с Израилем, никакого признания Израиля, никаких переговоров с Израилем! Кроме того, террористические организации тоже сделали свое заявление: Израиль должен быть полностью уничтожен,

даже в границах до 1967 года. Казалось, арабы так ничему и не научатся.

К октябрю 1967 года более 80% египетских самолетов, танков и артиллерии было заменено Советским Союзом, и арабские террористы снова принялись за дело: они стали проникать на территорию самого Израиля, на Западный берег и в Газу из Сирии и Ливана; их операции почти никогда не были успешны и стоили им больших потерь. На Суэцком канале редкий день проходил без перестрелки. Но, хотя арабы не сделали из уроков войны никаких выводов, Израиль их сделал. На этот раз, если арабы хотели, чтобы Израиль вывел войска, они должны были заплатить высокую цену: согласиться на мир с Израилем. 12 июня глава правительства Леви Эшкол выразил решимость народа не уступать до тех пор, пока арабы в конце концов не примирятся с фактом существования Израиля. Еврейское государство, заявил Эшкол, никогда не согласится вернуться к положению, которое существовало до Шестидневной войны. "Мы в одиночестве сражались за свое существование и за свою безопасность, — сказал он. — Эта земля больше не будет землей, на которой можно безнаказанно совершать диверсии и убийства".

Цена отвода войск: гарантированный, прочный мир

Речь шла о прочном, длительном мире — о мире, гарантированном мирным договором, а не о серии временных перемирий, о мире, в основе которого лежали бы признанные и безопасные границы, о мире, который дал бы, наконец, Израилю время и возможность спокойно развиваться, стать маяком Ближнего Востока, отбросить меч, чтобы обеими руками взяться за плуг. Арабы отказались от прямых переговоров о мире, и мечта, которая блеснула было сразу после окончания войны, вновь погасла. Цахал остался на новых линиях прекращения огня, на границах, которые дали Израилю большую, чем когда-либо, безопасность, и стал ждать постоянного соглашения. Так он и ждет соглашения по

сей день — Цахал, народная армия, которая помнит о прошлых уступках, приводивших к новым трагедиям; армия, которая надеется, что победа 1967 года так или иначе положит конец бессмысленной вековой вражде; армия, которая, как это ни парадоксально, состоит из мужчин и женщин, ненавидящих войну. 28 июня 1967 года генерал Ицхак Рабин произнес краткую речь на церемонии на горе Скопус, где он получил звание почетного доктора Еврейского университета в Иерусалиме. Он принял это звание от имени тысяч офицеров и десятков тысяч солдат, сражавшихся в Шестидневной войне. Выступая от их имени, он сказал: "Наши солдаты в различных родах войск Цахала, — солдаты, которые всегда побеждали врагов, несмотря на то, что враги имели преимущество в численности и были лучше вооружены, — все наши солдаты проявили в сражениях не только отвагу и выдержку, но и горячую веру в справедливость нашего дела и понимание того, что только встретив грудью опасность, они смогут добиться победы для своей страны и для своих семей и что если победы они не добьются, то единственное, что нас всех ждет, — это полное уничтожение.

В основе всего было воодушевление, — продолжал Рабин, — это основная двигательная сила. Наши воины победили не только потому, что у них было в руках оружие, но и потому, что они осознавали свой долг, верили в справедливость дела, за которое сражаются, горячо любили свою страну и понимали, какая трудная задача легла на их плечи... Наша армия ... вышла из народа и возвращается к своему народу — к народу, который в минуту опасности поднимается как один и одолевает врага благодаря своей нравственной и духовной силе".

Осознание долга

Едва ли кто-либо мог глубже понять суть слов генерала Рабина, одобрить их так горячо и так гордиться армией, которой генерал Рабин командовал, чем не-

большая овечья легендами группа людей, которые когда-то, не видя других путей, взяли в руки оружие, чтобы защищать Израиль. Некоторые из них принадлежали уже далекому прошлому, Хашомеру и Нили. Но другие — legionеры Первой мировой войны и ветераны Еврейской бригады периода Второй мировой войны, командиры первых хрупких суденышек Хаганы и добровольцы Шая, палмахники и солдаты, принявшие участие в Войне за Независимость и в Синайской кампании, — были среди тех, кто слушал генерала Рабина в тот день в объединенном Иерусалиме, и они знали, что он говорит от их имени.

КНИГИ СЕРИИ "БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"

- 1–2. Леон Юрис. ЭКСОДУС
3. Д-р А.И. Кауфман. ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит. ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арье (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е. Хисин. ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод. РЕУБЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ (Процесс Эйхмана)
9. А.И. Гешель. ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы в русской поэзии
11. Натан Альтерман. СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниковский. СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Герцль. ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Ахарон Мегед. ХЕДВА И Я
16. Яков Цур. И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ. Стихи советского еврея
19. Говард Фаст. МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И. Домальский. РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
21. Игал Алон. ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер. УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш. ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917–1967)
25. Ш.Й. Агнон. ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести, главы из романов
26. Элизер Смоли. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Товия Божиковский. СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 2
30. А. Итай и М. Нейштат. ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. Эли Люксембург. ТРЕТИЙ ХРАМ
32. С.Г. Фруг. СТИХИ И ПРОЗА
33. Р. Губер. КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. Географический очерк
35. Дж. и Д. Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
36. И. Башевис-Зингер. РАБ

37. Р. Бонди. ЭНЦО СЕРЕНИ
38. Иегуда Галеви. СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ
39. Шломо Цемах. ГОД ПЕРВЫЙ
40. Шаул Авигур. С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ
41. Ханох Бартов. ВОЗМУЖАНИЕ
42. Ружка Корчак. ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ
43. Бернард Маламуд. ПОМОЩНИК
44. ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ
45. МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ
46. Моше Натан. БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ
47. Ицхак Маор. СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ
48. Ицхак Шенхар. СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ
49. Генри Рот. НАВЕРНО ЭТО СОН
50. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ
ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
51. Моше Шамир. ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ
52. Ахарон Мегед. ЗА СЧЕТ ПОКОЙНОГО
53. Давид Маркиш. ПРИСКАЗКА
54. МАКОВЫЙ ХОЛМ. Рассказы о жизни в киббуцах
55. Джон Орбах. РИКША
56. Иосеф Гедалиа Клаузнер. КОГДА НАЦИЯ БОРЕТСЯ
ЗА СВОЮ СВОБОДУ
57. Исаак Бабель. ДЕТСТВО и другие рассказы
58. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 1
59. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 2
60. Андрэ Шварц-Барт. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРАВЕДНИКОВ
61. Эммануэль Литвинов. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАЛОЙ
ПЛАНЕТЕ
62. Владимир (Зеев) Жаботинский. ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
63. Мартин Бубер. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
64. Макс И. Даймонт. ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ
65. Сол Беллоу. ПЛАНЕТА М-РА СЭММЛЕРА
66. ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ. Сборник
И. Кауфман. Библейская эпоха.
Л. Финкелстайн. Еврейская вера и претворение ее в жизнь.
Ш. Эттингер. Корни современного антисемитизма.
67. А. Суцкевер. ЗЕЛЕНЫЙ АКВАРИУМ
68. АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сборник

69. СКОПУС. Антология поэзии и прозы
70. Ури Дан. ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ
71. Моше Шамир. СВОИМИ РУКАМИ
72. Л. Коллинз и Д. Лапьер. О, ИЕРУСАЛИМ!
73. М. Новомейский. ОТ БАЙКАЛА ДО МЕРТВОГО МОРЯ
74. М. Гесс. РИМ И ИЕРУСАЛИМ
75. Ф. Кандель. ВРАТА ИСХОДА НАШЕГО
76. Ф. Баазова. ПРОКАЖЕННЫЕ
77. А. Шлионский. ГОРЫ ГИЛЬБОА
78. Иехуда Бурла. ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЬИ
79. Х. Н. Бялик и И. Х. Равницкий. АГАДА
80. ИСКУССТВО В ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
81. ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ
Б. Динур. Исторические основы возрождения Израиля
С. Дубнов. Письма о старом и новом еврействе
82. ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ В ИСПАНИИ
83. Ханох Бартов. ВЫДУМЩИК
84. Гилель Бутман. ЛЕНИНГРАД – ИЕРУСАЛИМ С ДОЛГОЙ ПЕРЕСАДКОЙ
85. Жак Дерожи. ТАЙНА СУДНА "ЭКСОДУС – 1947"
86. Цивья Любеткин. В ДНИ ГИБЕЛИ И ВОССТАНИЯ
87. М. Стейнберг. ОСНОВЫ ИУДАИЗМА
88. А. Кестлер. ВОРЫ В НОЧИ
89. Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА. Сборник стихов.
90. Ада Серени. КОРАБЛИ БЕЗ ФЛАГОВ.
91. Иехуда Атлас. ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ.
92. М. Стейнберг. КАК СОРВАННЫЙ ЛИСТ.
93. Н. Полетика. ВИДЕННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ
94. Эли Визель. ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
95. Альбер Мемми. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРЕЯ
96. Шломо Авинери. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
97. МЫ НАЧИНАЛИ ЕЩЕ В РОССИИ. Воспоминания
98. Хаим Градэ. АГУНА (БЕЗМУЖНЯЯ ЖЕНА)
99. Луи Финкелстайн. РАББИ АКИВА
100. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 1
101. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 2
102. Муня М. Мардор. СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ

103. Феликс Розинер. СЕРЕБРЯНАЯ ЦЕПОЧКА
104. Владимир Лазарис. МОЯ ПЕРВАЯ ВОЙНА
105. Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 1
106. Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 2
107. ИВРИТ – ЯЗЫК ВОЗРОЖДЕННЫЙ. Сборник статей
108. Ахарон Аппельфельд. ПОРА ЧУДЕС
109. Гилель Бутман. ВРЕМЯ МОЛЧАТЬ И ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ
110. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 1
111. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 2
112. Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 1
Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 2
113. Давид Шраер и др. В ОТКАЗЕ
114. Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ
МИСТИКЕ. Книга 1
115. Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ
МИСТИКЕ. Книга 2
116. Эфраим Урбах. МУДРЕЦЫ ТАЛМУДА
117. А. Аппельфельд, А. Оз, А. Б. Иехошуа, И. Бен-Нер,
Д. Шахар и др. ТЕНИ ОБРАЗА.
118. Владимир (Зеев) Жаботинский. ВОСПОМИНАНИЯ
119. Оскар Минц. ПРИЗМЫ
120. Игал Алон. ЩИТ ДАВИДА

"Называя улицы или площади именами знаменитых людей, мы обычно выражаем таким образом уважение к их заслугам, к их яркой, неповторимой личности. Сегодня, внося в карту Тель-Авива имя Игала Аллона, мы отдаем дань уважения не только этому замечательному человеку, но и целой эпохе в истории еврейского народа, символом которой он нам сегодня представляется. В личности и жизненном пути Игала Аллона нашли отражение все великие события, мечты и деяния Государства Израиль. И теперь образ этого замечательного человека воспринимается как олицетворение новой жизни нашего народа на земле родины. Мы навсегда сохраним память о еврейском юноше, крепком, как галилейский дуб, стройном, светловолосом и кудрявом, руки которого владели плугом и мечом, о человеке, до конца верном долгу, умевшем выполнить самый трудный приказ — и одновременно самостоятельном до дерзости, скромном — и знающем себе цену, бойце, работнике, государственном деятеле, друге и товарище.

Высокий боевой дух Палмаха, особая атмосфера, когда главным становится не формальная дисциплина, а чувство товарищества, добровольное исполнение воинского долга, сложились под непосредственным влиянием Игала Аллона. Эти традиции, воспринятые Армией Обороны Израиля, и по сей день являются ее ярчайшей отличительной чертой. Впоследствии и на высоких государственных и общественных постах Игалу Аллону всегда удавалось сочетать преданность делу с инициативой, товарищеские отношения — с авторитетностью, исполнительский талант — с теоретической мыслью, заглядывающей далеко вперед. Крупнейшие государственные деятели многих стран, знавшие его на посту министра иностранных дел, чрезвычайно ценили и уважали его как человека, коллегу и друга.

И мы решили дать улице Героев Израиля имя Игала Аллона потому, что нет более подходящего имени, олицетворяющего героизм. Это имя человека, бывшего героем на войне и в мирное время, воспитателя и государственно-го деятеля.

Игал Аллон не нуждается в увековечении своего имени. Это нужно нам. Важно, чтобы его образ продолжал жить в сердцах и оказывать облагораживающее воздействие на новые поколения молодежи".

(Из речи Ш. Лахата в день открытия улицы Аллона.)